СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ.

Второй выпускъ II тома Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

СКАЗКИ,

ПОСЛОВИЦЫ И Т. П.,

ЗАПИСАННЫЯ

въ Екатеринославской и Харьковской губ.

И. И. Манжурою.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія К. Счасни, Сумская ул., д. № 1-й.
1890.

Довгомудыкъ (тхиръ).

Бувъ соби дидъ та баба и унадывсь до ныхъ довгомудыкъ курчатъ таскаты. Перетаскавъ усихъ, а то прыйшовъ и курипочку забравъ. Отъ дидъ и ка: „пиду я, бабо, вбью довгомудыка", тай пишовъ. Иде та иде, дывытьея ажъ лежить кизячокъ. „Куды ты, диду, йдешъ?"—Довгомудыка быть. „И я зъ тобою."—Ходимъ. Пишлы вдвохъ, ажъ лежить лычко. „Куды ты, диду, йдешъ?"—Довгомудыка быть. „И я зъ тобою".—Ходимъ. Пишлы у трёхъ, ажъ лежыть кыёчокъ. „Куды ты, диду, йдешъ?"—Довгомудыка быть. „И я зъ тобою".—Ходимъ. Пишлы въ чотырёхъ, ажъ лежить жолудыкъ. „Куды ты, диду, йдешъ?"—Довгомудыка быть. „И я зъ тобою".—Ходимъ. Пишлы у пьятёхъ, ажъ лизе ракъ. „Куды ты, диду, йдешъ?"—Довгомудыка быть. „И я зъ тобою".—Ходимъ. Пишлы у шистёхъ, ажъ бижыть пивныкъ. „Куды ты, диду, йдешъ?"—Довгомудыка быть. „И я зъ тобою".—Ходимъ. Прыйшлы, ажъ стоить довгомудыкова хатка: воны у ту хатку, ажъ довгомудыка нема. Воны и поховалысь тамъ: жолудыкъ у пичь полизъ, кизячокъ на порози лигъ, лычко пидъ порогомъ, кыёчокъ на горище злизъ, ракъ у помыйныцю усковзъ, пивныкъ на жердочку злетивъ, а дидъ полизъ та на печи и лигъ. Отъ прыбига довгомудыкъ, а жолудыкъ у печи роспарывсь та:

Довгомуде, довгомуде!
Прыйшлы къ тоби добри люде,
Хотять тебе вбыты,
Курипочку слобоныты.

Довгомудыкъ: „що, що таке?" А жолудыкъ зновъ своейи, а це якъ рорирись добре та тилко: лусь, лусь! Якъ злякаеться довгомудыкъ та до помыйныци, а ракъ его за ногу; винъ на жердочку, а пивныкъ его у головку; винъ тоди до порога, осковзнувъ на кизячокъ, упавъ та у лычко заплутавсь, а кыёкъ—зъ горища тай убывъ его. Дидъ тоди забравъ курипочку, шкурку знявъ тай пишовъ соби.

(Ольшана Богодух. у.)

Лысычка, тыковка, скрыпка та капканъ.

Йихавъ чоловикъ дорогою тай загубывъ тыковку. Лежить вона проты витру тай гуде, ажъ бижыть лысычка. „Бачь, каже, реве, хоче ще злякаты! Ось я тебе утоплю". Ухватыла йийи за мотузочку, почепыла на шыю и подалась

до ричкы. Стала тыковку топыты, а та набераетьця воды та булькотыть. „Ичь, каже, ще и просытьця! И непросысь, бо непустю". Отъ якъ тыковка вже набралась тай лысычку тягне у воду. „Бачь яка, каже. То просылась, а це шуткуе. Пусты бо!" Всылу вона одъ нейи вырвалась. Оть бижыть, ажъ лежыть на дорози скрыпка та на витри и гуде потыхеньку. „Бачъ, каже лысычка, ангольскый голосокъ, такъ чортова думка", тай обмына йийи. Бижыть дали, ажъ чоловикъ капканы розставывъ. „Бачъ, каже, яки хытрощи-мудрощи! Хыба вже на йихъ и . . . .ightlyнеможна?" Тилко сила, а капканъ йийи за хвистъ. „Бачь яке, каже, ще й държе!" Ажъ ось до тыхъ капканивъ и хазяйинъ иде. „Дывысь, ще може и быть буде!" А той чоловикъ узявъ йийи тай забравъ.

(Алексѣевка Александровск. у.)

Лысычка та чоловикъ.

Задумавъ чоловикъ, якъ бы ёму ту лысыцю одурыты, що вона така хытра. Отъ напхавъ мишокъ соломою, щобъ ростопырювачуватый бувъ, та десь у дирку курячу головку застромывъ тай иде. Ось бижыть лысычка. „Бачу, каже, що якись гостыньци несешъ".—Яки тамъ гостынци! Куры несу на базарь. „Продай мени".—Купы. „А по чому?"—Та зъ кого по симъ зъ половыною, а тоби вже хай по симъ. „Добре, каже, личы".—Е, каже, я нехочу, щобъ порозлитались; лизь сама у мишокъ тай личы. Лысычка у мишокъ, винъ йии и завьязавъ тамъ. „Оттаке, каже; пусты бо, мени николы". Той иде мовчкы. А вона знову: „оттаке, каже; то бувъ день, а це ставъ ничъ". Той иде соби. А вона: „пусты бо, дывысь: сяки-таки шуткы тай сыды суткы". Прыйшовъ той чоловикъ на базарь, а вона: „оттакъ! небула на базари, такъ буду". Зна що шкура буде на базари.

(Мануйловка Новомоск. у.)

Вовча писня.

Бувъ соби дидъ та баба та була у йихъ курочка ряба, семеро овечокъ и песыкъ Левонтовычъ. Отъ сыдять воны тай кажуть: „якъ бы це хто намъ заспивавъ, оддалы бъ ёму овечку". А вовкъ пидслухавъ, иде тай спива:

Зъ горкы на горку дворець,
У дида, у бабы семеро овець,
Курочка рябенька
И песыкъ Левонтовичъ!

„Даймо, бабо, ёму овечку!" Отъ оддавъ дидъ овечку, вовкъ узявъ йийи пишовъ. Зйивъ, прыходе у друге, спива, дидъ ёму и другу оддавъ. Та такъ вовкъ ходывъ, ажъ покы усихъ овечокъ не перебравъ; а якъ забравъ усихъ

дидъ ёму и курочку давъ, а дали и песыка. Роспонадывся вовкъ, ше йде; дидъ думавъ-думавъ тай бабу оддавъ. Зйивъ вовкъ и бабу, прыходе та знов сniва. Выйшовъ самъ дидъ до его, винъ узявъ и дида зйивъ.

(Ольшана Богодух. у.)

Вовча колядка.

Бувъ соби дидъ та баба, а въ йихъ курочка ряба, пивнычокъ-спивачокъ, семеро овечокъ и бычокъ-третячокъ. Отъ вовчыкъ та лысычка назналы тай кажуть: „Ходимъ до того багача колядувать!"—Ходимъ. Отъ прыйшлы пидъ хату та: „диду, благословить колядувать!"—Та ничого давать. „Намъ хочъ бычка-третячка".—Ну колядуйте. Воны и завелы:

Соломьяный хливъ, хливъ,
Соломьяна й хата;
Живуть дидъ та баба
И курочка ряба,
И пивнычокъ-спивачокъ,
И семеро овечокъ,
И бычокъ третячокъ!

Давай, диду, бычка-третячка!" Вывивъ йимъ дидъ бычка, воны пишлы и зйилы ёго. „Ходимъ, кажуть, ше до того багача колядувать!"—Ходимъ.

(Такъ они ходили, пока незабрали всѣхъ овечекъ, пивныка, курочку и даже бабу.)

Прыходять у въ останынѣ. „Благословить, диду, колядувать!"—Та ничого давать. „Хочь самъ выйды".—Ну колядуйте. Воны проспивалы ёму соломьяного хлива та: „выходь, диду!" Дидъ выйшовъ, воны и его зйилы.

(Трёмсыннивка Александр. у.)

Лысычка, зайчыкъ, вовчыкъ, ведмидь та якилко [1]).

Пишла лысычка-сестрычка на богумиллячко. Иде день, иде два, бижыть зайчыкъ-Степанчикъ. „Лысычко-сестрычко, куды ты йдешъ?"—На богумиллячко. „Озьмы й мене".—Такъ багато буде. „Ничого!" Отъ пишлы уже вдвохъ. Идуть день, идуть два, иде вовчыкъ-братикъ. „Лысычко-сестрычко, куды ты йдешъ?"—На богумиллячко. „Озьмы й мене".—Такъ багато буде. „Ничого". Пишлы втрёхъ. Идуть день, идуть два,—йде ведмйдь. „Лысычко-сестрычко, куды ты йдешъ?"—На богумиллячко.—„Озьмы й мене".—Такъ багато буде. „Ничого!" Отъ идуть день, идуть два, ажъ чоловикъ яму копа. „Чоловиче", чоловиче, мы тебе зйимо".—Пидождить же, кае, покы я ямы докопаю, хворостнякомъ затрушу; вы поперескакуете до мене, тоди и зйисте. „Копай же,

---

[1]) Рудченко, Н. ю. р. ск. I, 10.

та швыдче". Докопавъ той чоловикъ ямы, хворостнякомъ затрусывъ: сталы воны скакаты тай попадалы уси у яму. Сыдять день, сыдять два, захотилось йимъ йисты. Лысычка и каже: „давайте зйимо того, у кого погане мня. Лысычка-сестрычка, каже, добре, Зайчыкъ-Степанчыкъ—добре, Вовчыкъ-братикъ—добре, Ведмидь—погане. „Узялы ведмедя и розирвалы. А лысычка-сестрычка тушку зйила, а кышечкы пидъ себе поховала, та якъ нестало вже у тыхъ чого йисты, вона вытяга ти кышечкы з-пидъ себе та йисть. „Шо це ты, лысычко-сестрычко йисы?"—Та це я кышечкы зъ себе тягну та и йимъ. Ти дурни пороздыралы соби пуза. вона и йихъ пойила. Сыдыть день, сыдыть два, ажъ прылетивъ якилъ (дятелъ), сивъ на дуба тай клюка. „Якилку-братику, вызволь мене зъ цийи неволенькы!" Якилъ заразъ шо клюкъ, то и дрюкъ, шо клюкъ, то и дрюкъ: наворочавъ йий повну яму дубья: вона и вылизла. „Спасыби тоби, якилку-братику, шо вызволывъ зъ цийи неволенькы; теперъ якъ бы ще нагодувавъ!" Якилъ заразъ полетивъ у степъ, а тамъ дивчына саме косарямъ обидъ несла. Винъ и давай передъ нею быться, наче пидбытый. Дивчына ту страву поставыла та за нымъ, та за нымъ, а лысычка и пидибрала и той борщыкъ, и кашку, и молочко, та ще и глечычкы побыла. „Спасыби тоби, якилку-братику! вызволывъ ты мене зъ неволенькы, нагодувавъ; якъ бы ще и напойивъ!" Якилъ полетивъ, ажъ-ось везе чоловикъ барыло на степъ. Винъ сивъ на воронци тай клюка. Чоловикъ якъ розсердытьця, якъ выхвате прытыку, якъ учеше по барылови,—потрощывъ його, вода розлылась, а лысычка и напылась. „Спасыби тоби, якилку-братику! вызволывъ ты мене зъ неволенькы, нагодувавъ и напойивъ: якъ бы ще насмишывъ!" Якилъ полетивъ у слободу, а тамъ на току молотывъ чоловикъ зъ сыномъ, та такый лысый, якъ колино. Якилко и сивъ ему на лысыну. Старый хотивъ спугнуты, а сынъ: „стійте, тату, я його вбью!" Та якъ учешеципомъ батька по лысыни,—той и вытягсь. „Спасыби тоби, якилку-братику! вызволывъ ты мене зъ неволенькы, нагодувавъ, напойивъ и насмишывъ; якъ бы ще настрахавъ!" Якилъ зновъ у степъ, полетивъ, сивъ у чабана на гарби тай клюка. Чабанъ якъ розсердитьця, якъ учеше кгерлыкгою по драбыни, розбывъ гарбу; а собакы почулы та за якилкомъ, а той туды, де лысычка. Побачылы йийи собакы та за нею: гналысь, гналысь, ажъ покы у скоту загналы. Сыдыть вона тамъ, сама себе пыта, сама и одвича. „Очыци мойи, очыци, шо вы робылы, якъ тикалы?"—А мы усе дывылысь черезъ кряжъ та черезъ долыну, черезъ кряжъ та черезъ долыну. „Я вамъ за це окуляры покуплю. Нижкы, мойи, нижкы, шо вы робылы якъ утикалы?—А мы биглы швыдко та ридко, швыдко та ридко. „Я вамъ панчишкы покуплю. А ты хвистъ шо робывъ?"—А я, черезъ пень та черезъ колоду, черезъ пень та черезъ колоду, шобъ тебе Сирко—Билко зъйивъ. „А, такъ ты такый? нате вамъ его собакы!" Та выстромыла хвоста зъ поры, а собакы вытяглы йийи и розирвалы.

(Трёмсынивка Александр. у.).

Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ.

1) Бувъ соби дидъ та баба, а у йихъ курочка ряба та пивнычокъ. Отъ побиглы воны разъ на смитныкъ, тай знайшлы по зерняты. Пивнычокъ же свое ковтнувъ, а курочка вдавылась, лежить и недыше, крыльцями неколыше. Пишовъ пивныкъ до моря воды прохаты:

„Море, море, дай воды!“
— На шо воды? „Тури вода;
Тамъ и Турька лежить,
И недыше уже,
Крыльцями, нижками неколыше уже“.

— Иды до вола, хай ригъ дасть. Пишовъ винъ до вола:

„Воле, воле, дай ригъ!“
— На шо рогы? „Морю рогы,
Море мени воды дасть“.
— На шо вода? и т. д.

— Иды до дуба, хай жолудь дасть. Пишовъ винъ до дуба:

„Дубе, дубе, дай жолудь!“
— На шо жолудь? „Волу жолудь,
Вилъ мени ригъ дасть.“
— На шо рогы? и т. д.

— Иды до лыны, хай лысть дасть. Пишовъ винъ до лыны:

„Лына, лына, дай лыстъ!“
— На шо лыстъ? „Дубу лысть,
Дубъ мени жолудь дасть“.
— На шо жолудь? и т. д.

— Иды до дивокъ, хай сплетуть мени винокъ. Пишовъ винъ до дивокъ:

„Дивкы, дивкы, сплетить винкы!“
— На шо винкы? „Лыни винкы,
Лына мени лысть дасть“.
— На шо лысть? „Дубу лысть,
Дубъ мени жолудь дасть“.
— На шо жолудь? „Волу жолудь,
Вилъ мени ригъ дасть“.
— На шо рогы? „Морю рогы,
Море мени воды дасть“.
— На шо вода? „Тури вода;
Тамъ и Турька лежить,
И недыше уже,
Крыльцями, нижкамы неколыше уже.

Сплелы дивкы ёму винокъ; понисъ винъ лыпи, лыпа лыстъ дала; понисъ лыстъ до дуба, дубъ жолудь давъ; понисъ жолудь до вола, вилъ рогъ давъ; понисъ рогы до моря, море воды дало, набравъ пивнычокъ водыци, та покы прынисъ, ажъ курочку вже и червы зточылы.

(Трёмсынивка Александр. у.).

2) Бувъ соби дидъ та баба, а у йихъ курочка ряба, та знесла ячко, не простее, золотее. Дидъ бывъ—нерозбывъ, баба была—нерозбыла, положылы въ черепочку, поставылы у куточку; мышка бигла, хвостыкомъ зачепыла и розбыла. Дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, соломьяни двери рыплять.

Стоить дубъ. „Двери, двери, чого вы рыпыте?"—Поспускай гилля, такъ скажу. Дубъ и поспускавъ гилля.—Якъ же, кажуть, намъ не рыпиты: бувъ соби дидъ *и проч*.... соломьяни двери рыплять, дубъ гилля поспускавъ.

Иде баранъ воды пыты: „Дубе, дубе, чого ты гилля поспускавъ?"—Збый соби рогы, такъ скажу. Винъ взявъ и позбывавъ.—Якъ же мени не поспускаты: бувъ соби дидъ *и проч*.... баранъ рогы збывъ.

Прыйшовъ баранъ до ричкы. „Баранъ, баранъ, чого ты рогы позбывавъ?"—А стань кривяною, такъ скажу. Ричка и стала кривяною.—Якъ же мени не позбываты: бувъ соби дидъ *и проч*.... ричка кривяною стала.

Прыходе до ричкы попова дивка тарилокъ баныты: „Ричка, ричка, чого ты кривяною стала?" А побый отту посуду, такъ скажу. Дивка и побыла. —Якъ же, каже, мени кривяною не статы: бувъ соби дидъ *и проч*.... дивка посуду побыла.

Прыйшла дивка до дому, а попадя саме дижу учыныла. „Чого ты, пыта, посуду побыла?" А порозкыдайте цю розчыну по хати, такъ скажу. Порозкыдала попадя розчыну, дивка и каже: „якъ же мени не побыты: бувъ соби дидъ *и проч*.... попадя розчыну по хати порозкыдала.

Прыходе пипъ: „Що це ты наробыла?"—А одрижь косу, такъ скажу. Пипъ узявъ тай одризавъ.—Якъ же мени не порозкыдаты: бувъ соби дидъ *и проч*.... дивка посуду побыла, матушка розчыну порозкыдала, пипъ косу одризавъ.

(Трёмсынивка Александр. у.).

Два вовкы.

Бувъ соби вовкъ та такый-то уже старый, шо пиде вже ничого непiйма и незадере. „Пиду, каэ, ляжу на шляху, може хто забье". Отто лигъ тай лежыть, колы це бижыть молодый вовкъ. „Доровы, дядьку!" Доровъ. „А чого це вы тутъ лежыте?"—Та нездужаю вже и йисты добуты; а ты жъ хто такый будешъ? „Та я такого-то роду, може чувалы?"—Знаю, каэ, славни булы увесь

ридъ: чы и ты жъ такый? „Э, дядьку, я ще чыще йихъ усихъ; ось я вамъ заразъ йисты добуду.“ Побигъ та прямо на отару, а собакы якъ почують та за нымъ, а винъ прямо на того старого лупе; добигъ, перескочывъ черезъ ёго, а собакы на старого; всылу, всылу винъ утикъ. Пишовъ дали, лигъ. Ажъ ось бижыть другый вовкъ „Чого це вы, дядьку, тутъ лежыте?“—Та таке-то й таке, нездужаю вже и пропасты. „Отъ я васъ нагодую“.—Та мене вже одынъ нагодувавъ. Ты самъ чый будешъ? „Та я такого-то заводу“.—Э, ваши вси булы лайдакы та мошенныкы. „Ни, дядьку, я нетакый“. Ажъ-ось йиде чоловикъ кобылою и лоша бижыть. „Идить же, каже, дядьку, та ляжте у жыти“. Той пишовъ, лигъ, а молодый якъ наскоче на лоша, погнавъ ёго у жыто, задавывъ, шей почавъ. „Йижте, каэ, дядьку“. Чоловикъ же за лошамъ, а той вовкъ до кобылы, заризавъ и кобылу; пишовъ той чоловикъ плачучы. „Отце вамъ, кае, дядьку, днивъ на стилко хвате“.

(Покровское Александров. у.).

Павукъ та соплякъ.

Иде павукъ зъ города, а соплякъ у городъ, тай зийшлыся. „Де це ты, пыта павукъ сопляка, идешъ?“—Та иду у городъ. „Чого такъ?“ Та на сели чортма мени життя. Мужыкъ якъ высякаетьця, заразъ тебе шкваркне объ землю та ше и ногою розитре. А въ городахъ, я чувъ, тамъ нашого брата у хусточкы збырають та у кышеню ховають. „Правда, кае. А я це зъ города на села подаюсь, каэ павукъ, бо у городи, де тилко у горныци не перепну павутыння, заразъ мене и зметуть; а тамъ на сели я поселюсь де небудь у мужыка тай жытыму.

(Алексѣевка Александр. у.).

Блоха та муха.

Летыть муха зъ города, а блоха у городъ скака, тай зострилысь. Давай роспытуватысь. „Я, каже муха, ненайшла добра у городи. Отто якъ попойилы, заразъ усе попрыбералы, позаперыли, а ты и литай соби цилый день голодна. Та и голодній недають спокою: то женуть, то трують; а у слободи я буду шо дня и найидена и напыта. Хочь и пойидуть де, я до дитей прымостюсь та усе такы пайимся. А ше якъ у сметану заберусь! У городи колы не колы йийи побачышъ, а колы и доведетьця зализты у нейи, то лакей вытягне, обсмокче, та якъ шкваркне объ помистъ, то тоби днивъ двое ребра болять. А у слободи якъ упадешъ у мыску зъ сметаною, то баба такъ тебе ложкою у сметани и выкыне геть: така роскишъ, йижъ, стилко душа бажа“.—А я, каэ блоха, думаю це у городъ, бо у слободи народъ усе робочый та худый, ридко колы у хати и сыдыть, а не то, шобъ спаты: такъ соби цилый день го-

лодна и блукаешъ. Нападесься зъ голоду на кишку, а та тоби уси очи выдряпа. А хочъ хазяйинъ изъ роботы вернетьця, шо жъ? Хыба винъ постелетьця до дила? Де упавъ, тамъ и заснувъ, чы на твердому, той на твердому, та такъ тебе николы прыдаве, шо ажъ маслакы трищать. А у городи я зализу де небудь у перыны, ляже панъ сытый такый, тамъ то мени и найда.

(Мануйловка Помосковск. у).

Дви мыши.

Казала полюва мыша хатній: „Отъ я, сестрычко, страхъ якъ боюся того, шо у вечери вгори крыльцями трипа".—Е, сестрычко, то ничого, каже хатня, а онъ страшно того, шо пидъ стогомъ сыдыть та ще и дрима. Це бъ то кибець та китъ.

(Алексѣевка Александр. у.).

О богатыряхъ.

Багатыри жывуть тамъ десь, де пущи, та стережуть хрыстіяньську землю одъ змийивъ. Отто якый змий вырветьця зъ пущивъ, такъ багатырь поженетьця за нымъ тай забье.

Недокажу, чы воны вже вмерають, чы якъ, а тилко выходять зъ насъ. Выйдуть ёму лита, то винъ прояве себе, тай скрыетьця.

Багатырь усе одно, якъ святый: ёго непобачышъ. Разъ у Марiонополи (Маріуполѣ) торговкы на базари бачылы, якъ ишовъ багатырь. Такъ тилко, кажуть, картузыкъ изнявъ проты церквы, перехрестывсь та тилко его и бачилы.

У багатыря и кинь багатырськый. Разъ прыбывсь такый кинь до табунщыкивъ, такъ шо вже воны ёму не робылы, куды не заганялы, то хочь яка загата, такъ перескоче и канатъ ёго ни якый неудерже. Такъ десь и подавсь. Та вже днивъ черезъ тры проходывъ тамъ чоловикъ та пытавъ того коня: отто жъ багатырь и шукавъ ёго по соби.

А то разъ зайихавъ чоловикъ у шынокъ, а коня биля порога прывьязавъ. Такъ покы винъ тамъ пывъ, а той кинь такый здоровенный камин на попилъ побывъ. Та тоди вже якъ пойихавъ, побачылы, шо изъ каменемъ кинь зробывъ, и познали, шо то йшовъ багатырь.

Коня багатыреви выйиздыть святый Юрій. Отто бува въ табуни, або де на конюшни задасться такый кинь, шо якъ ёго не глядять, гляды и утече, а тамъ черезъ ничь, чы черезъ день, або самъ прибижыть, або люде де найдуть. То жъ винъ и бигавъ до святого Юрья у науку. Такого коня або продай, чы проминяй, бо все одно зъ ёго толку небуде: або самъ забижыть, або пропаде, шо небудь задаве.

Багатырь якъ стойить коло пущивъ, такъ тоди ёму коня нетреба; а якъ вже поженетьця за змiемъ, такъ кинь самъ ёго знайде.

Бувъ у вдовы хлопчыкъ та такый неоковирный: вси его було бьють. Отъ вышло ёму годъ дванадьцять, чы чотырнадьцять, попобывъ ёго хтось, а винъ тоди шапку зъ ёго знявъ та плечемъ вуголъ пиднявъ у комори, поклавъ пидъ ёго шапку та зновъ и надавывъ вугломъ. А самъ незнать де и дивсь.

А то у друге тежъ хлопчыкъ служывъ у хазяйина. Пойихалы воны разъ колодкы возыты. Отто навалылы тай загрюзылысь у бакайи. Той хазяйинъ ажъ плаче та того хлопця лае, шо необеригся. А той слухавъ, слухавъ, а дали якъ узявъ колоду за комель, пидвивъ проты себе, якъ свичку, та якъ ударе комлемъ у землю, такъ вона на сажень у землю и ввiйшла. Тоди и подавсь соби, куды ёму було треба.

Разъ прывозе наймытъ до млына мишкы, а мирошныкъ непрыйма. Той узявъ та ти мишкы прямо зъ воза и покыдавъ ему ажъ у верхнѣ викно, тай пойихавъ. А въ ночи шось зъ того млына повытаскувало каминьня та геть на гору ше закотыло. А того робитныка зъ того часу нихто вже и небачывъ.

(Бердянскiй и Александр. у. Екатерин. губ.)

О змѣяхъ.

Змiй робытьця зъ простойи гадыны, тилко йiй треба такъ де-небудь пробуты, шобъ вона симъ годъ нечула ни дзвона, ни чоловичого голосу. Тоди у нейи почнуть росты крыла и будуть росты ше симъ годъ. Та якъ и за ци симъ годъ непочуе вона ни дзвона, ни чоловичого голосу, тоди вже и летыть людимъ на вредъ.

(Токмакъ Бердянск. у.)

Росказують: ше може не за нашого уряду та литавъ до однiейи жинкы змiй, та такъ йийи переввивъ, шо тилко одна у нейи чоловича облуда. Такъ йийи чоловика хтось и нарадывъ. „Стань ты, каже, у глухимъ кинци ворить, то винъ тебе невздрыть". Той такъ и зробывъ. Отъ якъ добре у лягмо, и прылита змiй. Заразъ упавъ коло порогу, крыла повыймавъ, постромлявъ у стриху та—въ хату. А той чоловикъ—за крыла та зибравъ людей. Отъ змiй выйшовъ, ажъ ни-якъ летиты. Давай винъ того чоловика прохаты, шобъ вернувъ ёму крыла: такъ за нымъ слидкомъ и ходе. Такъ кажуть спереди звсимъ чоловикъ, а повернетьця задомъ—кышкы волочатьця. Та недокажу вже, чы винъ оддавъ ёму крыла, чы ни, а шо одъ жинкы,—одлучывъ.

Змий якъ лита до жинкы, такъ винъ йийи суше. Отто подывысь: яка свора та худа, якъ свитятьця проты сонця вуха, то до нейи змий лита.

(Мануйловка Новомоск. у.)

Чабанецъ.

Бувъ соби чабанець та такый, що якъ винъ ще измалку все вивци пасъ, той ничого незнавъ. Отъ разъ и выпавъ ёму зъ неба каминь, не якый тамъ и каминь, у висимъ пудивъ. То винъ було усе и граетьця тымъ каменемъ: отце причепе до батога, та якъ кыне у гору, а самъ спаты ляже на цилый день; прокынетьця, ажъ, ось и каминь летыть, та якъ упаде, такъ було по колина у землю и вгрюзне. А то озьме покыне середъ степу сирякъ, тымъ каменемъ навале, то хыба тамъ тры чоловикы, або й бильшъ, а то неозьмуть. Маты було ёго лае: „що ты дурный тягаесься зъ такою каминюкою? Ще пидорвесься!“ А ему й байдуже: катае тай катае той каминь. Отъ до того царя, у якимъ царстви той чабанець бувъ, та ставъ пидступаты пидъ городъ змій; таке, пудивъ по трыдцять, каминня ворочае, кыда та дворець соби строе, и требуе, щобъ той царь за ёго свою дочку оддавъ. Царь переляковсь, давай засылаты скризь по царству, по судахъ, по волостяхъ, чы не найдетьця де такый багатырь, щобъ того змія стребывъ. Шукалы-шукалы, ненаходытьця. А той чабанець прочувъ тай похвалысь: „я бъ того змия, каже, батогомъ забывъ„. Винъ же, може, сказавъ на глумъ, а люде взялы на умъ, доставылы цареви увъ уха; той и требуе ёго. Отъ прыступывсь винъ до царя, царь подывывсь на ёго, що винъ такый малый тай каже: що ты кажешъ! Ты ще младый!“ А винъ звистно: хлопья.—Ничого, каэ. Ну, отто дае ему царь два полкы салдатъ, (полкъ песелныкивъ, а полкъ музыкантивъ). Чабанець выйшовъ до тыхъ салдативъ да якъ скомандувавъ, то неначе винъ уже годъ двадьцять, якъ у тій службы служывъ. Тоди царь сплеснувъ тилко рукамы та: „Боже мій!“ каэ. Отъ недоходя за стилко тамъ гинъ до того змия, покыда винъ свойи полкы и прыказуе: „глядить, каже, якъ зъ зміевого дворця зъ трубы пиде дымъ, то я ёго побывъ, а якъ пиде поломья, то винъ мене. Покынувъ те військо, а самъ и пишовъ. А той змій та такый бувъ сылный, що за гоны до себе неподпуска, такъ духомъ и побыва. Отъ якъ забачывъ ёго змій, заразъ дмухнувъ, ажъ ни, той и незворухнетьця. „Ну, пыта, зачымъ добрый молодець зайшовъ? Чы будемъ бытьця, чи мырытьця?“—Не зъ тымъ добрый молодець ходе, щобъ мырытьця, а зъ тымъ щобъ бытьця. Той ему каже: „Та ты пиды ще тры годы погуляй, та тоди и прыходь.“—Ни, каже, я вже гулявъ. „А чымъ ты, пыта, мене будешъ быты?“—А отцымъ батогомъ. А у ёго батигъ тамъ може зъ цилого вола зплетеный и каминець той на кинци прывьязаный. „Ну, каже змій, бый мене!“—Ни, бый ты мене напереду. Отъ у змия мечъ у тры сажени зализный, чи стальный, якъ ударе-жъ винъ того чабанця нымъ, такъ той мечъ на канцурки и розскочывсь. „Держысь же, каже, „теперъ я тебе ударю. Якъ шмагоне ёго тымъ каминцемъ,—змий тутъ и роспластавсь, а дымъ и пишовъ у трубу. Тутъ ёго військо таке

раде, музыканты грають, песелныкы спивають, царь ёго стрича, бере заразъ пидъ рукы, веде у дворець. Отъ оддавъ царь за ёго дочку, постройвъ йимъ дворець на-оддили, живуть воны соби. А други цари тай почалы розбалакуваты, шо „якъ—такы свою ридну дочку та оддаты за чабяна!" Цареви вже и самому жалько и засыла винъ скризь бумагы, чы ненайдеться де такый багатырь, шобъ ёго мигъ стребыты. Скоро и найшлось двое. Отъ зибралы йихъ и пишлы воны до того чабанця, а винъ сыдыть за столомъ, кныжку чыта и зачувъ уже, шо це до ёго быться идуть. Прыйшлы воны, винъ и пыта: „зъ чымъ добри молодци прыйшлы! чи будемъ быться, чи мырыться?"—А вже жъ, кажуть шо быться. „Стрывайте жъ, каже, я богу помолюсь". Помолывсь тай сивъ зновъ за стилъ и голову рукамы пидперъ. „Ну, каже, теперъ быйте!" Отъ одынъ якъ ударе черезъ ливе плече, такъ мечъ и розскочывсь. А другый якъ ударе навхрестъ черезъ праве—тилко сорочку перерубавъ. Тоди винъ уставъ, узявъ йихъ обохъ, якъ здавывъ докупы, такъ маслакы зъ йихъ и посыпалысь. Набравъ винъ тоди тыхъ маслакивъ у кулакы, та такъ ёму досадно на царя стало, пишовъ винъ до ёго и невелыча, а прямо каже: „а шо, бачышь це? Отце жъ и тоби буде!" Тоди и годи царь ёго чипаты.

(Биляевка Александр. у.)

Чорный Иванъ та Золотокудрый Иванъ.

Бувъ соби чоловикъ, а у ёго бувъ сынъ Иванъ, такъ соби ще хлопчыкъ. Отъ пишовъ разъ той чоловикъ травы косыты, а ёму наказавъ шобъ винъ обидъ выписъ. Несе отто Иванъ ёму обидъ, ажъ дывыться сорока по стежци перескакуе. „Дай я йийи, дума, пиймаю." Поставывъ ти глечычкы та за нею, та за нею, усе цилыться пийматы, та такъ гинъ зъ пьять, може, однйшовъ вже одъ тыхъ глечикивъ, тай заблудывсь; иде вже та ще лисомъ навмання. И прыйшовъ у саму середыну ажъ тамъ стойить такый тритажный домъ! А це винъ зайшовъ вже у инше царство, у друге государство. Дывыться, кругомъ того дому каменна стина, а на воротяхъ такый замокъ, шо ёму и непидняты. Винъ заходывсь, пидкопавсь тай пишовъ у той дворець. Розглядивсь, ажъ стоять столы поубырани, а на тыхъ столахъ усяки напытки й найидкы. Винъ сивъ, закусывъ, вына вьшывъ тай заснувъ. Отъ прыйижджае хазяйинъ, багатырь Иванъ Чорный. Якъ глянувъ на столы, „еге, каже, хтось у мене бувъ! Знайшовъ того малого, хотивъ зарубаты, та дали й одумавсь: „сонного, каже, якъ рубать, все одно, шо мертвого колоть". Заразъ розбудывъ ёго, роспытавъ тай каже: „Будь мени сыномъ! Я ось пойиду на охоту, а ты скризь ходы, скризь ходы, тилко у той-онъ погрибъ незаходь". Отто на-

казавъ тай пойихавъ на трое сутокъ. А хлопець ходывъ, ходывъ та: „чомъ мени, каже, неподывыться, шо тамъ е?“ Пидобравъ ключыка, одперъ ляду и полизъ. Ажъ тамъ у казанахъ стойить золото та срибло, и нетаке, якъ у насъ, нечысте, а чысте-чысте, якъ слëза. Винъ взявъ та одну руку и встромывъ у те золото, подывывсь—гарно; винъ и другу—ще краще, винъ и голову встромывъ. То бувъ кучерявый, ловкий, а то вже ставъ такымъ, шо мабуть лучшого й на свити нема, та ще къ тому ставъ сылнымъ могучымъ багатыремъ. Выйшовъ зъ погриба тай дума: „шо жъ мени теперъ батькови казать, якъ винъ прыйиде? Пошыю соби рукавычкы та колпакъ“. Заходывсь, пошывъ, ажь ось и Чорный Иванъ йиде. Винъ до ёго: „гляньте, тату, яки я соби рукавычки та колпакъ пошывъ!“—Ловки, каже. А винъ уже зна, де винъ и бувъ и чого наробывъ. Отъ спочывъ винъ дома и одъйиждка ще на шестеро сутокъ, а ёго кыда зновъ на хазяйстви. Отъ винъ ходывъ-ходывъ, забавлявсь-забавлявсь, а тамъ узявъ ружжо зарядывъ, хоче пробувать, чы далеко встрелыть, такъ у двори тисно. А середъ двору тамъ стоявъ стовпъ та такый, шо ажъ за хмары. Винъ и стрелнувъ у той стовпъ, ажъ у саму макивку. Якъ стрелнувъ, такъ той стовпъ и разсыпавсь. „Е, каже, це я теперъ самъ багатырь,“ та пишовъ у той погрибъ, набравъ того золота, давай зъ ёго стовпа складаты. Покы Чорный Иванъ звернувсь, а винъ ёго и вывивъ та ще на тры вершкы й выще. Отъ вернувсь Чорный Иванъ, баче, шось стовпъ позолотыло, винъ и догадавсь хто, та некаже ёму ничого. Спочывъ отто, зновъ йиде на охоту вже на дванадцятеро сутокъ, а ёго оставля на хазяйстви. Отъ винъ ходывъ-ходывъ, и нагыбавъ десь у куточку ляду, шо винъ йийи доси и непрымичавъ. Заразъ заходывсь, ляду разбывъ, дывыться, ажъ тамъ двери; винъ и йихъ розбывъ, ажъ тамъ други; винъ и ти, та такъ самъ дванадцятеро дверей розбывъ. Дывытьця, кинь стойить багатырскій на дванадцаты цепахъ прыкованый. „Здраствуй, каже, Иванъ Золотокудрый, чы по воли зайшовъ, чи по неволи?“—По воли, каже. „Ну я тебе давно жду, беры золоту метлу та вымеѣы двирь, шобъ небуло ни шерстыны, ни пылыны“. Заходывсь винъ, вымивъ двирь, разбывъ ти цепы и вывивъ того коня. „Сидай же, каже кинь, на мене та пойидемъ десь у инше царство, у друге государство“. Иванъ осидлавъ ёго, забравъ багатырьску зброю тай подавсь ажъ по-пидъ хмарамы. А Чорный Иванъ, якъ вернувсь, баче, шо лыхо та въ—погонь. Гнавсь, гнавсь, недогнавъ. Отъ Иванъ Золотокудрый выйихавъ на край лису тай ставъ спочываты, а кинь до ёго и говоре: „Пусты мене, каже, тры разы одъ зори до зори матерного молока посцяты, бо я якъ найшовсь, та якъ узялы мене, то мени недовелось ёго и покуштуваты“.—Якъ же я тебе, пыта, найду, якъ мени колы буды треба? „На тоби ось тры шерстыни, та колы треба буде, прыпалы, я тутъ и опынюсь“. Отъ попрощалысь, кинь же побигъ до матери, а Золотокудрый Иванъ пишовъ у

городъ. Знайшовъ тамъ десь задрипане теля, облупывъ ёго, бандуры вынустывъ, кельбухъ на голову напьявъ, а изъ шкуры рукавычкы поробывъ, понадивавъ, та то бувъ Золотокудрый Иванъ, а то ставъ Шолудывый Иванъ. Отъ пишовъ винъ тай ставъ у царя до свынаря за пиднасыча. А у того царя та було тры дочкы, та якъ сталы на пори, выйшлы у чистее поле тай пустылы по стрильци: де якойи стрилка упаде, тамъ тій и замижъ йиты. Отъ старшыхъ дочокъ попадалы стрилки до царивъ, а найменшойи до свынаря за пазуху. Посыла царь тоди людей шобъ йихалы меньшойи стрилку одшукуваты, бо старшыхъ сами женыхы попрывозылы. Ти люде шукалы-шукалы тай найшлы йийи у Шолудываго Ивана, одиялы та ше и выбылы добре. Отъ прыйшлы до царя тай кажуть шо упала стрилка у чистому поли. Пишла царивна у друге стриляты, стрилка и у друге опынылась у Шолудывого Ивана за пазухою, тилко теперъ вже сама царивна послала свойихъ уже такыхъ-то вирныхъ людей. Ти люде дойиздять до ёго, а винъ выкыда ту стрилку зза пазухы, а вона все туды лизе. „У тебе, пытають, стрилка?“—Та нате каже, вамъ йийи, тилко небыйте, якъ и перви. Заразъ воны ёго забралы и преставылы до царя. Тутъ уси здывувалысь, почалы йийи вговоряты, шобъ нейшла за ёго, а вона: „така вже, каже, мабуть моя доля“. Отто поженылы йихъ, постройилы йимъ на одшыби домъ и непрыймають йихъ до себе. Отъ и пыше Чорный Иванъ до того царя письмо, шобъ подавъ винъ ёму Золотокудрого Ивана, а то, каже, усе царство звоюю. Прызвавъ царь свойихъ зятивъ царенкивъ и каже: „зяти мои люби, зяти мои мыли! Хоче мене Чорный Иванъ звоюваты за те, шо я невыдаю ему Золотокудрого Ивана, а я незнаю, де винъ и есть.“—Мы, кажуть зяти, изъ нымъ исправымось. Отъ дае имъ царь війська, а Шолудывый Иванъ и каже жинци: „иды попросы у батька конякы, то и я пойиду хочь подывлюсь“. Добула вона ему водовозку, винъ на нейи и систы бойитьця, а такъ у рукахъ и повивъ. Вывивъ за городъ, узявъ за хвистъ та: „сорокы-вороны, нате вамъ мнясо, а шкуры незаймайте, бо въ мого батька салдатъ багато. треба жъ йихъ всихъ зобувать“. Знявъ шкуру зъ тийи водовозкы, а мнясо покынувъ. Якъ пришмалывъ ти тры шерстыни, кинь тутъ и ставъ. „Лизь, каже, мени у ливе вухо, а у праве вылизешъ“. Той у ливе влизъ, а у праве якъ вылизъ, то на коня вынисъ гарну зброю, а на себе ше чыще. Прыйихавъ на те мисто, розиньявъ шатро, лигъ, спочыва. А ти зяти побачилы тай кажуть: „треба взнаты, за кого цей багатырь буде“. Заразъ посылають салдата. Той прыйшовъ, „за кого вы, пыта, будете?—За того, каже, хто бильшъ дасть. „А шо жъ вамъ даты“?—Дай мызынного пальця врубаты. Салдатъ и отдавъ ёму палецъ; прыходе тай каже: „за насъ буде“, а про палецъ и нехвалывся. Отъ прыйихавъ Чорный Иванъ, а Золотокудрый якъ побачывъ ёго та за нымъ въ погоню, прогнавъ ёго. А царенкы йидуть тай радятьця: „шо жъ мы скажемъ, шо звоювалы, а

убытого и одного нема". Взялы тай убылы промежъ себе пьятнадцять чоловикъ салдатъ. Царь йимъ такый радый, незна, якъ йихъ и прыйматы, де посадыты, а Иванъ якъ звернувся, коня пустывъ, тельбушкы знову понадивавъ тай жаліетьця, шо тилко коня зопсувавъ. Отъ и у друге пыше Чорный Иванъ: „якъ неподасы мени Золотокудрого Ивана, все твое царство звоюю". Ти царенкы знову выйиздять проты єго, а єму жинка ше выпросыла у батька ту падаль, шо дрова возять, потягъ и винъ. Заразъ кобылу сорокамъ оддавъ, прыпималывъ тры волосыни, явывсь кинь; винъ ше у краще убравсь, прыйиждка на те мисто и ставъ зъ свойимъ шатромъ. Посылають ти царенкы зновъ до єго другого салдата спытаты, за кого винъ буде. „А за того, каже, хто бильшъ дасть".—А шо вамъ дать? „Дай середнього пальця. Салдатъ одрубавъ и подавъ єму, та вернувсь и нехвалытьця про палець, тилко каже, шо „буде за насъ". Отъ прыйихавъ Чорный Иванъ, а Золотокудрый и прогнавъ єго зновъ. А ти царенкы та якъ верталысь, такъ вже двадцять пьять чоловика убылы. Батько такый имъ радый, гуляють воны, а про того и байдуже. Ажъ ось Чорный Иванъ пыше и третє пысьмо, шобъ далы єму Золотокудрого Ивана. Зновъ ти зяти пойихалы, а Иванъ добувъ десь ту, шо смиття возять, тай соби за нымы. Отто выйихавъ, ту смитныцю сорокамъ-воронамъ кынувъ, выклыкавъ свого коня, скоро и на тому мисти ставъ. Посылають царенкы до єго третього салдата. „Иды, кажуть, спытай за кого винъ буде? Той прыходе, пыта. „За того, каже хто бильшъ дасть".—А шо жъ вамъ дать? „Дай зъ правойи погы пальця. Салдатъ одрубавъ и давъ. Прыйшовъ та: „за насъ", каже. За цымъ уже разомъ Золотокудрый Иванъ догнавъ Чорного и на попилъ побывъ. А ти зяти вертаючысь ше пьятдесять чоловикъ убылы. Отъ якъ вернулысь, гуляють та выхваляютьця; „позвимъ, кажуть того Шолудывого та поглузуемъ зъ єго. Колы винъ иде, якъ жаръ горыть. „Це, каже, тату, не воны, а я Чорного Ивана звоювавъ". Та заразъ поклыкалы тыхъ салдативъ шо пальци соби одрубувалы. „Ось вамъ, каже, и прызнакы". Тоди тыхъ двохъ конимъ до хвоста повьязалы тай ростаскалы.

(Ново-Григорьевка Александр. у.).

Иванъ Ивановычъ Руськый царевичъ, Билый Полянынъ та Настасія прекрасна.

Бувъ соби царь, а у того царя було тры дочкы и одынъ сынъ. Отъ якъ ставъ той царь помераты та и каже сынови: „гляды, хто первый яку сестру не посвата, за того и давай". Сказавъ тай кончывсь. Отъ разъ якъ зашумыть, якъ загудыть у ныхъ пидъ викномъ. „Ей, гука, Ив. Ив. Рус. цар., оддай старшу сестру за мене".—Шо жъ ты, каже, мени за зять будешъ, шо у хату неввійдешь та непоздоровкаесься? Той увійшовъ, ажъ то бувъ змій

изъ трёма головамы. Оддавъ винъ за его старшу сестру. Отъ на другый день ше бильшый шумъ пидъ викномъ. „Оддай, гука, Ив. Ив. Рус. цар., за мене середульшу сестру“. Винъ и цёму тiейи жъ. Увийшовъ винъ у хату, ажъ то бувъ шестыголовный змий; винъ и оддавъ ёму середульшу сестру. За третимъ разомъ прылита вже дванадцятыголовный змiй, забравъ цей и третю сестру. Отъ жыве винъ самъ, тилко у ёго и есть, шо чорненькый бычокъ. Разъ ёму той бычокъ и каже: „ось зарижъ мене, Ив. Ив. Рус. цар., та закопай у хати на чотыри вуглы, черезъ чотыри дни побачышъ, шо буде; а якъ незарижешъ, то я тебе заколю“. Винъ взявъ, зарizавъ ёго, закопавъ на чотыри вуглы, подывывсь черезъ чотыри дни, ажъ въ одному вугли стойить багатырьскiй кинь, у другому уся зброя до коня, у третёму багатырьске одiяпiе, а у четвертому—усе багатырьске орудiе. Винъ тоди въ усе те убравсь, сивъ на коня и подавсь у чистее поле. Йиде тай йиде, колы це наглядивъ билый шатеръ, а биля шатра коня прыпьято. Винъ свого коня прывьязавъ коло того, а самъ пишовъ у шатеръ, дывытьця, ажъ тамъ спыть багатырь Билый Полянынъ. Винъ замахнувся мечемъ, хотивъ ёго зарубаты, а дали и подумавъ: „шо мени за хвала, шо я зарубаю сонного?“ Лигъ тай самъ заснувъ. Отъ прокынувсь Билый Полянынъ, ажъ у ёго шатри спыть хтось. Кынувсъ винъ до збройи, хотивъ зарубаты, а тамъ и подумавъ: „винъ же мене незарубавъ, якъ я спавъ“. Заразъ збудывъ ёго, сталы воны пыты та гуляты, а тамъ роспыталысь тай побраталысь. Отъ йиздять соби на охоту, а тамъ у пущахъ та жыла Баба-Яга, такъ воны йий усе мишалы. Ось вона и давай зъ ными воюватьця. Разъ прыбига, а Ив. Ив. Рус. цар. и каже: „а ну я пиду!“ Якъ сивъ на коня, якъ подавсь за нею, а вона ускочыла у свiй дворець, а чавунни двери и замкнулысь. Вернувсь Ив. Ив. Рус. цар., а вона вже и коло шатра. „Эй, крычыть, Билый Полянынъ, выходь бытысь!“ Ив. Ив. Рус. цар. якъ прыскочывъ, зновъ прогнавъ йийи. Вона у третѣ, винъ и у третѣ йийи прогнавъ та якъ напшыре—вона у дворець, а чавунни двери и замкнулысь. Винъ тоди и йизде коло дворця. Объйихавъ разъ, объйихавъ и вдруге, ставъ объйиздыть у третѣ, ажъ чуе, шось ёму гука: „эй Ив. Ив. Рус. цар., ты сховайсь тутъ, та якъ вона выйде, пидпыляй чавунни ворота, воны упадуть тай самы йийи вбьють. Отъ винъ заховавсь, вона и побигла до шатра. Ив. Ив. Рус. цар. тоди швыденько пидпылявъ ти ворота, а тамъ якъ напшыре йийи, вона у ворота, а воны йийи и прыдавылы. Тоди воны зъ Билымъ Поляныномъ перейшлы у той дворець тай найшлы тамъ таку красавыцю, шо неможна и подумать. „Шо жъ, каже Ив. Ив. Рус. цар., якъ я йийи озьму за себе, то на тебе обыдно буде, а якъ ты озьмешъ, то мени пары небуде; хай вона буде намъ сестрою“. Отъ живуть тай живуть такъ у трёхъ, тилко разъ Ив. Ив. Рус. цар. и каже тiй сестри: „яка ты хороша та красыва!“ А вона ему: „шо я, каже; отъ есть десь-не-десь Настасiя Прекрасна, отъ-та такъ такъ!“

Винъ заразъ сидла коня тугенько, сида на ёго легенько, йиде шукаты тийи Настасіи Прекраснойи, а Билый Полянынъ забравъ ту сетру за себе. Отъ йиде винъ тай йиде, тай найихавъ на дворець, а то була ёго сестра, та шо за трёхголовнымъ зміемъ. Вона ёму така рада. Напоийла, накормыла ёго, а дали и каже: „дебъ я тебе сховала, бо якъ мій змій прылетыть, якъ бы винъ тебе зпрожогу не стребывъ". Та отто тилко заховала, ажъ ось мистъ трищыть, лыстъ осыпаетьця, змій до дому добываетьця. Ввійшовъ у горныцю та: „ху, руська кость воня.—Ты, каже вона, по Россіи литаешъ, руського духу напахаешъ, а зъ мене воду нагриваешъ. „Грій каже, казанъ молока". Вона зогрила, винъ пирнувъ у ёго, оббанывся, „давай, каже, обидаты". Посидалы обидаты, вона и каже: „шобъ ты робывъ, якъ бы до мене, або до тебе родычъ прыйшовъ?"—А шобъ? пылы та гулялы. „А до мене, каже, мій братъ прыйшовъ".—Де жъ винъ?—„Та я сховала, шобъ бува ты зпрожогу не згубывъ".—Це, каже, правда. А ну, клычь ёго сюды. Отъ явывсь винъ, почалы пыты-гуляты та гулялы ажъ тры дни. На третій день давай ёго роспытуваты, де винъ йиде. „Та йиду, каже, шукаты Настасіи Прекраснойи, чы незнаете вы, де вона?"—Э, каже, насъ тры браты та шукаемъ йийи и то ненайдемъ. А та Настасія Прекрасна та була за четвертымъ йихъ братомъ и була вона сылна волшебныця. Якъ почула, шо отто Ив. Ив. Рус. цар. тилко подумавъ про нейи, заразъ свого чоловика, змія, и закувала на дванадцять целивъ. Отъ погулявъ винъ у ныхъ, уберается у дорогу, сестра и дала ёму на дорогу палянычку: може де проголодаетьця та зъисть. Отъ йиде винъ, ажъ бижыть собака, та такый тощый та ковтунуватый; побачывъ ту палянычку у ёго тай просе: „эй, Ив. Ив. Рус. цар., дай мени шматокъ хлиба, я тоби у велыкій прыгоди стану". Винъ и оддавъ ёму ту палянычку. Отъ найшовъ винъ и другу сестру, шо була за шестылоговнымъ зміемъ Погулявъ и тамъ добре, та и тамъ несказалы ему, де шукаты ёму Настасіи Прекраснойи. Ставъ винъ одиходыты, дае ёму ця сестра пшонця: „це, каже, може де каши наварышъ". Йиде тай йиде, ажъ дывытьця, лизе качка, та така тыркава та голодна, и каже ёму: „эй, Ив. Ив. Рус. цар. дай мени трошкы пшонця, я тоби у велыкій прыгоди стану". Винъ взявъ и высыпавъ йий те пшонце. Отъ доставсь винъ и третёйи сестры, шо була за дванадцятыголовнымъ зміемъ. И ця сестра ёго прыгостыла добре та дала на дорогу кусокъ сала. „Зйисы, каже, де небудь у дорози". Отъ винъ йиде тай йиде, ажъ це бижить вовкъ, та такый голодный та червывый; побачывъ у ёго те сало тай каже: „Эй Ив. Ив. Рус. цар., дай мени шматочокъ сала, я тоби у велыкій приго[ди] стану". Винъ и оддавъ ёму те сало. Отъ и прыбывсь якъ разъ до На[ста]сіи Прекраснойи. Вона ёго якъ тилко углядила, заразъ веде у палаты, [стала] пыты-гуляты, ловки речи розмовляты. Отъ якъ нагулялысь, одъйиздыт[ь вона] на охоту, а ёму наказуе: „усюды, каже, ходы, тилко у ту-онъ ком[нату] ...

ходы. Отъ вона пойихала, а винъ ходывъ-ходывъ тай дума:" шо жъ я буду за хазяйинъ, колы недовидаюсь, шо тамъ таке?" Отъ зайшовъ у ту коморку, ажъ тамъ на дванадцяты цепахъ змій высыть. „Эй, каже, Ив. Ив. Рус. цар., дай мени дванадцять бочокъ воды та дванадцять бочокъ хлиба, я тоби тры викы подарую!" Винъ и дума соби: „це якъ я ще тры викы проживу, добре буде". Та узявъ тай давъ те усе змієви. а змій якъ попойивъ, воды напывся, якъ струснувсь, тилко его и бачылы. Заразъ захватывъ десь у поли Настасію Прекрасну тай каже Ив. Ив. Рус. цар.: „зходь видциля, теперь я тутъ хазяйинъ". Той заплакавъ и пишовъ. Ходывъ-ходывъ, нудывъ-нудывъ, а дали невтерпивъ, пишовъ до Настасіи Прекраснойи, а змія саме дома небуло. „Давай, каже, тикать". Давай. Тай утеклы. А змій надумавъ до дому тай каже коневи: „коню Крывыло, зкочь на могылу, поглянь въ кватерыну, чы дома наша Настасія Прекрасна?" — Я, каже, и такъ знаю, шо нема. „А шо, доженемъ?"—Та ще выоремъ, насіемъ пшеныци, помолотымо й помелемъ, та хлиба напечемъ, та поснидаемъ, и то ще доженемъ. Зробылы те все, шо кинь казавъ, поснидалы; якъ подалысь, у махъ и нагналы. Узявъ винъ Настасію Прекрасну тай каже: „Отце, Ив. Ив. Рус. цар., дарую тоби одынъ викъ". Отъ черезъ стилко тамъ времня укравъ Ив. Ив. Рус. цар. зновъ йийи. Змій и цей разъ наздогнавъ. „Теперъ це, каже, дарую тоби Ив. Ив. Рус. цар. ще и другый викъ". И у третѣ ему непосчастыло, подарувавъ ему змій и третій викъ, а за четвертымъ, якъ наздогнавъ, Настасію Прекрасну забравъ, а его порубавъ, пошматавъ тай покынувъ у поли. Отъ бижыть заразъ собака, шо винъ йий колысь паляничку давъ, а тамъ и качка, шо винъ пшенцемъ нагодувавъ, а дали и вовкъ, шо сало зйивъ; збиглысь тай давай радытысь, якъ бы то его ожывыты. Качка и каже: „десь не-десь есть жывуща й цилюща, красыва и сылна вода; то ты, собака, бижы та прыластысь до тыхъ стороживъ, шо йийи стережуть, тай жывы тамъ; а мени до нижокъ та до крылецъ привьяжить по пляшечци: а ты жъ, вовче, якъ я летитыму до тиейи воды, бижы мымо, то собака кынеться до тебе, а сторожа за нею, а я и наберу тийи воды". Отто якъ сказалы, такъ и зробылы. Побигъ собака до стороживъ, прыластывсь, обжывсь, ажъ ось бижыть вовкъ; винъ за нымъ, а сторожа за кыяры та соби до вовка; тутъ качка спустылась, набрала тийи воды и подалась, а вовкъ тоди собаку за вухо, а винъ его за вухо, злыгалысь и соби побиглы. Прыбиглы до его трупу, покропылы цилющою водою—винъ сцилывсь; покропылы красывою—то бувъ гарный, а це ще кращый ставъ; покропылы жывущою—винъ и ожывъ, а якъ напывсь сильнойи воды, такымъ ставъ багатыремъ! Зновъ и надумавъ до Настасіи Прекраснойи. Отъ якъ прыбувъ до нейи, сталы воны радытысь, шо ось вже чотыри разы тикалы та невтеклы. „Теперъ я, каже, зъ змiемъ справлюсь, такъ у его кинь ще гиршый за его; ты вызнай, де винъ такого коня добувъ". А у того змия той

кинь бувъ объ тры нози та зъ однымъ крыломъ. Отъ прылита змій, вона и давай до ёго прыхылятысь. „Скажить, пыта, де вы такого коня добулы, що мы зъ Ив. Ив. Рус. цар. стилко разъ тикалы та невтеклы?" Змий и подумавъ: „чомъ теперъ несказать? адже ёго вже и на свити нема!" тай каже: „коло сынёго моря ходе кобыла, а за нею дванадцять жеребцивъ та дванадцять вовкивъ: якъ тилко вона ожеребытьця, заразъ вовкы и разирвуть те лоша; я стилко годъ стеригъ, та давъ вовкамъ барана, а лоша выхватывъ та и то одну ногу и одно крыло одирвалы". Отъ розсказала вона усе те Ив. Ив. Рус. цар., винъ и пишовъ до сынёго моря и барана у мишокъ узявъ. Тутъ саме, якъ кобыла ожеребылась, винъ барана зъ мишка, а лоша у мишокъ; вовкы кынулысь до барана, а винъ уже за сто верстъ ставъ. Ставъ спочываты, выпустывъ те лоша, воно ёму и каже: „пусты мене на тры нашни, я кругомъ свиту оббижу, а через тры дни до тебе прыбижу". Винъ пустывъ ёго; через тры дни воно прыбига такымъ конемъ та ше й у збройи, такъ що винъ було и непизнавъ. А ёму здалось, що винъ тамъ тры дни посыдивъ, ажъ винъ тамъ тры годы прождавъ. Отъ винъ якъ сивъ на того коня, якъ подавсь, заразъ и вкравъ Настасію Прекрасну. А змій тоди десь йиздывъ та отто коня и пыта: „коню Крывыло, зскочь на могылу, поглянь въ кватерыну, чы дома наша Настасія Прекрасна?"—Ни, каже, вже йийи Ив. Ив. Рус. цар. вкравъ. „А що, пыта, высиинемъ, якъ выоремъ, насіемо пшеныци, змолотымо, змелемо та пойимо?"—Э каже, теперъ и готового николы йисты, бо пидъ нымъ мій дядько. Отъ якъ сунулы воны, скоро и нагналы, заразъ Крывыло и гука: „эй дядьку, скынь Ив. Ив. Рус. цар. та будемо умисти жыты". —Ни, каже, ты племинныку, пиднимысь у гору та переверны змія, то будемо жыты умисти. Той Крывыло якъ пиднявсь угору, якъ перекыне того змія, змій розбывсь, а Ив. Ив. Рус. цар. оставсь зъ Настасіею Прекрасною жыты и того Крывыла забравъ.

(Трёмсынивка Алексадр. у.)

Иванъ царевычъ, та красна дивыця ясна зирныця.

Бувъ соби царь та царыця, а у йихъ тры сыны. Отъ йихъ маты царыця та николы зъ дворця невыходыла. Сталы сыны у школу ходыть, почалы зъ ныхъ школяри сміятьця, що якъ ихня маты та николы й зъ дворця невыходе. Вертаютьця воны до дому тай жаліютьця матери, що якъ зъ ныхъ у школи сміютьця через нейи. Вона отто взяла та разъ и вийшла. Де не взявся чорный воронъ зъ чорного царства, пидхватывъ йийи и понисъ. Пожурылысь воны трохы, а тамъ и кажуть: „благословить насъ, тату, пидемъ мы матери шукаты". Царь знарядывъ йихъ и одпустывъ. Отъ идуть воны та идуть, ажъ дывлятьця—стоить хатка, а у тій хатци бабка; воны до тіейи баб-

кы: „чы незнаешъ, бабко, якъ пройты до чорного ворона зъ чорного царства?"—Ни, каже, незнаю, хыба моя прыслуга знае. Отъ якъ свысне, якъ крыкне—бижыть усякый звиръ: вовкы и левы. „Чы незнаете, вы, пыта, шляху до чор. вор. зъ чор. цар.?—Ни, кажуть, незнаемо. Пишлы воны дали, идуть та идуть, ажъ стоить друга хатка, и въ цій хатци бабка. „Чы незнаешъ ты, бабко, шляху до чор. вор. зъ чор. цар.?"—Ни, каже, незнаю, хыба моя прислуга знае. Заразъ якъ свысне, якъ крыкне, бижыть усякый гадъ: ящуркы и гадюкы. „Незнаете вы, пыта, де шляхъ до чор. вор. зъ чор. цар.?"—Не знаемъ, кажуть. Пишлы воны дали, ажъ стоить зновъ хатка, а у хатци третя бабка. „Чы незнаешъ ты, бабко, де шляхъ до чор. вор. зъ чор. цар."—Ни, каже, незнаю, хыба моя прыслуга знае. Отъ якъ свысне, якъ крыкне, летыть усяка птыця: орлы и горобци, шуликы и кгавы. „Чы незнаете, пыта, де шляхъ до чор. вор. зъ чор. цар.?"—Ни, кажуть, незнаемо, хыба може тырка зна. А то у нейи була та така вже тыркава та задрипана якась птыця, що зъ однымъ тилко крыломъ. „Послать, каже, по нейи". Заразъ метнулысь, прытаскалы йийи. „Знаешъ ты де шляхъ до чор. вор. зъ чор. цар.?"—Знаю, каже. „Такъ одведы отцыхъ людей та гляды мени прямо доправъ до красной дивыци-ясной зирныци, а нето, и друге крыло одрижу". Отъ подякувалы воны тай пишлы, а та тырка поперeду, то скокомъ, то лётомъ попередъ йимы, та прывела, ажъ стойить огненный щытъ, такъ огнемъ и паше. „Теперь, каже тырка, прощайте, йдить соби смило". Старши жъ браты острахнулысь тай зосталысь, а Иванъ царевычъ пишовъ та йимъ и наказавъ: „ждить, каже, або мене, або матери, а хто небудь вже зъ насъ з прийде". Ввийшовъ у той щытъ, щытъ розступывсь, Иванъ царевычъ и пройшовъ. Отъ иде тай иде, колы це стоить дворець, а на воротяхъ шисть левивъ, языкы повысолоплювалы, пыты хотять. Винъ зачерпнувъ воды, самъ напывсь и йихъ напойивъ, воны ёму поклонылысь тай пропустылы дорогу. Пишовъ винъ у той дворець, ажъ тамъ така гарна спыть кр. див.-яс. зир. Винъ, якъ зъ дорогы наморывсь, склонывсь на руку тай заснувъ. Отъ вона якъ прокынулась та до ёго, ухватыла шаблю, хотила зарубаты, а дали й одумалась: „винъ мене нерубавъ, за щожъ я ёго буду?" Розбудыла ёго, стала пытаты, чого винъ сюды зайшовъ. „Та чор. вор. зъ чор. цар. та укравъ нашу матиръ, такъ це я и пишовъ йийи доставаты".—Тожъ, каже, мій батько; идыжъ ты до другойи сестры, такъ та тоби направе. Подякувавъ винъ и пишовъ. Прыходе, ажъ стойить другый дворець, а на воротяхъ дванадцятеро левивъ, роты порозявлялы, языкы повывалювалы, пыты хотять. Винъ зачерпнувъ воды, самъ напывся и йихъ напойивъ, воны ёму поклонылысь и пропустылы дорогу. Ввийшовъ винъ у той дворець, колы тамъ ще краща кр. див. яс. зир. Винъ полюбувавъ на нейи, схылывсь на руку тай заснувъ. А вона якъ прокынулась, за шаблю та до ёго, а дали: „за що я ёго буду рубаты?

винъ же, якъ я спала, мене перубавъ". Розбудыла ёго, роспыталась, „тыжъ, каже, нашъ теперъ братъ". Отъ-то погулялы, „иди жъ ты, каже до третёйи сестры". Попростылысь, винъ и пишовъ. Прыходе, ажъ зновъ дворець, а коло ёго вже двадцять чотыри левы на воротяхъ, роты порозззивлялы, языкы повывалювалы, пыты хотять. Винъ зачерпнувъ воды, самъ напывся и йихъ напойивъ. Воны и пропустылы ёму дорогу. Пишовъ винъ туды, ажъ тамъ ще лучча кр. див.-яс. зир. Винъ полюбувавъ на нейи, зхылывсь на руку и заснувъ. Отъ и ця хотила ёго зарубаты, та одумалась и розбудыла, а якъ роспыталы, дае вона ёму яблучко. „На, каже, це яблучко, та де воно котытеметьця, иды за йимъ прямо, якъ разъ и дийдешъ". Отъ подякувавъ винъ и пишовъ. А те яблучко и прывело ёго якъ разъ ажъ у воронивъ двирь. Пишовъ винъ туды, ажъ тамъ и маты. „Драстуйте, мамо".—„Драстуй сыну". Отто побалакалы, роспыталысь, вона и дае ему швайку та булаву. „Стань, каже, онъ за тымъ стовпомъ, то воронъ, якъ прылетыть та сяде на стовпи спочывать, то й непобаче тебе". Отъ заховавсь винъ за тымъ стовпомъ, ажъ-ось и воронъ летыть. Сивъ на стовпи тай озыраетьця, чы не побаче де чого зйисты, та й побачывъ ёго. „Ха, каже, ось и закуска есть". А винъ: „брешешъ, псыне мпясо, подавышся; я самъ тобою закусю". Чорный воронъ якъ кынетьця до ёго, а винъ одскочывъ, та ёму на спыну, ту швайку угородывъ та булавою все потяга. Якъ понисъ же ёго воронъ, вже и пидъ хмары, и за хмары, а винъ все булавою ёго почаща, та бывъ, ажъ покы той упавъ тай лоппувъ. Пишовъ винъ тоди до матери: „вберайтесь, каже, мамо, будемо у свій край подаватысь". Отъ маты убралась, запряглы воны огненну коляску, тыхъ красныхъ дивыць позабералы й пойихалы. Тилко недойихалы до огненнаго щыта, а Иванъ царевичъ йимъ и розхваставсь, що ось то винъ и самъ безъ огненнойи коляскы пройде кризь той щытъ. Ти жъ своею коляскою проскочылы, а винъ и зоставсь. Ходывъ винъ, ходывъ, блудывъ-блудывъ, а дали и дума: вернусь на старе мисто, може хочь що попойисты найду. Прыйшовъ, ажъ ничого нема, саме тилко те яблучко, що меньша красна дивыця дала. Сивъ винъ тай заплакавъ, ажъ тутъ де не выскочить Стрыженый Иванъ. „Якого ты чорта плачешъ?" пыта.—Та нема у мене ничого, саме тилко яблучко. „Чого жъ тоби треба? давай ёго сюды!" Заразъ покотывъ те яблучко, явылысь напыткы й найидкы и тры музыканты рижуть. Пообидалы воны, Стрыженый Иванъ и каже: „Ходимъ заберемъ кони тай пойидемо до тебе". Полизлы у погрибъ, розбылы дванадцять дверей, порвалы дванадцять цепивъ, вывелы двухъ коней—якъ вогонь. Якъ посидалы та якъ пойихалы, незуздрилы, колы той и огненный щитъ пролетилы. А ти ёго два браты, якъ перейихалы вже до ныхъ маты та красни дивыци, побачылы, що нема Ивана царевыча, „це жъ, подумалы, вже ёго и до вику небуде", тай наказалы йимъ, шобъ воны сказалы, що тобъ-то воны йихъ вырятувалы. Отъ вернулысь до

дому, давай весилля граты, а на те саме времня прыйиздыть и Иванъ царевычъ зъ Стрыженымъ Иваномъ. Отто якъ прыйихалы, нанялы соби десь кватырьку у салдата тай прыслухаютьця, шо люде говорять. А ти готовлятьця къ весиллямъ, красни дивыци нехотять за йихъ, кажуть: „у насъ и плаття такого, якъ треба, нема; якъ зробыте таке плаття, якъ у нашого батька було, та неглядючы и немиряючи, точка у точку, строчка у строчку, такъ пидемо". Зклыкають воны тоди всыхъ кравцивъ, всыхъ швачокъ—ни хто неберетьця. А Стрыженый Иванъ и каже на того салдата: „иды берысь". Той одмагаетьця. „Иды, каже та требуй мирку золота". Салдатъ пишовъ и объявывсь, а Стрыженый Иванъ на коня та туды у чорне царство, забравъ тамъ йихъ плаття, а къ свитови и дома ставъ. „На, каже у ранци салдату, несы". Красни дивыци якъ подывылысь та одна на одну тилко моргъ, моргъ, а ничого некажуть. Отъ-то попадивалы, „ше, кажуть, якъ бы намъ до цёго плаття та черевычкы". Кынулысь воны до шевцивъ, знов нихто неберетьця; воны до салдата. Салдатъ одмагаетьця, а Стрыженый Иванъ: „берысь, каже, та требуй наровыцю золота". Покы салдатъ ряду бравъ, а Стрыженый Иванъ у чорне царство злитавъ и йихни черевычкы прывизъ. Побачылы йихъ красни дивыци, ше дужче зрадилы; „винъ, кажуть, десь тутъ". „Ну теперъ, кажуть, зробить намъ ше по такому жъ платочку". Воны вже ни до кого й нейдуть, а прямо до салдата: „робы, сякый-такый!" Стрыженый Иванъ, якъ дознавсь, и къ свитови и платочкы прытаскавъ. Тоди давай красни дивыци того салдата допытуваты, хто тай хто це усе ёму поробывъ. Винъ и росказавъ, воны тоди до царя: „онъ-хто, кажуть, насъ спасъ, а це ёго злодiи". Прызвалы ёго, роспыталы, ажъ такъ. Тоди царь йихъ до неукивъ прывьязавъ тай розтаскавъ, а Иванъ царевычъ соби найменьшу забравъ тай жывуть. Тамъ горило тры хвынари, ишлы тры паны, лежало трое яблучокъ, одно мени, друге Лазуреви, а третѣ тому, хто казкы казавъ (т. е. всѣ три разсказчику).

(Трамсынивка, Александр. у.)

Костынынъ сынъ.

Десь-не-десь въ де-якимсь царстви та поспорывъ змiй зъ царемъ. Якъ поспорывъ тай покравъ зъ неба и сонце и мисяць и уси зиркы, тай поховавъ у себе у подземному царстви. Отъ журытьця царь та пиде ненайде такого багатыря, шобъ те усе назадъ у змiя одвоювавъ. А у тому царстви та бувъ чоловикъ Костынъ та було у ёго тры сыны, уси багатырьскаго поведенiя. Отъ разъ царь и посыла свойи слугы: „пидить, каже, позвить мени меньшого Костынына сына." Той приходе. „Шо, каже, можешъ ты мени одвоюваты у змiя сонце и мисяць и усе, шо на неби?"—Ни, каже; неможу, спытайте середульшого. Поклыкалы и того. „Ни, каже, и я неможу: хыба старшый братъ".

Клыкнулы и старшого. „Я, каже, можу, тилко треба намъ трёхъ багатырьскыхъ коней; женить, каже, тры табуны, може и выберетьця. „Отъ прыгналы ёму тры табуны, винъ на яку коняку не покладе руку, вона зъ усихъ чотырёхъ и брязне. Ажъ-ось зъ самого заду шкандыба на трёхъ ногахъ и зъ однымъ крыломъ така вже худорба. Винъ поклавъ на нейи руку, тилко на колина упала. „Ну, каже, це буде найменьшому брату; женить ще тры табуны.“ Прыгналы ще тры табуны, винъ всихъ ихъ поваливъ, а тилко саму задню зъ двома ногами та зъ двома крыламы и облышывъ. „Це, каже, середульшому брату буде; женить ще тры табуны“. Прыгналы ще, винъ и тыхъ забракувавъ, тилко взявъ соби саму паскудну, тилко зъ одніею ногою та зъ чотырма крыламы. Отъ якъ повыбыравъ, ти кони у его и просятьця: „пусты насъ Костынынъ-сынъ на тры зори у чисте поле сылнойи травы попойисты.“ Винъ йихъ пустывъ, а черезъ тры зори воны отяглысь, узялы тило, сталы кони хочъ куды. Отъ выйихалы воны на могылу и сталы зъ лука стриляты: де чыя стрилка упаде, тому туды и йихаты. Якъ попускалы стрилкы, пишлы попростылысь тай подалысь своихъ стрилокъ шукаты. Йихалы-йихалы, прыйиздять до зміевого дворця, ажъ тамъ меньшого брата стрилка лежыть. Отъ пишлы воны у той дворець, ажъ тамъ усяки й напиткы й найидкы. Закусылы воны, спочылы: черга нйты меньшому на сторожу, той одмагается; Костынынъ-сынъ и каже: „ось вамъ, братци, перчаточкы и малахаечка; дывитьця, якъ буде зъ ныхъ мыло бигты, такъ пускайте йихъ, а якъ кровъ, то и самы бижить и коня пускайте. А то у его булы перчаточкы, що самы й хватають, самы и рвуть, а малахаечка, що сама сиче, сама и крае Сказавъ, а самъ пишовъ тай сивъ пидъ мисткомъ. Колы це о пивночи стукотыть-гримотыть, йиде змій зъ трёма головамы. Зъйихавъ на мистъ, кинь спиткнувсь. „Чого ты, собаче мнясо, спотыкаешся?“—Якъ же мени неспотыкатысь, якъ пидъ мостомъ Костынынъ-сынъ сыдыть. „Хай винъ у мужыка пьять годъ свыни попасе, то тоди ёго сюды воронъ кости занесе.“—Брешешъ! добрый молодець и самъ зайшовъ. Сталы воны быгысь, недавъ ёму Костынынъ-сынъ и у гору глянуты, побывъ на мотлохъ, языкы поодризувавъ и въ карманъ поховавъ. Пишовъ у дворець, ажъ браты сплять; винъ йихъ побудывъ, подывывсь на перчаточкы та малахаечку, сухи соби; винъ йимъ ничого несказавъ тай пойихалы другого брата стрилку шукать. Отъ прыйихалы до другого дворця, знайшлы середульшого брата стрилку тай пишлы у дворець, а тамъ и напиткы и найидкы ще лучше. Отто закусылы, спочылы, черга середульшому на сторожу нйты; той одмагаетьця. „Ну такъ, каже Костынынъ-сынъ, я пиду“. Знову наказуе йимъ, якъ и той разъ, „тилко, каже, глядить непосныть! якъ буде мыло зъ перчатокъ капать, мерщій пускайте йихъ тай коня, а колы кровъ, то и сами бижить“. Отто сказавъ, пишовъ пидъ мистокъ тай сивъ. Ось о пивночи стукотыть-гримотыть, йиде змій зъ шистьма головамы; зйихавъ

на мистъ, кинь и спиткнувсь. „Стій, каже, собаче мнясо, неспотыкайсь".—Якъ мени неспотыкатысь, шо пидъ мисткомъ Костыпынъ-сынъ сыдыть. „Хай винъ у мужыка десять годъ свини попасе, то й тоди ёго воронъ косты сюды незанесе".—Брешешъ, добрый молодець и самъ зайшовъ. Якъ почалы жъ воны бытысь, якъ почалы бытысь! вже зъ тыхъ перчаточокъ та малахаечкы мыло такъ и пада, такъ и пада, а браты сплять. Такъ-сякъ побывъ винъ змія, языкы поодризувавъ, поховавъ и пишовъ до йихъ. Заразъ побудывъ. „Такъ-то каже, вы мене стережете?" Та отто погулялы тамъ ще трохы тай пойихалы вже по ёго стрилку. Прыйиздять до третёго дворця, а ёго стрилка якъ упала тамъ, такъ половыну дворця и знесла. Пишлы воны у дворець, пидкрепылысь. „Теперъ же, каже, глядить, яко мога неспить, та якъ стане кровъ зъ перчаточокъ капаты, бижить швыдче до мене. Отто сказавъ, пишовъ тай сивъ пидъ мисткомъ. Отъ о пивночи стукотыть-гримотыть, йиде змій зъ дванадцятьма головамы. Зйихавъ на мистъ, кинь и спиткнувсь. „Стій, каже, собаче мнясо, неспотыкайсь!"—Якъ же мени неспотыкатысь, шо пидъ мисткомъ Костыпынъ-сынъ сыдыть. „Хай винъ у мужыка пьятнадцять годъ свыни попасе, то и тоди ёго воронъ косты сюды незанесе".—Ни, каже, брешешь! добрый молодець и самъ зайшовъ. Якъ почалы жъ воны бытьця, якъ почалы бытьця, вже зъ тыхъ перчаточокъ то мыло падало, а то вже и кровъ юшить, а кинь у конюшни бьетьця, ажъ двиръ розлягаетьця. Отъ браты якъ почулы, прокынулысь, пустылы те все, та и самы на кони та до ёго. Тутъ якъ прыбиглы, перчаточкы првуть, малахаечка сиче, а кинь такъ и лютуе. Побылы и цёго змія на моталохъ, спалылы тай попилъ за витромъ пустылы, такъ шо зъ ёго и на зазуръ незозсталось. Тоди пишлы у пидземне царство, подоставалы тамъ праведне сонце, мисяць, зиркы, райдугу тай пустылы, а самы на кони, и пойихалы до дому. Тилко одйихалы може зъ пивпуты, Костыныпъ-сынъ и хвалытьця, шо забувъ свойи перчаточкы та малахаечку. „Шкода, каже, шо таке добро та такій погани зостанетьця". Отъ перекынувсь яструбомъ тай полетивъ назадъ. А писля тыхъ змийивъ та осталысь жинкы та диты. Якъ прылетивъ винъ туды, перекынувсь котыкомъ тай граетьця пидъ викномъ. а диты побачылы та до матери: „якый кажуть, гарный котыкъ, озьмимъ ёго".—Ни, постойте, це може урагъ нашъ; даймо ёму хлиба зъ медкомъ, а другый зъ нашымъ ядомъ: якъ буде йисты хлибъ изъ ядомъ, то нашъ прыятель, а якъ зъ медомъ, то урагъ. Кынулы отто, винъ заразъ до того шматочка, шо зъ ядомъ, покачавъ-покачавъ ёго тай загрибъ. „Це, кажуть, нашъ прыятель", тай узялы ёго. Отъ у вечери вси воны позлиталысь тай радятьця, якъ бы то йимъ звесты оттыхъ Костыныныхъ сынивъ. А у того старшого змія та осталась жинка и тры дочкы. „Ты, каже маты на старшу, перебижы йимъ дорогу та стань кроватью: воны захотять спочыты, та якый ляже, такъ и розийдетьця кровью; а ты, каже на другу, стань йимъ на дорози крыныцею: якъ тилко воны напьютьця, такъ и по-

лопаютьця; а ты, на третю, яблунею, то тилко воны зъидять по яблучку, такъ йихъ и розирве." Винъ усе те слуха, та якъ выслухавъ—до перчаточокъ та до малахаечкы, грається нымы. Воны побачылы та: „выкыньте, кажуть, ёму йихъ: це того такого-сякого, шо нашого батька звивъ". Отъ выкынулы ёму те все, винъ зновъ яструбомъ перекынувсь, забравъ те, скоро и бративъ догнавъ. Йидуть та йидуть, ажъ-ось така имъ пышна кровать стойить, надъ нею холодокъ, а коло и зелена травиця. Ти браты кынулысь до нейи, а винъ йихъ опередывъ, якъ рубне по ній, такъ вона кровью и зійшла. Пойихалы дали, ажъ яблунька така йимъ хороша стойить, такъ яблучка самы и падають. Винъ зновъ опередывъ бративъ, якъ рубоне йийи, вона такъ кровью и зійшла. Одйихалы ще стилко тамъ, ажъ-ось крынычка, та така-то ловка, а воны вже може стилко днивъ и капли небачылы, такъ и кынулысь до нейи, а Костынынъ-сынъ зновъ перебигъ та якъ сиконе йийи, такъ вона кровью и пидплывла. Отъ стара змийиха, якъ почула, шо вже дочкы попропадалы, та у погонь за нымы: одну губу пустыла ажъ пидъ небо, а другу ажъ пидъ землю та такъ и летыть за нымы. Отъ меньшый братъ прыпавъ до землн вухомъ та и каже: „эй братци, женеться за намы стара змія, скоро вже дожене и проглыне".— Постой, може ще подавыться. Отъ якъ почалы воны тикать, якъ почалы тикать, такъ ни, ось-ось догапя, такъ вогнемъ и пече. А тутъ та стояла кузня зализна, воны туды ускочилы тай заперлысь. Прибигла вона, „эй каже, одчините, бо зъ кузнею проглыну". А ковали и кажуть: „пролызжи двери то мы йихъ тоби печеныхъ подамо". А самы добре клищи попагривалы. Отъ вона лызнула, одразу и пролызала, та языкомъ туды, а ковали йийи за языкъ та давай тоди у плуга запрягаты та балкы ораты. Дооралысь до моря, вона и каже: „у тебе батько бувъ?"—Бувъ. „А косаривъ наймавъ?"—Наймавъ. „А спочываты йимъ дававъ?"—Дававъ. „Дай же й мени спочыты та воды напытысь." Якъ допалась же вона до моря та пыла, пыла, ажъ покы и лопнула.

(Тр..мсынивка Александр. у.).

Марко Сучченко. (ср. Рудч. II № 23).

Бувъ соби царь та царыця та небуло у ныхъ дитей. Шо вже царыця не робыла, и по бабкахъ йиздыла и на мыръ давала, недае Богъ дитей тай недае. Отъ разъ и прочула вона, шо десь-недесь е така бабка, шо поможе. Зибралась вона тай пойихала. Колы це перестрива йийи анголъ, а того ангола та самъ Богъ пославъ. „Куды вы, пыта, йидете?"—До такойи-то бабкы. „Зачымъ?"—За тымъ то. „Нейиздить туды, а держить у такый-то городъ та тамъ побачыте на базари старця, буде винъ ныть продавать. Такъ вы купить ту ныть, та нетургуйтесь, шо запросе, те и давайте, а тоди наймить рыбалокъ, хай зъ тийи ныти та вывьяжуть невидъ; та зновъ нетургуйтесь, шо

запросять, те и давайте, та якъ вывьяжуть, нехай закыпуть. И пиймають воны вамъ одну рыбынку зъ золотымъ пирцямъ. Такъ вы ту рыбку скажить, шобъ спеклы и шобъ поварька йийи некуштувала, тай зйижте". Отъ вона вернулась, поробыла все, якъ йий анголъ казавъ; рыбалкы и пиймалы йий ту рыбынку зъ золотымъ пирцямъ. Понеслы йийи на поварню, а поварька сама соби и каже: „шо жъ я буду за поварька, шо цийи рыбкы та непокуштую?" Взяла и покуштувала, а якъ царыця пойила, вона взяла и кисточкы собаци повыкыдала. Отъ царыця якъ попойила тийи рыбкы, заразъ и заваготила, а поварька и соби; тай сучечка заваготила, шо ти кисточкы пойила. Отто скоро и прывелы соби по сынови, царыця жъ—царенка, поварька—поваренка, а сучечка—Марка Сучченка. Якъ дийшлы ти сыны до зросту, пишлы до царя та и кажуть: „зробы намъ, *тату*, по ружжу та по стрильци, пойидемо мы у чисте поле стриляты, свою сылу пытаты". Батько поробывъ йимъ, воны и пишлы. Отъ якъ стрелнувъ царенко, упала стрила на могыли; якъ стрелнувъ поваренко, упала стрила на болоти; якъ стрелнувъ же Марко Сучченко, упала стрила ажъ у змiёвыхъ домахъ. „Ну ходимъ теперъ, братци, свойихъ стрилокъ шукаты". Отъ дийшлы до могылы, найшлы царенкову стрилку. „Ну, каже Марко Сучченко, тутъ тоби, брате и смерть прыйматы". Прыйшлы до болота, найшлы поваренкову. „Ну, каже зновъ винъ, тутъ тоби, брате, и смерть прыйматы". Тай пойихалы ше Маркову стрилку шукаты. Йихалы воны, йихалы тай прыйихалы прямо къ змiёвымъ домамъ. Повьязалы коней у конюшни за шестеро ажъ дверей, да самы и пишлы у ти дома. Роздывылысь, ажъ тамъ въ угли и Маркова стрилка лежыть. И у тий горныци стилъ стойить и на ёму якъ пыты, якъ и йисты, и карты лежать. Отъ воны напылысь, найилысь, Богу помолылись, силы у картъ гулять, тай гулялы до самойи ночи. Отъ прыйшла ничъ, Марко Сучченко и каже: „ходимъ же, братци, по черзи до коней ночуваты; иды ты, царенко". Царенко жъ лигъ биля коней, поваренко у хати а Марко Сучченко пишовъ тай сивъ пидъ мостомъ.

(Далѣе, какъ въ предъидущей сказкѣ, М. Суч. убиваетъ двухъ змѣевъ: трехголоваго и двѣнадцатиголоваго, а на третью ночь оставляетъ братьямъ рукавичку и приказываетъ выпустить его коня, какъ только они увидятъ на рукавичкѣ кровь. Теперь ему приходится биться съ двѣнадцатиголовымъ змѣемъ).

Отъ сталы воны бытьця, посида змий Марка Сучченка, отъ-отъ вже посяде. Винъ тоди и каже: „у тебе батько бувъ?"—Бувъ. „А косаривъ водывъ?"—Водывъ. „А спочываты дававъ?"—Дававъ. „Давай же и мы спочынемъ". Отъ силы спочывать, а Маркивъ кинь вже чуе, шо ёму лыхо, та трое дверей пробывъ. Почувъ ёго и Марко Сучченко, та якъ скыне чобитъ, якъ попшуре ёго у конюшню, такъ останни двери и пробывъ. Якъ прибигъ же тутъ кинь, педалы тому змиеви и рота роззявыты, побылы, спалыли и по-

пилъ за витромъ пустылы. Прыходе винъ у горныци, а браты ажъ харчать, сплять, а зъ тийи рукавычкы кровы вже ажъ по колина набигло. Винъ побудывъ ихъ. „Такъ-то вы, каже, мене доглядаете, шо допустылы онъ стилко зъ мене кровы выбигты!" Отто и пойихалы, царенко на могылу, поваренко на болота, а Марко Сучченко подавсь десь у городъ та накупывъ тры лантухы соленыхъ корживъ та лантухъ солы. А баба-Юга, костяна нога, а та (с....) жылава, якъ почула, шо вже змийи побыти, та за ными въ погонь. Запустыла одну губу понидъ небесамы, другу по земли волоче; якъ нагнала того на могыли, а того на болоти, одразу проглынула та ударылась за Маркомъ Сучченкомъ. Отъ-отъ нажене, вже пече, то винъ обернетьця, кыне йий лантухъ корживъ, вона ковтне тай вернетьця воды пыты: напьетьця та зновъ за нымъ. Такъ ажъ покы усп лантухы покыдавъ, а дали никуды и тикаты. Якъ ударывсь же винъ понидъ хмарою та прылетивъ на поле Кузьмы-Демьяна, а на тимъ поли та жывъ Кузьма-Демьянъ божый коваль. Отъ Марко Сучченко летыть та крычить: „эй Кузьма-Демьянъ божый коваль, одчыны кузню я зъ конемъ влетю!" Той раздывывсь, де воно крычыть, тай одчынывъ: винъ такъ у кузню зъ конемъ и ускочывъ, а Кузьма-Демьянъ и зачынывся. А вона прыбигла, грызь, грызь ту кузню,—невгрызе. „Эй, каже, Кузьма-Демьянъ, божый коваль, одчыны кузню, оддай Марка Сучченка, бо якъ неоддасы, то й тебе проглыну". Пролыжи каже, двери, я тоби его зажареного вже оддамъ". Вона якъ лызнула, одразу и пролызала тай просунула языкъ. А у Кузьмы-Демьяна та було дванадцять ученыкивъ, такъ воны ийи гарячымы клищамы и пиймалы за языкъ. Давай тоди Кузьма-Демьянъ та Марко Сучченко ийи у плуга запрягать. Якъ запряглы та якъ сталы межу класты, и ораны воны черезъ болота, черезъ лиса, черезъ горы, ажъ до самого моря. Вона, якъ дийшла до моря, та давай пыты, давай пыты, та пыла ажъ покы и лопнула, и пишла зъ нейи усяка нечысть: гадюкы, жабы, ящуркы, пуголовкы, павукы, черва и усяке таке.

(Алексѣевка Александровск. у.)

Есть еще такое окончаніе (ср. Рудч. II № 25):

Скувавъ Кузьма-Демьянъ божый коваль Маркови зализнаго коня тай каже: „Отце йидь, та шобъ тамъ не побачывъ, несмийся, бо коня одниме". Отъ подякувавъ винъ ёму и пойихавъ. Дывытьця, ажъ сыдыть *Носачъ* та ёму зъ носа прямо у море сопли течуть, а нисъ може сажнивъ двадцять. Марко неутерпивъ тай засмиявся, а той Носачъ пидскочывъ тай однявъ коня. Марко просе, кланяетьця ёму. „А высватай, каже, мени царивну, такъ оддамъ". Ничого Маркови робыты, пишовъ винъ по царивну. Иде винъ та иде, ажъ сыдыть чоловикъ одну ногу за вухо завьязавъ. „Доровъ тоби!"—Доровъ! „А шо ты таке?"—Та це я дожыдаюсь, покы люде до царя на обидъ

зийдутьця. „На шо жъ ты ногу прывьязавъ?“—Та якъ бы я йийи одъязавъ, то на край бы свита ставъ. „Ходимъ зо мною“.—Ходимъ. Идуть отто у двохъ, колы це чоловикъ иде и солому несе. „Доровъ тоби!“—Доровъ! „Де ты йдешъ?“—Та йду до царя на обидъ. „А солому на шо несешъ“?—Та це така солома, шо якъ роскыну то буде сылный дожчъ. „Ходимъ зъ намы“.—Ходимъ. Пишлы отто у трёхъ. Дывлятьця, ажъ иде чоловикъ и дровъ оберемокъ несе. „Доровъ тоби“!—Доровъ. „Де це ты йдешь?“—До царя на обидъ. „А дрова на шо несешь?“—Та це таки дрова, шо якъ роскыну, то буде морозъ. „Ходимъ зъ намы“.—Ходимъ. Пишлы вже в чотырёхъ. Идуть та идуть, ажъ иде чоловикъ и рыбку несе. „Доровъ тоби!“—Доровъ! „Де це ты йдешь?“—До царя на обидъ. „А на шо рыбку несешъ, хыба тамъ недостане“?—Э, це я, каже, такый, шо якъ опустюсь у ричку, або у море такъ яку схочу рыбу на выбиръ піймаю. „Ходимъ зъ намы“.—Ходимъ. Пишло вже ихъ пьятеро. Дывлятьця, ажъ иде чоловикъ и холоши по колина пидкачавъ. „Доровъ тоби!“—Доровъ! „Де ты йдешъ?“—До царя на обидъ. „А холоши на шо пидкачавъ?“—Та я, каже, такый, шо воду у копыци складаю. „Ходимъ зъ намы“.—Ходимъ. Стало ихъ вже шестеро. Идуть тай идуть, ажъ-ось бачуть, шо чоловикъ усе прысида, усе прысида. „Доровъ тоби!“—Доровъ! „Шо це ты робышъ?“—Та я каже, якъ схочъ, то й на небо скочъ. „Ходимъ зъ намы до царя на обидъ“. Ходимъ. Отто вже ихъ и семеро. Прыйшлы воны до царя, давай царивну свататы. Вона йимъ и каже: „я пиду, тилко хай до свита прынесуть мени зъ моря воды“. А те море та було десь на край свита. Отъ той ногу одвьязавъ, якъ махне, ше вона и невстала, а вода ажъ-ось. „Ну теперъ, каже, зробить такъ, шобъ по всёму царстви выпавъ дожчъ. „Той заразъ солому розкыдавъ, такый дожчъ ударывъ та ше и зъ витромъ. „Ну, каже, до трёхъ разъ; теперъ зробить, шобъ по всёму царстви бувъ морозъ“. Той разкынувъ свойи дрова, такъ усе крыгою и взялось. Ниде йий дитысь, треба йиты. Отъ забралы воны йийи тай пойихалы. Тилко йидуть коло моря, вона и скочыла у море, перекынулась тамъ рыбыною та тикать. А той, шо усяку рыбу лове, та за нею, заразъ и пиймавъ. „Шо жъ зъ рыбою робыты?“ Заразъ той, шо воду у копыци склада, накыдавъ копыцю воды на визъ, укынулы йийи туды, пойихалы дали. Йихалы-йихалы, а вона якъ выстрыбне, та на небо, и стала зиркою. Той, шо якъ схочъ, то й на небо скочъ, якъ скокнувъ и соби, заразъ найшовъ йийи тамъ и прытаскавъ. Тутъ ось и до Носача прыйихалы. Узявъ винъ ту царивну, а коня Маркови оддавъ.

(Александров. у. Екатериносл. губ.)

Иванъ Царевычъ та Иванъ Кухаревычъ.

(Караджичь, Срп. н. прип. № 29).

Бувъ соби царь, а у того царя та була однымъ одна дочка и така красыва, шо и зглянуть неможна. Отъ и захворила вона. Давай тоди царь зклыкаты зъ усёго царства дохторивъ та ликаривъ, такъ нихто непомага. Отъ царь и объявывъ, чы ненайдется де хто, хочъ, старець, хочъ купець, хочъ яка бабка, якъ поможуть йий, то винъ и незнать якъ наградыть. Отъ и найшовсь одынъ старець тай каже: „зробить вы обыденну сить, таку шобъ увъ одынъ день и прялась, и сукалась, и моталась, шобъ изъ тий ныти и ситка плелась; та тоди закыньте ту ситку у такому-то ставкови, тай піймайте двохъ уюнивъ, тыхъ уюнивъ зажарте тай дайте йий зйисты. Отъ зробылы ту ситку, закынулы разъ—нема, закынулы у друге—нема, та за третимъ разомъ вже и пиймалы Отъ якъ пиймалы, заразъ до кухарькы, та спекла йихъ, понесла до царивны, а та, якъ була слаба, то може тамъ якый бичокъ и зйила та заразъ одужала й повеселишала. А ти уюны, якъ кухарька прыберала, тай дойила. Якъ попойилы воны отто, заразъ и понеслы, а якъ выйшло уремня, воны и найшлы соби по сынови. Якъ найшлы, заразъ загорнулы у шо тамъ, у яку одежу, тай однеслы у лисъ. А у лиси та набривъ йихъ дякъ, такый соби бувъ бездитный. Отъ забравъ йихъ, охрестывъ и сталы воны росты не по дняхъ, а по мынутахъ. Якъ дийшлы вже ось до зросту и пишлы соби счастя шукать. Заразъ заходылысь коней добувать, такъ де вже не ходылы, де не бувалы, нема йимъ по сыли. Колы це набрелы цыгана, веде пару коней. Воны давай йихъ пробуваты, такъ шо не положе руку Иванъ Царевычь—кинь стойить, а якъ положе Иванъ Кухаревычъ, кинь ажъ угынаеться. „Ну, кажуть, це будуть наши". Посидалы й пойихалы. Йихалы-йихалы и найихалы, де дорогы росходятся, и стойить тамъ стовпъ, а на тому стовпови написано: „хто пойиде у праву руку, той буде церевымъ зятемъ; а хто у ливу, то тамъ змий людей выйида и воды недае, та ше така роса сида, шо кому хочъ крапелына йийи попаде, заразъ того и разирве". Отъ Иванъ Кухаревычъ и каже: „йидь ты, брате, на право, а я пойиду у ливо". Та була ше у ныхъ и охота; то якъ воны у лиси охотылись, такъ имъ ильвыця дала пару ильвятъ, а ведмедыця—двое ведмедчатъ, а вовчыця—двое вовченятъ. Воны отто подилылысь тиею охотою, встромылы у стовпъ по ножеви, Иванъ Кухаревычъ и каже: „будемо сюды навидуватысь; чый нижъ поржавіе та буде зъ ёго кровъ капаты, такъ другому йихаты того одшукуваты, шобъ хочъ поховаты". А Ив. Кух. та бувъ за старшого, бо бувъ сылнишый, бо ёго маты усихъ уюнивъ пойила, а царивна тилко бичокъ. Отто змовылысь тай розйихалысь. Отъ Иванъ Кухаревычъ якъ дойихавъ до того царства, лигъ спаты, а охоти звеливъ коня стерегты. Заснувъ винъ, а охота вже зъ себе вовка поставы-

ла до коня, сама поснула и вовкъ заснувъ, а кобыла хватыла тиии росы, такъ йиии и розирвало Тутъ охота до вовка, грызуть ёго, лають; винъ и прокынувсь. „Ну, каже, небида, пидемо и пишкы“. Заразъ ведмидь наламавъ гилля, зробылы зъ левомъ посылкы, посадылы хозяина, понеслы тай прынеслы ажъ у самый той городъ, де ихній царь живе. Найшовъ винъ тамъ соби гостынныцю и ставъ жыты. А у тому царстви та бувъ за городомъ стовпъ каменный; отто кому слидъ пйты на прожереніе, то посадять ёго на той стовпъ, а змий прылетыть, ухвате, изйисть, та тоди и дасть воды. Отъ винъ разъ пишовъ на выгинъ и баче, що на стовпъ та посадылы царивну. Винъ полизъ туды, изнявъ йиии, ажъ ось и змій летыть. „Эге, каже, та тутъ есть уже хтось, та я никого небоюсь, тилкы десь-недесь есть Иванъ Кухаревычъ, такъ того и воронъ косты сюды незанесе“.—Брешешъ, я ажъ ось! Якъ сталы жъ воны бытысь, Иванъ Кухаревычъ побывъ змия, потрощывъ и попилъ за витромъ пустывъ, взявъ у царивны перстень и пишовъ соби у свою гостынныцю. Якъ прыйшовъ, тамъ нихто и непизнавъ, що це винъ змия забывъ, росказують ёму, що якыйсь багатырь царивну одвоювавъ. А царивна якъ вернулась, заразъ и обисьчкавсь такый, що „я, каже, спасъ“.—Ну, колы ты, то й ты. Якъ уже тамъ царивна не одмагалась, що не робыла, треба йий за ёго пйты. А Иванъ Кухаревычъ, якъ прочувъ це, заразъ у дворець, показавъ той перстенькъ, вона ёго заразъ и прызнала. Отъ того зависылы, винъ забравъ йийи за себе, давъ ёму царь половыну царства и сталы воны соби жыты. Отто йиздыть винъ на охоту, та разъ и зайихавъ до того стовпа, де воны пожи постромлялы; подывывсь—чысти пожи. „Ну, каже, ще мий братъ десь пожыва“. Йиздывъ винъ такъ, йиздывъ та зайихавъ десь разъ у лисъ. Дывыться—стоить хатка, а у тий хатци та жыла змийиха зъ трёма головамы, тому змиеви, що винъ стребывъ, маты. Увийшовъ винъ у хатку, ажъ нема никого, а це скоро и вона летыть. Якъ побачыла ёго, давай ёму кланятысь та просытысь; дума, щобъ винъ и йийи незабывъ. Винъ йий ничого, тилко ёго охота усе гарчыть на нейи. Отъ винъ закгавывсь, вона махнула рушнычкомъ сюды та туды, охота уся скамьянила и винъ скамьянивъ. А той Иванъ Царевычъ йиздывъ-йиздывъ тай каже: „Пойиду я довидаюсь до того стовпа“. Колы прыйихавъ, подывывсь, ажъ зъ одного ножа кровъ капа; тутъ капа, тутъ и камьяніе, и вже чы мало накапало. Тутъ ёго охота заразъ якъ майнула по тимъ слиду, де винъ йихавъ одъ того стовпа, прывела ёго и на те мисто де кобыла лопнула, де винъ и въ гостынныци жывъ, и у дворець до царя Царивна жъ, якъ побачыла ёго, такъ и прыпада до ёго. „Це каже, мий чоловикъ, тай мий“. А воны-то таки схожи одынъ на одного булы.— Ни, каже, я не твій чоловикъ, хыба може то мій братъ. Попростывсь тай пойихавъ. Охота бижыть по слиду и винъ йиде, зйиздывъ усе царство, де тилко не бувъ Иванъ Кухаревичъ, тай зайихавъ до тийи змийихы. Якъ поба-

чывъ же, шо винъ камьяный и охота камьяна, вже винъ плакавъ-плакавъ, ажъ-ось и змийиха лытыть. Заразъ давай и ёму кланятысь; винъ того ничого непрыйма, за косы йийи та бывъ-бывъ, „везы мене, каже, де цилюща та жывуща вода". Вона и потаскала ёго. Прывозе до колодязя, „ось", каже. Винъ укынувъ туды вербынку, такъ та вербынка на попилъ и разсыпалась. Винъ знovъ за нейи. Тоди вже и прытаскала до другойи. Винъ укынувъ трысчыну, вона и зацвила. Тоди винъ набравъ тийи воды, покропывъ брата и ёго охоту, вси и поожывалы. Заразъ йийи забылы, за витромъ попилъ пустылы тай сталы жыть та пожывать.

(Трёмсынивка Александровск. у.)

Салдацьки сыны-багатыри (котыгорошкы).

Бувъ соби салдатъ та жинка. Отъ якъ винъ бувъ соби убогый, то й пишовъ на заробиткы. Та якъ пишовъ, то може годъ десять ходывъ, а жинка сама бидкаеться. Отъ разъ пишла вона до колодязя воды, набрала тай иде, ажъ баче, котяться за нею дви горошынкы. Вона взяла та изйила йихъ. Якъ зйила, такъ и заваготила, и родыла скоро двохъ сынивъ-багатырывъ, шо волосъ у волосъ, голосъ у голосъ. Ростуть ти сыны, якъ зъ воды йдуть, за годъ миста вырослы тай кажуть матери: „пидемо мы, мамо, може де шо заробымо". Пишлы тай сталы до якогось пана дому строиты за трыста рублывъ. Звистно, якъ багатыри, заходылысь—усе ни по чому, за тыждень якый и управылысь. Отто забралы гроши и пишлы на базарь. „Давай, каже одынъ, купымо соби по коняци".—Давай, каже другый. Ходылы-ходылы, выбералы-выбералы, такъ на якого коня якый братъ руку не наложе, такъ той кинь и впаде. Ажъ-ось иде дидокъ тай пыта йихъ: „чого вы, салдацьки сыны-багатыри, журытесь?"—Та ось, дидусю, коней по соби ненайдемо. „А ходимте, каже, до мене". Прывивъ ихъ на свое дворыще, розбывъ зализни двери, ажъ тамъ кони огонь идять, а дымъ пьють. Пидийшовъ одынъ братъ, поклавъ на одного коня руку, той тилко головою скрутнувъ. „Це, каже, буде мій". Отъ и другый выбравъ соби, давай воны за цину сходытысь. „Давайте, каже, по пьятдесятъ рублывъ".—Добре, кажуть. Оддалы гроши. „Де бъ ще це намъ, кажуть, найты соби по шабли та по пидстолету".—Та у мене и це йе. Далы ёму и за шабли и за пидстолеты по сту рублывъ, посидалы на кони, гайда до дому. Маты ихъ роспытуе, шо заробылы та шо купылы. Воны и хвалыться, шо по коневи, по шабли та по пидстолету. „Ось пидить, мамо, тамъ на присьпи лежать, тай унесить у хату." Пишла вона, ворочала йихъ, ворочала; „цуръ имъ, каже, некъ, яки важки". Давай воны тоди йиздыты на охоту. „Пойидемъ, каже одынъ, я пазнавъ зайчыцю зъ зайченятамы, та заберемъ". Знайшлы ту зайчыцю, а вона и просыться: „эй салдацьки сыны-багатыри, небыйте мене, несыротить мойихъ дитей, я вамъ по сынови на прыслугу дамъ".

—Шо жъ, того и треба. Забралы двохъ зайченятъ тай пойихалы. Та такъ якъ попойиздылы, такъ набралы соби усякого звира: зайченятъ, лысенятъ, вовчатъ, ведмедчатъ, левятъ, та тоди усимъ и подилылысь такъ, шо жодному упало кожного звира по одному. Отъ пожылы ше трохы, одынъ братъ и каже: „пойиду я, може найду де батька!“ Та взявъ поставывъ середъ двору лату, а на лати кулыкъ навьязавъ. „Гляды, каже, брате, покы я живый буду, то цей кулыкъ стоятыме, а якъ де подинусь, або вмру, то винъ онаде“. Отто сказавъ тай пойихавъ. Якъ пойихавъ та зайихавъ ажъ у друге царство, дывыться, стоить дворець, а коло ёго хатка: винъ и зайшовъ у ту хатку, ажъ тамъ живе баба. „А шо, пыта, бабо, можна у васъ спочыты?“—Та чомъ неможна? одпочывай. Отъ винъ лигъ, прыкынувсь, наче бъ то спыть, а самъ слуха. Колы це бижить дивчына. „Цю ничъ, каже, бабусю, прывезе цыганъ царивну нашому змиеви на прожереніе“. А та баба та була поварька того змия, шо осивъ те царство та людей пынштожывъ. Винъ все те чуе, а якъ прыйшла ничъ, винъ и пыта бабкы: „чи неможна у васъ тутъ де на охоту пойихаты?“—Чомъ неможна, каже, можна. Винъ забравъ свою охоту и пойихавъ. Прыйиздыть до того дворця, давъ часовымъ по червонцю, воны ёго и пропустылы. Пишовъ винъ у той дворець, ходе тамъ, роздывляеться, такъ нема ни духа. Давай винъ гукать, колы це озываеться до ёго царивна. А то йийи цыганъ прывивъ змиеви на прожереніе, пустывъ у дворець а самъ на дуба злизъ. Отъ поздоровкалысь воны, росказала вона ёму свою прыгоду, винъ и дае йий шыло и молотокъ. „Це, каже, якъ буде змий летиты та парусы напускаты, бый мене цымъ шыломъ та молоткомъ“. Сказавъ, лигъ тай заснувъ, а вона ёму въ головы ськае. Отъ ставъ змий налитать, ставъ парусы напускать, вона жаліе ёго, небуде, а дали якъ заплаче, ёму слёза и впала на щоку. „Ху, каже, якъ же ты мене опекла“. Дывыться ажъ-ось и змий. „Ху, каже, я думавъ, шо салдацьки сыны-багатыри на печи ше кашу йидять, ажъ одынъ ось де! дуй тичокъ!“—И я небуду, и тоби невелю. Тилко змий ногу зъ стремена, а тутъ охота якъ наскочыла, розметала ёго. Винъ тоди узявъ, головы пидъ одну скелю, языкы пидъ другу, а тулубы пидъ третю и поховавъ. Царивна жъ узяла та усю ёго охоту зелеными стёжками и повьязала, ше и ёму дала, тай просыться, шобъ винъ и йийи зъ собою узявъ. „Ни, каже, найдеться той, шо тебе озьме.“ Сивъ на коня тай пойихавъ до тийи бабкы. А цыганъ тоди зъ дуба. „А шевеле, будешъ казать, шо я змия згубывъ, а то заризку“. Нйде тий дитьця.—Буду, каже. Прывозе цыганъ йийи до царя, такый ёму почотъ йде! А той якъ вернувсь до бабкы, заснувъ, та ажъ другого дня вставъ. Отъ на другый день зновъ бижыть та жъ дивка. „Буде, каже, цю ничь цыганъ другу царивну везты змиёви на прожереніе“, Винъ все те слуха, а якъ облягла ничъ, винъ и выйихавъ на охоту. Давъ заразъ часовымъ по червонцю, а самъ пишовъ у дворець, ажъ тамъ и царивна уже. Тае

винъ и ций швайку и молотокъ тай каже: „якъ буде змий налитать та нарусы напускать, поставъ цю швайку мени на голову, та бый по ний молоткомъ якъ мога, а покы, поськай мени". Якъ лигъ тай заснувъ. Ажъ ось змий, вона и пошкодила ёго колоты, сыдыть плаче, а слёза и упала ёму на щоку. „О, якъ ты мене опекла," каже. Глянувъ на охоту а вона вже и сама не своя, метаетьця. Тилко змий у двирь, заразъ и почувъ хто тамъ йе. „Ху, каже, я думавъ, шо салдацьки сыны-багатыри на печи ще кашу идять, а ъ одынъ вже и ось де; дуй тичокъ!"—И я небуду и тоби не велю. Тилко змий ногу зъ стремена, такъ охота ёго и пометала. Винъ тоди головы пидъ одну скелю, языкы пидъ другу, а тулубы пидъ третю поховавъ; ставъ одйнадцыты, та царивна и просытьця, шобъ винъ йийи зъ собою узявъ. „Буде, каже, той, що тебе озьме". Вона тоди усю ёго охоту и повьязала червоными стёжкамы, ще й ёму таку жъ дала. А цыганъ тоди злизъ зъ дерева та до нейи: „будешь казаты шо я тебе одъ смерты вызволывъ, а то, шевеле, зарижу".—Буду, каже. Отъ цыгану такый почотъ, ще билшый; вже винъ збераетьця на першій царевни женытысь. Та царивна плаче. Колы це ось йиде городомъ той салдацькій сынъ-багатырь. Вона якъ побачыла свои зелени стёжкы, а друга свои червони, „ось хто, кажуть, насъ спасъ одъ змия, а не цыганъ". Давай тутъ цыгана пытаты, де винъ зъ змийивъ тулубы подивавъ. Цыганъ небойитьця, повивъ ихъ на те мисто. „Ось, каже, пидъ циею скелею тулубы, а пидъ циею языкы, а тутъ головы".—А ну покажъ. „Эге, каже, хыба бъ же и можна? тутъ стилко треба людей". Тоди салдацькый сынъ-багатырь поперевертавъ ти скели, доставъ вси прызнакы; заразъ цыгана зависылы, а салдацькій сынъ-багатырь забравъ ту старшу царивну. Оддають отто ёму одъ усёго ключи тай прыказують, шобъ тамъ увъ одну якусь-то комирку неходывъ. „Шо жъ я буду, каже, за хазяйинъ, шо непиду та недовидаюсь, шо тамъ таке йе". Пишовъ у ту комирку, ажъ тамъ виконце; подывывсь винъ у те виконце, ажъ баче море, та таке велыке, а за тымъ моремъ и берегъ выдно камьяный, а на ёму усе камьяне: и люде, и звиры, и дерева, и птыця, сказано жъ—усе. „Шо жъ, каже, я буду за багатырь шо недовидаюсь, шо то за море". Заразъ забравъ усю свою охоту, осидлавъ коня, пойихавъ того моря шукаты. Отъ скоро найшовъ те море, дума якъ ёму перевезтысь. Ажъ-ось иде дидокъ. А той дидокъ та черезъ те море людей перевозывъ. Винъ ёго и пыта: „якъ бы мени, каже, диду, на той бикъ перевезтысь?"—Э, каже, сыну, тамъ така жыве Баба-Яга, що хто до нейи не прыбуде, вона ёго уразъ каменемъ зробе. „Я, каже, небоюсь, везы". Перевизъ ёго дидокъ и охоту. А салдацькій сынъ-багатырь якъ пишовъ, найшовъ ту Бабу-Ягу, поздоровкавсь тай пыта: чого це тутъ усе скамьянило?"—Пидожды, каже, ложечкы побаню, такъ скажу. Стала вона баныты ложечкы, а винъ камьяніе, камьяніе, и охота уся ёго камьяніе, та такъ покы вона ти ложечкы побаныла, винъ зъ охотою и окамья-

нивъ. Якъ окамьянивъ винъ, заразъ той кулыкъ, шо винъ братови на прызнаку навьязавъ, такъ и опавъ. „Э, каже тоди меньшій, десь уже брата на свити нема; пойиду я, може одшукаю“. Осидлавъ коня тай пойихавъ. Отъ прыйиздыть у те царство, де той оженывся, попросывсь до царьскойи поварькы переночуваты, а его тамъ заразъ и прызналы за того, шо пропавъ. „Ты, каже царивна, мий мужъ“. А воны жъ, сказано, волосъ тоби у волосъ, голосъ у голосъ, таки схожи. Винъ одмагаетьця, каже: „це мабуть мий братъ“. Остановылы его житы у царя. Живе винъ и поручають ему до рукъ ключи тай наказують, шобъ винъ тежъ у ту комирку неходывъ. Винъ такы непослухавъ, пишовъ у ту комирку, заглянувъ у виконце, заразъ и побачывъ и свого брата, и усю его охоту. Тутъ же зибравсь, тутъ и пойихавъ. Прыйиздыть до того моря, знайшовъ того дида. „Перевезы мене“.—Э, нейидь, сынку, тамъ така Баба-Яга, шо хто не прыбуде, заразъ одуре тай скамьяныть. „Я, каже, небоюсь, мене неодуре“. Перевизъ его дидъ, винъ и пишовъ по тому камьяному царстви. Якъ знайшовъ ту Бабу-Ягу, давай йийи роспытуваты, чого це у сёму цавстви усе камьяне? „Пидожды, каже, я ложечкы побаню“.—Э, каже, мене неодурышъ. Якъ узявъ йийи за косу, якъ почавъ крутыты! винъ круте, а охота рве, винъ круте, а охота рве. „Ой, каже, дай мени хочь трохы одпочыты“.—Кажы, де у тебе живуща й цилюща вода. „Ходимъ, каже, оттамъ замурована“. Повела его до стины, винъ заразъ розбывъ ту стину, урizавъ йий пальця тай укынувъ туды; такъ той палець и занявсь. Винъ зновъ до нейи; тоди вона и показала ему. Винъ тоди кынувъ ту Бабу-Ягу своий охоти, набравъ тийи воды, заразъ брата и охоту ожывывъ, посидалы на кони и пойихалы у свое царство. Той же старшый ставъ зъ своею жинкою житы, а меньшый йийи сестру забравъ тай доси живуть.

(Александровскій у. Екатериносл. губ.).

Иванъ Ивановычъ руськый царевычъ та морске чудерство.

Якъ бувъ соби царь та небуло у его дитей. Отъ вийшовъ винъ разъ на ярмарокъ, а бабка сыдыть масло продае. „Чого ты, каже, журышся? Я знаю, якъ тоби запомогты“. Винъ розсердывсь и ударывъ йийи, а дали и одумавсь: „за шо, каже, я йийи ударывъ? вернусь попростюсь“. „Просты мене, каже, бабко, шо я тебе занапрасно ударывъ“.—Богъ простыть. „И въ другый разъ“. —Богъ простыть вси три разы. „Шо жъ ты, бабусю, знаешъ?“—Та осъ шо: звелы ты своимъ невиднычымъ, хай вловлять рыбку—золота головка, а срибный хвостыкъ, одна луска золота, а друга срибна, та хай царыца тийи рыбкы попойисть, то понесе. Такъ усе, якъ та бабка казала, такъ усе и зробылы, и родыла царыця сына Ивана Ивановыча руського царевыча. Отъ той царь померъ, а Ив. И. рус. цар. на царстви зостався. Отъ и пыше змий пысь-

мо до ёго матери, шобъ вона, била царыця, до ёго выйшла, а то винъ усе царство стребыть. Показала вона ту запыску Ив. Ив. рус. цар., винъ прочытавъ, иде журытьця. Пишовъ на базарь, ажъ сыдыть бабка, масло продае. „Чого ты, Ив. Ив. рус. цар., журышся? я тоби у твойимъ гори поможу".—Шо ты стара можешъ?—та якъ урижe йийи по выску, вона и покотылась. А винъ одийшовъ тай одумавсь: „за шо я йийи, каже, обыдывъ? йий и такъ тры дни вику; пиду попростюсь". Прыходе до нейи ось та кланяетьця: „просты мене, бабусю".—Богъ простыть. „И въ другый разъ".—Богъ простыть вси тры разы. „Шо жъ ты мени поможешъ?"—Зберы ты, каже, вийсько та пойидь у такый-то лисъ, найдешъ тамъ могылу, а на могыли дуба, пидъ дубомъ дванадцять каменей, пидъ каминямы дванадцять дверей, а за тымы дверямы на дванадьцяты цепахъ стоить багатырськый кинь, дымъ пье, а огонь йисть; отто и твій. Збравъ винъ вийсько, знайшовъ ту могылу, вывернувъ дуба, каминня поросkыдавъ, двери порозбывавъ, добувъ того коня. „Ну, каже кинь, пусты мене, Ив. Ив. рус. цар., на тры зори на пшеныцю, на зелену кошеныцю, бо я тутъ дуже охлявъ". Пустывъ винъ ёго, черезъ тры зори летыть кинь. „Теперъ, каже, сидлай мене тугенько, сидай на мене ладненько, та на тоби хусточку, якъ займетьця на мени тры волосыни, то ты нею махны сюды-туды трычи". Отъ сидла винъ ёго тугенько, сида на ёго ладненько, сюды-туды обертаетьця, козацького ума набераетьця. „Якъ тебе, каже кинь, несты? Чы повыще комышу, чи въ пиндерева, чи повыще дерева?"—Несы, каже, повыще комышу. Отъ верстъ за тры недолетилы воны до того змия, занялысь на коневи тры шерстыни. Винъ тією хусточкою махнувъ сюды-туды, воны и загаслы. Прылетилы до змія, змій й пыта: „а шо? чы будемъ бытьця, чи мырытьця?"—Та вже жъ бытьця. Отъ побывъ ёго Ив. И. рус. цар., змій и просытьця: „небый мене до'статку, а везы у свое царство на чудерство".—Якъ же я тебе повезу, каже, шо ты мене ще за тры верствы трохы не спалывъ? „Вмотай мене въ торокы тай везы, ничого небийсь". Прывозе винъ ёго у свое царство, вси на ёго чудують, а тамъ узявъ тай заперъ ёго у темныцю, а самъ и пойихавъ на охоту. Отъ посыла у темныцю тому змиёви йисты у темныцю зъ дивкою; винъ ту дивку попобывъ. „Нехочу, каже, йисты, хай сама била царыця прынесе". Дивка усе те росказала, пишла била царыця сама вже. Якъ пишла та тамъ и злягласъ зъ тымъ змиемъ. Давай воны тоди радытьця, якъ бы то йимъ ёго стребыть. Змий и каже: „есть десь-недесь змий зъ шостьма головамы, хай винъ ёго вбье, шисть пляшечокъ кровы зъ ёго наточе та прывезе, то я тийи кровы напьюсь, одужаю, такъ я ёго вбью и самъ". Отъ прыйихавъ винъ зъ охоты, вона ёму и каже: „шо це ты одну нечысту сылу стребывъ, а ще десь есть, кажуть, друга, зъ шостьма головамы; пойидь вбый и ту та прывезешъ мени зъ нейи шисть пляшечокъ кровы". Винъ до коня, сидла ёго тугенько, сида на ёго

ладненько, сюды-туды повертаетьця, козацького ума набераетьця. Отъ выйихалы, дае ёму кинь хусточку тай говоре: „якъ займетьця на мени шисть шерстынъ, такъ махны нею шисть разъ сюды-туды; та кажы, якъ тебе несты, чы повыще комышу, чи въ пивдерева, чи повыще дерева?"—Несы мене, каже, въ пивдерева. Кинь якъ понисъ, якъ понисъ, домчавъ, заразъ того змия забылы, шисть пляшечокъ кровы наточылы, вже и дома. Однесла вона тому змиёви ту кровъ, винъ выпывъ. „А шо, пыта, подужчавъ?"—Ни каже, ще неподужаю ёго; а якъ бы я выпывъ дванадцять пляшечокъ кровы зъ морського чудерства, шо у ёго тры губи и на жодну губу бере по дванадьцять карабливъ, тобъ наче подужавъ. Вона тоди до ёго, розжалобылась. „Побывъ ты, каже, дви нечисти сылы, якъ бы онъ ще третю! Есть, кажуть, на мори морське чудерство зъ трёма губамы и на кожну губу по дванадцять карабливъ бере, такъ забый ёго та наточы дванадцять пляшечокъ кровы". Пишовъ винъ до коня тай хвалытьця. „Ничого, каже; беры тилко тры крючкы по симъ пудовъ вису". Отъ сидла винъ коня тугенько, сида на ёго ладненько, сюды-туды обертаетьця, козацького ума набераетьця. Выйихалы въ поле, кинь и каже: „на тоби отцю хусточку та якъ займетьця на мени дванадцять волосынъ, махны нею дванадцять разъ сюды та туды: та кажы, якъ тебе несты? чы повыще комышу, чи въ пивдерева, чи повыще дерева?"— Несы мене, каже, повыще дерева. Кинь якъ понисъ ёго, одразу коло моря и сталы. Дывытьця винъ, ажъ тамъ стойить хатка, а у тий хатци бабка. „Дай, бабко воды напытысь".—Нема, каже; отце прывелы царивну морському чудерству на прожереніе, воно якъ изъисть йийи, то й дасть напытьця. Винъ заразъ пустывъ коня на пшеныцю, на зелену кошеныцю, а самъ заходывсь зъ тіею царивною гуляты. Сотворывъ зъ нею грихъ тай лигъ спаты, а йий давъ шваечку та молотокъ. „На, каже, та якъ буде бурунъ таскать, та каминь котыть, стромляй швайку у вухо та бый молоткомъ чымъ дужа". Отъ незабаромъ якъ потаска бурунъ, якъ покоте каминня, вона ёго помалу ударе, винъ и байдуже, нечуе. Та кинь уже почувъ, прылетивъ, та якъ ударе копытомъ у стину, винъ и прокынувсь. Сивъ тоди на коня, а тутъ и морське чудерство одну губу выпустыло. Винъ и накынувъ йийи крюкомъ. Воно другу выпустыло, винъ и другу накынувъ, воно третю, винъ и третю зачепывъ. Тоди те морське чудерство якъ потаска ёго та утаскало ажъ на шистдесятъ верстъ у глыбъ. „Держысь же, каже кинь, ось я ёго ще потягну". Якъ смыконе, такъ на шистдесятъ верстъ на сухопуття и вытаскавъ. Тоди заходылысь, порубалы ёго, кровы наточылы и пойихалы. Отъ оддавъ винъ ти пляшечкы матери, а самъ и подавсь зновъ на охоту. Попывъ змий ту кровъ. „Ни, каже, неподужаю: велыка въ ёму сыла; а давай, каже, ёго банщыкивъ пидкупымо: якъ винъ буде вмыватысь, хай наставлять ёго шаблю, то вона ёго сама заруба". А у ёго та була така шабля, шо на шо на-

ставышъ, такъ и перетне. Банщыкы такъ и зробылы, наставылы ту шаблю, а вона и одсикла ёму голову. Такъ та голова вже якъ падала, такъ сказала: „стребылы вы мене, такъ поховайте у такимъ то лиси, у чавунній труни“. Отто поховалы його, якъ винъ заказавъ, бо мертвого вже нестрашно. А та царивна, шо винъ, якъ коло моря бувъ, та зъ нею грихъ сотворывъ, якъ звернулась до дому та найшла соби двохъ сынивъ. Батько якъ дознавсь, „Э, каже, чортъ чорта и выведе“. А винъ то думавъ шо вона прыжыла йихъ зъ тымъ чудерствомъ, та звеливъ йийи вбыты, а сынивъ посадывъ у темныцю. Отъ воны якъ трохи пидрослы, то и кажуть: „чого мы тутъ сыдымо? берысь ты за ту стину, а я за цю“. Тай розвалылы ту темныцю и выйшлы на божый свитъ. Отто выйшлы тай пишлы соби куды очи. Ходылы, ходылы тай зайшлы у той лисъ, де батькова труна була. Идуть лисомъ, дывлятьця—вогоныкъ, воны и пишлы на його. Прыйшлы, ажъ тамъ труна; воны и прочыталы на ній запыси. „Це жъ, кажуть, нашъ батько“.—Иды жъ ты у село та украдь де коняку, выпустымъ зъ нейи бандуры, то шось воно на нейи сяде. Отъ прывивъ одынъ коняку, воны розидралы йийи, бандуры повыкыдалы, а самы у середыну и силы. Ажъ ось летыть орелъ и орленя. Орленя крычыть: „мнясо, мнясо“, тай сида, а орелъ: „кромъ, кромъ, несидай, бо ухвате“. Дурне орленя и сило, а одынъ братъ и пиймавъ його за нижку. „А шо? я жъ казавъ, шо те жъ и буде“ каже старый орелъ та просе, шобъ пустылы те орленя. „Ни, кажуть, добудь намъ живущойи та цилющойи воды, тоди одпустымо“.—Добре, каже. Та полетивъ та десь у болоти и набравъ. Отъ прыносе, одынъ братъ хотивъ уже пустыты орленя а другый зхватывъ його тай розидравъ. „Якъ це живуща, каже, та цилюща вода, то воно ожыве, якъ мы нею його покропымъ“.—Ни, каже орелъ, це я васъ дурывъ, треба справды летиты. А ту воду жывущу та цилющу та стереглы тры сестры того морського чудерства, та вси тры увъ одно око дывылыся. Отъ прылетивъ орелъ, давай бытысь тамъ передъ ными, а воны за нымъ ганятьця, та якъ уси тры у въ одно око дывылыся, то все за одніею и плутають; а винъ то сюды, то туды, а дали до тыхъ колодязивъ тай набравъ. Отъ прынисъ, воны покропылы те орленя, воно и полетило. Тоди воны до батька, покропылы його, винъ и вставъ. „Ху, каже, якъ я довго спавъ“. Заразъ прызнавъ йихъ и пишлы воны до його матери, а вона вже зъ змиемъ царюе. Заразъ того змия розметалы, а йийи повезлы у лисъ, прывьязалы до дуба и далы куль соломы и поставылы черепокъ. „Якъ, кажуть, зйисть за тры годы цей куль та наплаче черепокъ, то ще можна матирью прынять“. Навидалысь черезъ тры годы, ажъ той куль цилисинькый, а въ черепку разивъ дванадцять качка качатъ вывела.

(Трёмсынивка Александровскаго у.).

Иванъ поповычъ.

Бувъ соби царь та царыця и у ныхъ однымъ одна дочка. Якъ вже воны нею не втишалысь, якъ йийи не стереглы, вона й заваготила. Царь хотивъ йийи тутъ же одразу и умертвыты, а дали подумавъ: „Богъ зъ нею; якъ сынодъ розсуде“. Отъ зибралы сынодъ и прысудылы завьязать йий очи, засмолыть шевською смолою тай пустыть: вона сама соби де небудь найде смерть, въ ричку, або у яму упаде. Отто засмолылы и пустылы. Отъ ходыла вона, ходыла, тай прыблукала до попа у слободу. Той дывытьця, шо воно за манія, та до нейи. „Шо ты, пыта, есть таке?“—Я, каже, така то и така. „Жывы жъ, каже, у мене“. Тай розьязавъ йий очи. Отъ служе вона тай служе у того попа и найшла соби сына. Охрестывъ ёго пипъ и назвавъ Иваномъ, а якъ батько бувъ безвисный, то й прозвалы того Ивана Поповычемъ. И росте той Иванъ—якъ зъ воды йде: у годъ уже и справляетьця, а у пьять навчывъ ёго пипъ грамоты добре. Отъ и давай винъ матери пытаты, шо якъ вона тутъ у попа жыве.—Та живу, каже, за шматокъ хлиба. „Хыба жъ, каже, теперъ така пора, шобъ за шматокъ хлиба хто служывъ? давайте тикать“. Ну, якъ винъ одынъ у нейи, то треба ёго слухаты. Пошыла вона торбынкы соби и ёму, винъ тоди посадывъ матиръ на плечи та бигомъ; однесе верстъ десять, покыне, а самъ бижыть впередъ верстъ на пьять, та сяде тамъ, спочыне, покы маты дийде, та вньять йийи бере та дали таска. Та такъ, ажъ покы прыйшлы у такий сылный лисъ, шо ёму и кинця-краю нема. „Ну тутъ, каже, мамо, будемо и жыты“. Заходывсь, построивъ земляночку та лове, шо тамъ зъ звиру та птыци на йижу годытьця, а вона куховаре, та такъ и живуть соби. А черезъ той лисъ та йшовъ шляхъ, та такый, шо винъ тамъ спрежевику проложеный и такый убытый, якъ проваллявъ глыбокый, и хто по ёму йиде, то вже усе прямо, а обернутысь неможна. Отъ винъ вывернувъ дуба тай завалывъ той шляхъ у поперекъ. А тымъ шляхомъ та йихалы крамари; дойихалы до того дуба—ни впередъ йихаты, ни назадъ завернутысь. Давай воны ёго просыты, шобъ пропустывъ йихъ. „А дайте, каже, мени якого выберу, коня“. Воны согласылысь. То винъ на якого руку не положе, такъ той кинь и упаде. Та вже ажъ трыдцятого обибравъ, тоди дуба одкынувъ, крамари и пойихалы соби. Отъ ставъ винъ йиздыты у городъ, продае тамъ шкуры, дычыну, яка соби нетребуетьця. А коло того города та жывъ змий въ трейтажному доми. Отъ якъ стало тому Ивану Поповычу годъ пьятнадцять, така стала у ёму сыла! „Пиду, каже, забью того змия“ Пишовъ та якъ крыкне: „хто у сёму доми, выходь бытьця“. Такъ голосомъ верхъ и зписъ. Тоди змий давай просытысь, шобъ негубывъ ёго. Иванъ Поповычъ взявъ тай повисывъ ёго на дванадцять крюкивъ тай закынувъ у погрибъ. „Хай, дума, самъ зъ голоду пропаде“. Отто посадывъ, забравъ ма-

тиръ тай перебрався у той домъ. Знову отто йизде на охоту та у городъ возе продаваты; и почалы ёго городяне прохаты, шобъ винъ одъ ныхъ зйихавъ, бо одъ ёго тилко духу люде падають, а одъ голосу и домы валяютьця. Винъ тоди и каже матери: „Зйиду я одъ васъ, мамо, а вы тутъ соби живить та усюды ходить, тилко онъ у той погрибъ незаходте". Сказавъ и подався. Отъ вона хазяйнувала, хазяйнувала сама, а тамъ и каже: „подывлюся, шо у тимъ погриби". Колы туды, ажъ тамъ той змий. „Знимы мене, каже, зъ трёхъ крюкивъ та дай цеберъ воды та куль соломы". Вона дала. Отъ винъ якъ изйивъ той куль, якъ напывсь воды, струхнувсь, остатни крюччя такъ и опалы. Отто и ставъ винъ зъ нею житы. А Иванъ Поповычъ якъ пойихавъ тоди, тэ вже десь и оженывся и забравъ соби ту, шо надъ усею птыцею царыцею. То такъ винъ було трохы зъ жинкою пожыве, а то до матери пойиде. Отъ вона и давай зъ змиемъ выгадуваты, якъ бы то йимъ ёго стребыть. Змий и каже: „есть у такимъ то царстви дванадцять ильвыць; якъ бы ты послала ёго здойиты йихъ, воны бъ ёго розирвалы". Отто прыйиздыть винъ разъ до нейи, вона стогне, наче разхворилась та жаліетьця ему: „якъ бы ты, каже, пойихавъ у таке-то царство та здойивъ тамъ дванадцять ильвыць, я бъ того молока попойила, то наче бъ одужала". Винъ заразъ осидлавъ коня, прыйихавъ до жинкы та и хвалытьця. „Ничого, каже; на тоби отцей рушнычокъ, та якъ прыйидешь туды та умыешься, будуть тоби рушныкъ даваты утератысь, такъ ты неберы, скажи, шо у мене свій есть, та своймъ и утрысь. Та на тоби отцей клубочокъ: куды винъ котытыметьця, туды за нымъ и держы". Отъ клубочокъ котытьця, а винъ йиде, клубочокъ котытьця, а винъ йиде, тай прыйихавъ якъ разъ до тиеи бабы, шо тымы ильвыцямы завидувала. Почала ёго баба роспытуваты, чого винъ. „Э, каже, дай зъ дорогы одпочыты, умытысь та Богу помолытысь, тоди и роспытуй". Спочывъ винъ, та якъ умывся, дають ему рушныкъ. „Ни, каже, нетреба: у мене свій есть". Ставъ отто втератысь, баба заразъ и пизнала по тому рушнычку, шо винъ йийи племинныцю держе. Роспыталысь тоди, якъ слидъ. „Ну, каже баба, кажы, сыну, чого тоби треба".—Та треба мени зъ дванадцяты ильвыць молока. „Можно,"каже. Заходылась, здойила ихъ, оддае ёму тай каже: „пидожды жъ, я тоби гостынця дамъ". Пишла та шось у рогожци коневи пидъ черево и прывьязала. „Йидь, каже, та тилко дома подывыся". Отъ йиде винъ тай йиде; то кинь бувъ, шо птыця неперелетыть, а то вже прыстае, а мыло зъ ёго такъ и пада. „Хай ёму, каже, бисъ и тому гостынцеви". Розвьязавъ ту рогожку, ажъ тамъ двое цуценятъ. Винъ взявъ и покыпувъ йихъ. Одъйихавъ трохы, колы за нымъ такыхъ два псы бижать, шо винъ ажъ злякавсь. А тамъ якъ добиглы та ластятьця до ёго. Отъ прывизъ винъ те молоко, оддае матери; а змий на цю пору та перекынувсь голкою, вона ёго и встромыла у подушкы. Собакы ти заразъ ёго и почулы,

та въ хату, иривуть ти подушкы, резметалы чысто, такъ ёго ни якъ ненайдуть. Отъ винъ знову то у жинкы трохы поживе, то у матери, а собакы, якъ прыйиде до матери, дебъ змий не сховався, якъ почують, такъ усе те и розметають. Отъ и давай вона ёго нагрущать, шобъ якъ прыйиздыть винъ до нейи, то шобъ свойихъ собакъ дома кыдавъ. А змий йийи научывъ, шо якъ прыйиде винъ безъ собакъ, такъ шобъ сила зъ нымъ въ картъ грать, та якъ зостанетьця винъ дуракомъ то бъ зьязала, а тоди вже винъ самъ справытьця. Отъ прыбувъ винъ безъ собакъ, вона и посадыла его у картъ грать. „Колы, каже, ты дуракомъ останесся, такъ я спробую твою сылу, зьяжу тебе вирёвкамы, чи ты розирвешъ йихъ". Винъ бы незоставсь, такъ матери пиддаетьця. Зьязала вона его вирёвкамы, винъ якъ сипнувсь, такъ воны ёму и поопадалы. Отъ оставсь винъ и вдруге, вона теперъ взяла та умотала ёго миднымы дротамы. Винъ сипнувсь, „ни, каже, мамо, розьяжить". А тутъ и змий уходе. Взялы ёму очи повыколювали тай прогналы. Отъ и пишовъ винъ старцемъ, та ажъ пьятого году прыбывсь до своейи жинкы. Зайшовъ у садъ, сивъ одпочыты, колы це поузъ ёго йде дивка воды на вмывання. Винъ чуе, шо шось тупотыть тай гука: „розскажы мени, де се я и шо ты таке есть". Якъ узнавъ, шо це винъ у жинкы, просе у нейи напытьця, та якъ пывъ, и упустывъ у ту посуду перстень, шо ёму колысь жинка дала. Та стала вмыватысь тай побачыла того перстня. „Хто се тоби вкынувъ ёго?" Та незна, а дали и каже, шо бачыла у саду старця. Заразъ шатнулысь по ёго, найшлы ёго. Тоди винъ усе йий и розсказавъ, якъ ёму и очи выдерлы и якъ винъ ходывъ, ажъ покы до нейи прыбывсь. Отъ вона тоди выйшла на двиръ, свыснула, крыкнула, летыть зъ усёго свиту до нейи птыця „Де зъ такого то, каже, царства, оддилитьця". Ти и оддилылысь. „Де зъ такого то города, оддилитьця". Оддилылысь вже одъ тыхъ. „Яка птыця частійшъ коло такого то дому бува?" Найшлась одна кгава. „Ты, пыта, таки-то очи зъйила?"—Я, каже. „Выблюй ихъ заразъ". Та кгава и вырыгала. Вона тоди взяла цилющойи та живущойи воды, вставыла ёму ти очи, тоди тією водою помазала, винъ и ставъ бачыты. А у ёго було вже два сыны. Винъ йимъ и каже: „пойидте туды-то та змия стребить, а матиръ сюды прывезить". Отто взялы воны по коню, винъ давъ йимъ по собаци, воны и пойихалы. Якъ прыйихалы, якъ крыкне одынъ, такъ верхъ и знисъ, а дали другый, якъ крыкне, то и домъ розвалывсь. Собакы жъ змия розирвалы, а матиръ воны хотилы везты та роздумалысь, шобъ знову батька не послипыла, забылы, а батькови сказалы шо вмерла.

(Александровскій у. Екатерин. губ.)

Незнайко. (Рудч. I 47 и 48)

Бувъ соби чоловикъ та жинка, тилко йихъ двое, и булы воны соби убоги. Отъ чоловикъ и каэ: „пиду я, жинко, до моря попытаты горя, може де наймусь, або шо". Отъ пишовъ до моря, ставъ тамъ десь на мисяць, а тамъ у строкъ, а дали й на годъ, заробывъ соби, накупывъ дротивъ, наробывъ крючкивъ, оти, шо рыбу ловлять, справывъ баркасыкъ и давай у мори рыбалчыты. Шо пійма, понесе на базарь тай продасть. И такъ ёму пишла хортуна, за стилко уремня заробывъ соби и зибравсь додому. „Це жъ, дума, на баркасыку трохы пойиду, а дали и пиду сухопуттямъ". Отто йиде тай йиде, вже загубывъ, де и берегъ. Колы глядь, ажъ вогонь свитытьця; винъ на той вогонь и пойихавъ. Прыйиздыть ажъ на середъ моря, а тамъ лежыть змій. „Чого, каэ, душа бажала, те и йе". Той чоловикъ давай просытьця; одкупатьця, та ни. „Дай, каэ, мени, те шо у тебе дома йе, а ты и самъ незнаешъ".—Шо жъ, каэ, у мене таке йе? ни гускы, ни куркы, ни свыни; озьмы, каэ. Той змий заразъ якъ узявъ той баркасыкъ, занисъ уразъ до берега и дотаскавъ. „Иды жъ, каэ, та незабувай договору". Отъ прыходе той чоловикъ до дому, ажъ у ёго вже и сынъ есть. Винъ зразу було непрызнавъ ёго, такъ жинка запрысяглась: „це, каэ, нашъ ридный". А батько якъ знавъ, куды ёго завдавъ незнаючы, тай назвавъ ёго *Незнайкомъ*. Отъ дорисъ той сынъ до пьяты годъ и каэ батькови: „я, тату, каэ, знаю, де вы мене запродалы такому-то й такому зміеви на такому-то мори. Ходимте жъ, каэ, на базарь та купимо пьять пудь шворкы. Отъ батько побачывъ, шо сынъ шось не спроста, слуха ёго. Якъ купылы воны тийи шворкы, батько й непидийме, а сынъ узявъ—якъ перо. Отъ и пишли воны у лисъ, а тамъ та була нороха. Незнайко заразъ прывьязавъ до шворкы цурпалокъ тай каэ: „Ну, тату, спускайте мене у цю нороху, та дывитця, якъ пиде кровъ у гору, такъ идить додому, а якъ пиде вода, то то не бида". Сивъ на той цурпалокъ, шворка тонисинька, батько размотувавъ-размотувавъ йийи, колы це вода якъ рыне. „Э, каэ, це ще не бида". А дали шворка стрепенулась, винъ и потягъ йийи. Тягъ, тягъ, и вытягъ самый цурпалокъ. „Шо жъ, дума, мени зъ нею робыты? колы тоди суху непиднявъ, а теперъ мокру и замирятысь ничого". Узявъ и покынувъ йийи тамъ. А Незнайко якъ пишовъ, якъ пишовъ, тай прыйшовъ якъ разъ саме до того змия, которому ёго батько запродавъ. Змий ему и каэ: „ну молодець, шо самъ прыйшовъ; ось тоби перва робота". Дае ёму кныжку и каэ, шобъ винъ йийи у тры дни перечытавъ и бувъ замисто ёго хозяйиномъ. Тилко каэ, усюды ходы, усюды ходы, а онъ туды, де лычкомъ завьязано та запечатано неходы. Сказавъ, а самъ на тры дни и подавсь десь. Черезъ тры дни прилита змій, баче, все справно. „Ну, каэ, ось тоби ще друга кныжка, на два тыжни, чытай, та мого

прыказу незабувай". Сказавъ отто тай подавсь вже на два тыжни. Незнайко ту кныжку може у тыждень прочытавъ, а другый гуля соби: есть шо и пыты и йисты. Отъ прылита змій, подывывсь. „Добре, каэ, ось тоби кныжка на цилый мысяць, чытай, а мого прыказу незабувай". И знову подавсь на мисяць. Прочытавъ Незнайко и цю кныжку може за якый тыждень; ничого робыты, ходе соби скризь. Ходе та самъ соби и каэ: „шо жъ я буду за хазяйинъ, шо всёго незнатыму, де шо йе. Тай пишовъ до того сарайчыка, шо лычкомъ завьязано и запечатано. Заразъ лычко одирвавъ, розпечатавъ, колы глядь, а тамъ стойить мидный кинь; винъ штовхнувсь у бикъ, ажъ ше двери одчинылысь и стойить тамъ срибный кинь; винъ ше у другый бикъ штовхнувсь, ажъ ше двери одчинылысь, и тамъ вже золотый кинь. Отъ мидный ёму и каже: „торконысь до мене рукамы и головою". Торконувсь винъ, сталы ёму голова и рукы мидни; дали торконувсь ногамы до срибного, сталы ёму ногы срибни; а якъ торконувсь до золотого, то й увесь толубъ ставъ золотый. „Ну теперъ, кажуть кони, сидай на насъ, такъ мы тебе вынесемо на той свитъ". Та вси кони одынъ попередъ одного, той—шобъ на ёго, а той—на ёго шобъ сидавъ; винъ взявъ тай сивъ на мидного. „Беры жъ, каэ той мидный кинь, тыхъ коней на рукы". Отъ винъ одного на одну, другого на другу, та якъ загувъ, такъ на цимъ свити уразъ и ставъ. Отъ якъ выйшовъ винъ, одйихавъ трохы, баче, каминь наче хата похылывся. Винъ тоди сидла зъ коней познимавъ, пидъ той каминь поховавъ, кони у чисте поле попускавъ, а самъ пишовъ ажъ до царя. Отъ прыйшовъ у городъ, ходе тамъ коло дворця, царь и посыла прыслугу спытаты, чого ёму треба. Прыслуга до ёго: „хто ты?" Незнаю. „Видкиля ты?" Незнаю. Повелы ёго до царя, винъ и цареви те жъ. Шо не спытае, на усе каэ „незнаю". Ну, каэ царь, ставай до мене въ работныкы. Незнайко и оставсь. Отъ заказалы ёму разъ нарубаты та напосыты дровъ. Винъ якъ пишовъ у лисъ, якъ зачавъ чыстыть—звисно багатырь: затаскавъ цареви дровамы увесь двиръ. Царь сердыться: „на шо, каэ, мени такый роботныкъ? прогнать ёго на поварню, хай повареви помагае". Отъ и ставъ винъ на поварни. А у царя та бувъ разъ обидъ, и самый главный поварь десь пишовъ зъ поварни, Незнайко и напустывъ у поварню свыней. Повыйидалы свыни усю страву, перебылы посуду— ничымъ людей гостыты. Царь якъ дознавсь, розсердывсь: „закынуть ёго, каэ, у темныцю, тай замуровать тамъ". Замурувалы ёго, тилко норишку, якъ шапка, на виконце ёму покынулы. Отъ сыдить винъ тамъ непывшы, нейившы може вже годъ, а може и бильшь. А найменьша царивна та пишла разъ у проходку тай набрела на ту норишку. Якъ глянула, ажъ тамъ свитытьця якъ сонце, Незнайко спыть, а одежа зъ ёго поспадала, такъ усе и сяе: голова та рукы мидни, ногы срибни, а те усе золоте. Вона ёго и улюбыла. Отъ пишла до царя и просе: „выпустить, каэ, Незнайка; винъ и такъ вже

довго сыдыть".—Шо ты, каэ, царь, говорышъ? зъ ёго вже мабуть сами тилко маслачкы. Звеливъ царь розмуруваты; заразъ однерлы ту темныцю, винъ выходе видтиля такымъ же харпакомъ, якъ и туды сидавъ. Куды же ёго прыставыть?—Прыставымо ёго до саду, хай глядыть. Отъ и ставъ винъ саду стерегты. А тутъ та объявывсь змій, требуе старшу дочку у ёго на прожереніе. Ставъ царь скризь лысты пысать, выклыка багатыривъ, шобъ хто ёго дочку одвоювавъ. Обибралось трое такыхъ. Пьютъ та гуляють, прощаютьця та выхваляютьця. Отъ якъ поихалы вже ти на той тичокъ, де йимъ саме зъ змиемъ бытьця, а Незнайко зъ саду та до того каминя; якъ свысне—бижать ёго кони. Винъ взявъ мидного осидлавъ, той ёму и каэ: клады ногу у стремено тыхенько, сидай на мене легенько, та кажы, якъ тебе несты: чы по земли, чы выще лису, чы по пидъ небесами?—Несы мене, каэ, по земли. Якъ чкурнувъ же винъ, перегнавъ тыхъ, налетивъ на змия, побывъ, порубавъ, языкы поодризувавъ, вернувься та до мурованого стовпа коня прывьязавъ, сивъ, пье и закусюе. А коло того тичка тамъ и стовпъ такый бувъ.

Далѣе обычные сказочные пріемы:

Вызвавшіеся побить змѣя багатыри покупаютъ у Незнайка змѣиные языки и даютъ ему за это отрѣзать у себя по уху. Является другой змѣй, требуетъ другую дочь. Незнайко убиваетъ и этого уже на серебрянномъ конѣ и снова продаетъ его языки за два „ручени“ пальца. Также онъ убиваетъ на золотомъ конѣ и третьяго змѣя требовавшаго 3-ю дочь и продаетъ его языки за два „пожени“ пальца. Затѣмъ дѣло объясняется, выхвалявшіеся багатыри терпятъ пострамленіе, а за Незнайка—уси тры царивны на випередбій: и та хоче, и та хоче, та все за ёго. Ну, каэ царь, шобъ небуло сваркы, то я поставлю усихъ йихъ трёхъ за зависою, такъ шобъ тилко сами чобиткы выдно було; яку выберешъ, та и твоя. Отъ та меньша и каэ: „гляды, якъ разъ проты себе перстенькъ зпустю. Поставылы царивенъ за завису, Незнайко походывъ, походывъ, глянувъ, ажъ перстенькъ. „Отце, каэ, моя". Ёму и вывелы наймэньшу царивну. Отъ поженылысь воны тай живуть соби. Разъ винъ изгадавъ: „десь у мене есть батько, треба ёго навистыть". Зибравсь, взявъ жинку и пишовъ. Отто йдуть та йдуть, и облягла йихъ ничъ. Сталы воны ночуваты та якъ поснулы, змій и напустывъ на ныхъ сонныхъ скушеніе, *) шо винъ якъ прокынувсь, забувъ про нейи, тай пишовъ соби. Отъ прыходе винъ до батька, а батько ёго вже розбагатывъ, такъ бильшъ дитей нема, никому у хазяйстви помагаты, такъ воны наймычку и держать. Отъ воны якъ про все уже роспыталысь, погулялы, винъ трохы подпывъ, схылывсь и заснувъ, та якъ заснувъ и разхрыставсь. А наймычка якъ побачыла, якый винъ хорошый, шо ажъ ссяе, той поцилувала ёго сонного. Винъ одъ того часу и улюбывъ ту най-

*) Змій може скусыть багатыря, або шо ёму поробыть, тилко тоди, якъ той спыть *Прим. разсказщика.*

мычку. Скоро давай воны и свадьбу гулять: бере винъ ту наймычку за себе. Зійшлысь бабуси, лiплять шишкы, коровай, все що тамъ треба. Отъ одна и пишла по воду. Тилко до крыныци, а тамъ така гарна вуточка плава. Та баба хотила йийи пiймать, колы вона сама у видерце—тилко порхъ. Прынесла баба воды, хотила вылыты ту воду та унесты вуточку у хату, колы та вуточка пурхнула, та сама у хату, тай заховалась на жерци мижъ одежею, а тамъ перекынулась молодыцею, помага тымъ бабусямъ. И упало йий лiпыты молодымъ пырижкы. Сталы недилю гуляты, поклалы ти пырижкы передъ молодымы. Тилко Незнайко за пырижокъ, такъ вона ёму и увыдилась. Винъ тоди якъ гляне, яка коло ёго мугыряка сыдыть, тай каэ: „онъ де моя жинка!“ та зъ посаду; узявъ царивну тай живуть.

(Алексѣевка Александровск. у.).

Кыріякъ-Кобылячій сынъ, Верныдубъ, Вернигора та Прутывусъ.

Бувъ соби багатырь Кыріякъ-Кобылячій-сынъ та пойихавъ десь свататысь. Отъ йиде, колы це доганя ёго другый багатырь Верныдубъ, такый що двома пальцямы хочъ якого дуба то зломе.—Драстуй Кыр.-Коб. сынъ! де ты йидешь?—Та йиду, дебъ посвататысь. „Озьмы и мене“.—Пойидемъ. Йидуть отто ихъ двое, ажъ назустричь имъ багатырь Верныгора, що одніею рукою хочь яку гору переверне. „Драстуй Кир.-Коб. сынъ и ты Верныдубъ! де це вы йидете?“—Та йидемъ, де бъ посвататысь. „Озьмить и мене“.—Пойидемъ.—Отто йиде ихъ вже трое. Прыйижджають до моря, ажъ тамъ Прутывусъ перекынувъ черезъ море вуса, а по ёму люде переходять. „Де це вы, пыта, йидете?—Та йидемъ женытысь. „Озьмить и мене“.—Пойидемъ. Отто стало ихъ четверо. И перечулы воны, що у якогось царя покравъ дзмій четырёхъ дочокъ. Отъ и давай воны того дзмія шукаты, давай шукаты, скоро и найшлы ёго дворець и тамъ ти чотыри царивны. Воны заходылысь, той дворець на попилъ пустылы, а царивень позабыралы та подалысь у друге царство, у инше государство. Якъ прыбулы, заразъ Верныгора землю таска, Верныдубъ дубы лама та волоче, Прутывусъ цилу ричку прыгнавъ, мыттю постройилысь тай живуть соби, на охоту йиздять. Отъ той дзмій тай дознавсь, де воны оселылысь, прылетивъ, а воны саме на охоту повыйиздылы, тыхъ царивенъ забравъ, страву повывертавъ, посуду побывъ и подавсь соби. А воны якъ звернулысь, побачылы те тай кажуть: „Давай же ёго уловымъ“. Отъ на другый день ставлять Прутывуса на сторожи, а самы йидуть на охоту. А дзмій якъ прылетивъ, Прутывусъ злякавсь тай заховавсь. „Ху, каже дзмій, руська кость воня“. Заразъ знайшовъ ёго, якъ ухвате за вуса, бывъ, ёго, бывъ, а дали все повывертавъ, порозбывавъ тай подавсь. Вернулысь

браты зъ охоты, а Прутывусъ зробывсь хворымъ тай нехвалытьця, що ёму було. Отъ на другый день черга Верныгори оставатьця. Отъ якъ прылетивъ дзмій, якъ ухвате Верныгору! вже винъ его вернувъ, вернувъ, а дали кынувъ, все повывертавъ, порозбывавъ тай подавсь. На третю ничь йты вже Верныдубу. Попобывъ и цёго дзмій. Отъ на четверту чергу йты вже самому Кыр.-Коб. сыну. Зоставсь винъ, а воны повыйиздылы у поле тай хвалятьця. Ось мене, каже одынъ, бывъ дзмій.—Ни, каже другый, мене.—Та шо, ни, мене бывъ, такъ бывъ.—Стійте жъ, кажуть, винъ и ёму накладе. А Кыр.-Коб. сынъ заходывсь, напикъ, наварывъ, ходе по двору, прыбера. Колы це ось летыть дзмій, „Ху каже, руська кость воня!"—А покуштуй, собаче мнясо! Та дзмія за бороду. Бывъ ёго, бывъ, а дали узявъ, розколовъ одпымъ пальцемъ дуба тай защекнувъ ёго тамъ бородою. Отъ повертались браты, давай хвалытысь: „ось мы те піймалы та те", А Кыр.-Коб. сынъ йимъ: „а йдить, каже, подывытьця, я покажу, шо я піймавъ". Повивъ ихъ до того дуба, а дзмій, якъ побачывъ, шо ихъ иде четверо, зибравъ усю свою сылу та якъ напнетьця, вырвавъ того дуба зъ корнинямъ тай подавсь зъ нымъ ажъ у пидземелне царство. „Шо жъ, братци, ходимъ ёго шукать". Отто зибрались и пишлы. Ходылы, ходылы воны тай найшлы ту пороху, шо у пидземелне царство. „Давайте жъ, братци, по черзи туды лизты: якъ якому буде вже певмоготу, хай смпне за вирёвку, то мы ёго и вытягнемъ на сей свитъ". Отъ пустылы заразъ Прутывуса, то и до споду неспустывсь, вже и сипнувсь, шобъ назадъ тяглы. Вытяглы ёго, пустылы Верныгору, и той злякавсь. Пустылы Верныдуба, и той тийи жъ. Прыйшлось лизты самому Кыр. Коб. сыну. Спустылы ёго туды, а дзмія саме небуло; винъ забравъ тыхъ царивенъ тай передавъ на сей свитъ. Подають вже и ёму канатъ, а тутъ де не взявсь цыганъ. „А шевеле, шо це вы тутъ робыте?"—Та це, кажуть, братъ намъ молодыць достае. „А мени жъ буде?"—Та де жъ йийи взять? насъ четверо, и йихъ четверо. „А шевеле, вы ёго якъ подтягнете трохы, такъ пустить, винъ розибьетьця; а незробыте такъ, то шевеле, я васъ порижу. Воны хочь и багатыри, та цыгана злякались, радятьця цыгана послухаты. А та сама меньша царивна та вже дуже любыла Кыр.-Коб. сына, якъ почула, та заразъ напысала запыску тай кынула у ту пороху. Винъ йийи тамъ якъ прочытавъ, узявъ та каминь до каната и прычепывъ, а самъ у сторону ставъ. Отъ браты якъ надтяглы до половыны тай пустылы, такъ той каминь на попилець и розсыпавсь. Отъ позабералы воны тыхъ царивенъ тай пишлы до ихъ батька. А Кыр.-Коб. сынъ ходывъ тамъ, ходывъ, ажъ ось летыть дзмій та прямо у ту пороху. Отъ Кыр.-Коб. сынъ якъ схватытьця за того дуба що ёго борода прищемлена, а дзмій якъ злякаетьця та хода, такъ вынисъ ёго на сей свитъ. Тутъ его Кыр.-Коб. сынъ побывъ ёго, потрощывъ, спалывъ и попилъ за витромъ пустывъ, а самъ пишовъ братывъ одшукувать.

Отъ иде винъ та иде, ажъ дывытьця, иде жыдъ та такый поганый та ще и дражнытьця: „музыцокъ, музычокъ, купы въ мене цей ризокъ". Та все до ёго и лизе.—Та якый тамъ рижокъ? „А такый, що якъ умыесся на схидъ сонця зъ ёго, то будешъ такый хоросый, хоросый; а якъ умыесся на зори, то зробысся такый визгрывый та покганый". Винъ взявъ и однявъ того рижка. Отъ винъ якъ прыйшовъ у те царство, видкиль ти царивны булы, заразъ умывсь зъ того рижка на зори, ставъ такый шолудывый та паршывый; такъ якъ дурачокъ. Заразъ пишовъ у той городъ, де цыганъ зъ братамы жывъ, тай ставъ десь у шевця индыкы пасты. Отъ якъ настала недиля, йиде Прутывусъ зъ своею царивною винчаться. Кыр.-Коб. сынъ выйшовъ, умывсь на схидъ сонця, такый ставъ красывый та ловкый. Заразъ крыкнувъ, свыснувъ— явывсь ёму багатырськый кинь. Винъ якъ сивъ на ёго, перелетивъ охресты, якъ попавъ же того Прутывуса, бывъ, бывъ ёго! „Отце тоби, каже; незабувай старшого брата". На другу недилю йихаты до винця Верныгори. Винъ и зъ тымъ тнейи жъ. Перелетивъ охресты, якъ попавъ его за чуба, „отце тоби, каже; незабувай старшого брата". На третю недилю такъ саме побывъ и Верныдуба. Отъ на четверту недилю въ колоколы продзвонылы, въ барабаны пробылы, въ трубы протрубылы, що де яки не наесть у сёму царстви найкращи музыкы, шобъ зиходылысь до цыгана свадьбу грать. Кыр.-Коб. сынъ и соби давай у хазяйина прохатысь. „Дайте мени, каже, хочъ яку поганеньку скрыпку, пиду и я. Смиютьця зъ ёго, а дали такы найшлы десь завалящу, далы ёму, винъ и пийовъ. Заразъ выйшовъ, на схидъ сонця умывсь зъ того рижка, ставъ кращый, якъ и бувъ. Отъ грають ту свадьбу, а Кыр.-Коб. сынъ найчыще усихъ гра. Та пры кинци якъ загравъ, такъ сама царивна пишла ёго частуваты. Тутъ заразъ и пизнала ёго. „Мужъ мій, каже, мужъ мій любый, де це ты бувъ-пробувавъ?" Заразъ пишло тутъ друге дило, цыгана повисылы, а самы сталы жыть.

(Васильковка Павлоградск. у.)

Трёмсынъ-сыненя.

Пишла разъ удова жаты, выйшла у поле тай положыла дытыну пидъ снопамы. Де не взявся орелъ, ухватывъ ту дытыну той потаскавъ у свое гниздо. А скоро поузъ те гниздо та йшло тры розбойныкы тай почулы, що дытына кувака. Заразъ одынъ полизъ, доставъ ту дытыну, отто воны и радятьця: „хай винъ буде усимъ намъ трёмъ сынамъ сыненя". Прыиялы ёго, возкормылы, а якъ дийшовъ вже винъ до зросту, воны ёму и кажуть: „ступай теперъ та беры соби, що хочъ".—Дайте, каже, мени отте лошатко, що у васъ пидъ прыпичкомъ валяетьця. „Беры", Винъ взявъ ёго и пишовъ. Выйшовъ у степъ, ажъ лошатко ёму и каже: „эй, Трёмсынъ Сыненя, пусты

мене одъ зори до зори матернёго молока посцяты". Пустывъ винъ ёго, прыбигло воно вже таке ловке, просыться ше. Винъ и у друге пустывъ, и у третѣ, а за третимъ разомъ якъ прыбигло—такый зъ ёго кинь добрый та ше и зъ срибнымъ сидломъ. Отъ винъ сивъ на ёго и пойихавъ. Йиде тай йиде, ажъ лежыть *струсе перо.* Трёмсынъ Сынеия и каже: „возьмимъ це перо". А кинь: „эй, каже, неберы це струсе перо, бо буде тоби и лыхо й добро". Винъ непослухавъ, узявъ те перо. Отъ и ставъ винъ десь до пана кучеремъ, а панъ и побачывъ у ёго те струсе перо. „Колы ты, каже, добувъ струсе перо, такъ добудь мени морьску пани, вона на мори сыдыть та золоту куделыцю пряде. Иде винъ, плаче. А кинь: „чого ты, Трёмсынъ Сынеия, плачешъ?"—Якъ же мени неплакать, шо загадавъ панъ добуты морську пани, шо вона на мори сыдыть та золоту куделыцю пряде. „А я жъ тоби казавъ, неберы струсе перо, бо буде тоби и лыхо и добро; покы добро буде а лыхо ажъ-ось. Та нежурысь, иды до пана та кажы, шобъ дававъ усякыхъ напыткивъ и найидкивъ". Пишовъ винъ до пана, понаберавъ того усёго, сивъ на коня и пойихавъ. Прыйихалы до моря, кинь ёму и каже: „порозкладай ци напыткы та найидкы, а самъ заховайсь, тоди вже самъ побачышъ, колы йийи браты". Винъ усе такъ и поробывъ; порозставлявъ те усе, та якъ заховавсь, а вона ось выйшла зъ моря. Побачыла те усе, та яблучка кусь, а горилочкы хлыпъ, тай упылась, упала и заснула. Винъ тоди за нейи, прывозе панови. Якъ прывизъ, заразъ морьска пани загадуе прыгнаты зъ моря йийи табунъ. Иде винъ плаче. А кинь: „чого ты, Трёмсынъ Сынеия, плачешъ?"—Якъ же мени, каже, неплакать, шо загадала Морська пани прыгнаты зъ моря йийи табунъ. „А шо, я тоби казавъ, неберы струсе перо, бо буде тоби и лыхо й добро; покы добро буде, а лыхо ажъ-ось! та нежурысь, иды до пана та кажы шобъ дававъ сорокъ бочокъ смолы та сорокъ кругивъ прядыва". Давъ те ёму все панъ, винъ сивъ на коня и пойихавъ. Отъ прыйихалы, кинь ёму и каже: „умотай мене цымъ прядывомъ та смолою засмолы, та якъ выйде йийи табунъ зъ моря пастысь, побаче мене морськый жеребець, буде мене грызты, саме тоди и займай". Прыгнавъ винъ и табунъ. „Ну теперъ, каже Морьска пани, колы прыгнавъ мий табунъ, такъ и подий же ёго". Иде винъ плаче. А кинь: „чого ты Трёмсынъ Сынеия плачешъ?"—Якъ же мени неплакать, шо загадала Морська пани йийи табунъ здойиты, а якъ я ёго здою, колы до ёго и блызько непидступыся? „А шо, я тоби казавъ неберы струсе перо, бо буде тоби и лыхо и добро; покы добро буде, а лыхо ажъ-ось. Иды жъ ты, каже, на поварню та первый хлибъ якый посадять, хай первымъ той и выймуть, та дасы того хлиба́ конямъ по шматочку, такъ тоди здойишъ". Отто здойивъ винъ и табунъ. „Звары жъ теперъ, каже Морська пани, та у ёму и выкупайся". Пишовъ винъ плаче. А кинь: „чого ты Трёмсынъ Сынеия плачешъ?"—Якъ же мени неплакать, шо загадала Морська пани це молоко

зварыты та ше у ёму и выкупатьця. „А шо, я казавъ тоби, неберы струсе перо, бо буде тоби и лыхо й добро; покы добро буде, а лыхо ажъ-ось. Та нежурысь, якъ закыпыть молоко, та прыйде пора тоби у ёго лизты, такъ ты попросысь, шобъ зо мною позволылы тоби попростытысь; тоди прыслухайсь, якъ я прыснy, такъ и стрыбай у казанъ“. Отъ нагрилы те молоко, винъ и просе, шобъ прывелы ёму ёго коня попростытысь. Прывелы отто коня, кинь якъ прысне, а Трёмсынъ Сынеия мерщій у казанъ, та якъ вырнувъ, та такый ставъ ловкый, шо панъ якъ угляд ивъ, тай соби у казанъ; тамъ и зварывсь, тилко де не де ёго кисточка вырне. А Трёмсынъ Сынеия забравъ тоди ту морську пани тай живуть соби.

(Царедаровка Павлоградск. у.).

Тры крашаночкы.

Бувъ соби царенко и пойихавъ десь свататысь. Такъ де вже винъ не пытавъ, и мижъ царямы, и мижъ панамы, и мижъ жыдамы, нихто нейде, тай нейде за ёго. Отъ йде винъ базаремъ, журытьця, а баба пидийшла тай пыта: „чого ты, Иванъ Царевычъ, журышся? дай мени трыста рублив грошей, я тоби дамъ тры крашаночкы, якъ розибьешь, буде тоби три барышни, яку схочешъ, ту и заберешъ“. Давъ винъ йий ти трыста рубливъ, забравъ ти крашаночкы и пойихавъ. Отъ выйихавъ у степъ та и каже: „шо жъ я буду за молодець, шо нерозибью крашанкы?“ Заразъ цокъ одну, явылась така пышна барышня та крычыть: „пыты, панычу, пыты!“ А тутъ же тоби ни рисочкы. Вона и замерла. Отъ йиде винъ дали; пройиздывъ стилко тамъ, дай, дума, другу крашанку розибью. Заразъ розбывъ, ажъ выйшла ше краща барышня, та и ця голосе: „пыты, панычу, пыты!“ А воды зновъ и блызько нема. Замерла и ця. Отъ третю якъ надумавъ вже быты, такъ ставъ коло крыныци, Тилко отто розбывъ, ажъ выйшла ше краща за тыхъ двохъ та: „пыты, панычу, пыты,“ крычыть. Винъ заразъ зачерпнувъ воды, напойивъ йийи, вона и зосталась жыва. Отъ почалы воны збератысь до дому, винъ и каже: „якъ же я тебе голу повезу?“—А ты, каже вона, изйизды попереду самъ та прывезы мени одежу, а я тутъ покы на верби посыдю. Отъ злизла вона на вербу—тамъ коло крыныци и верба така була, винъ и пойихавъ. Черезъ яке тамъ времня идуть цыгане тай сталы шатромъ недалеко коло тийи крыныци. Ось одна цыганка и пишла по воду, стала набераты видра, дывытьця, ажъ у крыныци зъ тийеи барышни тинь. Цыганка побачыла, думала шо то тинь йийи тай каже: „яка я хороша та вродлыва, за шо мене мылый нелюбе?“ А та зъ вербы: „брешешъ, цыганко-поганко, це я“. Цыганка зыркъ-зыркъ, та внъять до крыныци. „Яка я, каже, хороша та вродлыва, за шо мене мылый нелюбе?“ А та зъ вербы знову: „брешешъ, цыганко-паганко, це я“. Цыганка ше

зыркъ-зыркъ на вкругы; та такъ до трёхъ разъ, а за третимъ разомъ и побачыла йийи, давай просыты: „злизь тай злизь".—Ни, цыганко-поганко, не злизу. „Злизь, каже, бо я якъ пиду до табура, такъ тамъ мени зкують такого зуба, що я вербу перегрызу и тебе зйимъ". Та все незлазе. Побигла цыганка - поганка до табура, зкувалы тамъ йий того зуба. прыбига вона тай хвалытьця: „ось злазь, бо бачъ, якый у мене зубъ, заразъ перегрызу вербу и тебе зйимъ," та вербу грызь, грызь. Та барышня ну просытысь: „негрызы, каже, я сама злизу".—Ну такъ бы и давно. Злизла та барышня, цыганка йийи роспытала тай ихпула у крыныцю, а сама одежу свою поховала, злизла на вербу тай сыдыть. А та барышня перекынулась рыбыною тай плава у крыныци. Отъ вернувсь той царенко, подывывсь на ту цыганку що вона така чорна та: „чого це ты, пыта, мыла почорнила?"—Одъ сонця, мылый, почорнила, а одъ витру змарнила. „Ну треба, каже, тебе оббаныты," тай пославъ хлопця до крыныци воды. А той хлопець що не набере воды, то та рыбына и выверне, все и выверне. „Идить, каже, хазяйинъ, самы, я ненаберу". Отъ царенко тилко пустывъ цеберку, та рыбына и вскочыла въ цеберку. „Бачъ, каже, яка хороша рыбына, озьмимъ йийи до дому та зажарымо". Отъ якъ прыйихалы, заразъ та цыганка-поганка наказуе повареви шобъ и луску и потрушокъ зъ тийи рыбыны усе попалывъ. А поварь якъ чистывъ йийи тай упустывъ одну лусчыну, а вона ёму до пидбора и прылыпла, а винъ десь якъ ходывъ по надвирью та и загубывъ йийи. И выросла на тому мисти така яблунька, и такы на ний яблучка, що якъ пидийде царенко—самы до ёго ирвутьця, а якъ пидийде цыганка-поганка, такъ у гору уходять. Отъ и розлютувалась цыганка: „зрубать тай зрубать ту яблуньку та зробыты зъ нейи кровать". Такы зробыла по своему, зрубалы ту яблуньку, зробылы кровать, та тилко отто полягають спаты, кровать и промовляе: „лежыть мий мыленькый, якъ пирьина легенькый, а цыганка-поганка—якъ каминь на сердци". Сказала разъ, воны невчулы, вона и вдруге, вньять нечують, а за третимъ разомъ цыганка й почула та на другый день и заказуе, шобъ ту кровать порубать и спалыть. Заразъ заходылысь, порубалы, а одна трисочка одскочыла, упала за порогомъ та и стала барышнею. Отъ ставъ царенко зъ цыганкою весилля гуляты, а вона зробыла голубця, сама стала у порога тай пустыла того голубця. А той голубець похожа та: „буркуку, буркуку! яка цыганка-поганка на посади сыдить, а мыла у порога стойить!" Одразу й нерозибралы, що той голубець вымовля, а тамъ царенко якъ почувъ, та зыркъ на цыганку, а потимъ до порога, заразъ и пизнавъ. Отъ повинчавсь зъ тею барешнею, а цыганку-поганку коню-неуку до хвоста прывьязавъ тай розметавъ скризь.

(Трёмсыпивка Александровск. у.).

Безрука царивна.

Бувъ соби царь та царыця и було у ныхъ двое дитей: сынъ та дочка. Отъ якъ царь померъ, воны и положылы промеждy себе: „я, каже царенко, николы неоженюсь, а я, каже царивна, николы заминжъ непиду“. Отто пожылы воны, чы годъ, чы два, царенко и каже: „що було, те пройшло: пойиду я свататысь“. Сестра ёму на те ничого; винъ и пойихавъ тай высватавъ соби десь царивну. Отъ та царивна та такъ незлюбыла тийи ёго сестры, що тилко и дума, якъ бы то йийи зкопiювaты. Отъ одийжджа винъ разъ, а вона, та ёго жинка, узяла та самымъ кращымъ ёго хортамъ лапы и поодрубувала. Прыйиздыть винъ, поздоровкавсь у перве зъ сестрою, у друге зъ жонoю, вона ёму и каже: „яка у тебе сестра люба та мыла, а якъ ты пойихавъ, вона взяла та самымъ кращымъ хортамъ, що я одъ батька прывела, лапы и поодрубувала“.—Ничого, каже, сестра дорогша хортивъ. Отъ выйиздыть винъ и вдруге, а вона взяла та самому луччому шапкови лапы и поодрубувала. Вернувсь винъ, поздоровкавсь у перве зъ сестрою, у друге зъ жонoю, вона ёму и каже: „яка у тебе сестра люба та мыла, а якъ ты пойихавъ, такъ вона самому кращому шашкови, що я видъ батька прывела, лапы поодрубувала“.—Що жъ таке, каже, сестра дорогша шашка. Отъ и у третѢ одийиздыть винъ, а вона взяла шаблю та самому найкращому ёго коневи ногы и поодрубувала. Ось винъ вертаетьця, поздоровкавсь у перве зъ сестрою, у друге зъ жонoю. вона ёму и каже: „яка у тебе сестра люба та мыла, а якъ пойихавъ ты, вона найкращому коневи, що я одъ батька прывела, ногы поодрубувала“.—Що жъ, каже, сестра дорогша коня. Отъ иде винъ у четверте, а вона, та ёго жинка, саме сына прывела, тай того непошкодила, одризала ёму головку тай послала за нымъ. Прийиздыть винъ, поздоровкавсь у перве зъ сестрою, у друге зъ жонoю, а вона ёму и хвалытьця: „Яка у тебе, каже, сестра люба та мыла, а якъ найшовсь у тебе сынъ, вона и ёго непошкодила, головку ёму одризала“. Винъ тоди и розсердывсь, заразъ взявъ рукы йий поодрубувавъ та и прогнавъ, а вона и пишла соби, хочь бы словечко ёму сказала. Отто и пишла вона десь у лисъ, ходе тамъ, пропытуетьця чымъ найде. А у другому царстви та бувъ царенко, та де винъ уже нейиздывъ свататысь, де не пытавъ, нихто нехоче за ёго йты. Отъ и спытьця ёму разъ: кынь ты, каже, сватать, а йидь у такый то лисъ, тамъ ходе безрука царивна, то тоби и пара. Винъ никому и непохвалывсь, осидлавъ коня, пойихавъ. Прыйиздыть у той лисъ, давай шукать, давай шукать, а дали гукать; вона и озвалась: „Тилко, каже, якъ мужецькый полъ, то прывезы мени одежу, бо я гола“.— Якъ же, каже винъ, не мужецькый, що я прыйихавъ тебе сватать. Такъ воны отто небачучы одынъ одного и роспыталысь. Одягъ винъ йийи и повизъ до свого батька. Прывозе тай каже: „найнимъ, тату, отцю дивчину въ ро-

битныци".—Та на шо вона намъ, сыну, така безрука? „Та ничого, тату, хочь просо товктыме". А вона некаже, якого вона поколиння и роду. Отъ царенка батько изновъ почавъ возыты та свататы: и теперъ нихто нейде. Озьму жъ я, каже, тату, отцю безруку, ця вже пиде". Отъ одгулялы весилля, винъ и одйинжджа десь года на два, а вона безъ ёго заходылась та прывела ёму двохъ сынивъ якъ соколивъ, шо у диве вухо сонце сходе, а у праве заходе. Так пыше ёму пысьмо, шо якыхъ-то вона ему сынивъ найшла, шобъ прыйихавъ подывытысь. Отъ роботныкъ якъ пойихавъ зъ тымъ пысьмомъ, та зайихавъ до тиейи йийи невисткы, попрохавсь ночуваты, та ввечери и почавъ хвалытысь, шо якыхъ то йихня цариця сынивъ соби знайшла. Та заразъ и догадалась, хто се, та узяла те письмо перепысала, що „есть у мене два сыны, якъ псы". Прывизъ ёму той роботныкъ пысьмо, винъ прочытавъ та и пыше: „стребыть, покы я звернусь". Вона прочытала, плаче: „неможна, дума, цёму буть;" посыла другого. И цей другый тежъ, зайихавъ до невисткы, вона и цёму пидминыла письмо. Зновъ винъ пыше: „покы я звернусь, стребыть". Вона такы невире, та догадалась про невистку, прыспособылась, забрала дитей тай пишла соби. Отъ ходыла-ходыла, а ти сыны ростуть, якъ зъ воды йдуть. Тилко разъ и захотилось йий пыты, ажъ-ось, бачe, и крыныця. Вона тилко шо нахылылась до нейи, тай упустыла одного сына. Шатнулась за нымъ тай другого туды. Утоплюсь же, каже, теперъ и сама!" Та скикъ у крыныцю, ажь дывытьця, у нейи рукы одрослы. Тоди вона повытягала сынивъ тай пишла зновъ. Ходыла, ходыла, вже и сыны бигають, тай набрела на свого брата, а винъ уже йийи и забувъ, шо вона и на свити есть. Отъ и просытьця до ёго ночуваты. Братъ же каже, шо можна, а вона пизнала та давай йийи проганяты, шо „мы пустымъ йийи, вона ще намъ печысти напусте!" Все жъ пустылы. Отъ ёго диты и йийи диты бигають у мисти, граютьця тай давай йихъ просыть: „вы здалека, розкажить намъ казочкы".—Мы, кажуть, невмиемо, хыба наша маты. Тутъ и самъ той царенко до нейи: „ты людына, каже, бувала, скажы тай скажы намъ казочку".—Добре, каже, я скажу, та тилко поставте мирку орихивъ та неперебывайте мени, шобъ я не казала. Отъ поставылы йий мирку орихивъ, посидалы, слухають. А вона шо слово скаже, то два орихы й бере. „Якъ бувъ соби царь та цариця, два орихы въ щотъ, и було у ныхъ двое дитей, два орихы въ щотъ...." (Вся сказка повторяется сначала, только за каждой фразой прибавляется „два орихы въ щотъ".) Отъ якъ уже доказала до краю, царенко заразъ йийи и пизнавъ, цилуе та обнима, а ту свою жинку прывязавъ жеребцеви до хвоста тай розметавъ. А йийи скоро найшовъ чоловикъ тай живуть.

(Тремсынивка Александров. у.).

Ср. Каралж. Срп. н. п. II, № 5; Аѳ. ск. IV № 13.

Безщасный Даныло.

Бувъ соби Безщасный Даныло и де винъ уже и за вищо не служивъ, все у ёго ничого немае. Отъ добувъ винъ десь разъ строку, иде плаче. Зустрича его дидокъ. „Чого ты, Безщасный Даныло, плачешъ?—И прямо, каже, безщасный!.. де не служу, стилко не выслужу,усе у мене ничого немае. „Иды жъ ты, каже, до царя та служытымешъ у ёго, ажъ покы дочку высватаешъ". Пишовъ винъ тай ставъ у царя. Служывъ вже винъ тамъ, служывъ, може, годъ пьять; царь ёму и каже: „треба, тебе Безщасный Даныло, оженыты".—А чомъ же, каже, тилко кого браты? „Та я вже найду," каже царь. Отъ Данылови и згадавсь той дидокъ, що тоди казавъ ему: „служытымешъ у царя, ажъ покы царивны незаберешъ". Якъ згадавъ, заразъ пишовъ до Бабы-Ягы, тамъ у того царя була така. „Зробы, каже, мени такъ, щобъ я царивну высватавъ".—А справышъ же ты мени червони чоботы? „А чомъ же, справлю," каже. Ну такъ иды жъ ты та зализь до нейи у горныцю пидъ кровать, та невыходь, ажъ покы вона тебе мылымъ неназве. А та царивна та жыла соби на особи; бувъ у нейи и свий дворець, и свои прыслугы, и стилко вже хто йийи не сватавъ, нейде вона ни за кого. Отъ винъ якъ сховавсь, вона ввечери и прыходе. Заразъ отто и почула, що есть хтось чужый. „Хто, каже, тутъ у мене есть? Колы старый чоловикъ, буде батькомъ; колы середній, буде мени братомъ; а колы у мою дибъ, буде мени мылый." Винъ тоди и вылизъ. Отто воны безъ свативъ дило управылы, вона ёму и каже: „теперъ тилко прышлешъ за рушныкамы, такъ и подаю". Отъ черезъ яке тамъ уремья побачывъ ёго царь та знову: „треба тебе, Безщасный Даныло, оженыты —Хыба, каже, дочку оддасте? „А бы, каже, пишла", а самому на думци: „и не такымъ та видказала, а то тоби!" Отъ винъ тоди за старостивъ та до нейи; вона уразъ рушныкы и подавала. Отто поженылысь тай живуть соби. Прыходять ось Велыкодни Свьята, дае вона ёму тры крашаночкы тай каже: „отце однием похрыстосуйся зъ батькомъ, другою зъ матирью, а третю никому недавай, бо мене забудешъ; та гляды, будуть зяти чымъ не чымъ выхвалятысь, а ты одно кажы: „буде зъ насъ и того, що я та жинка моя чесни". Отъ пишовъ винъ до царя, похрыстосувався тымы двума крашанкамы, а третю держе пры соби. Отъ и почалы зяти та прыиждже гости выхвалятысь, той тымъ, той тымъ, а винъ: „буде зъ насъ того що, я та жинка моя чесни," каже. А тамъ та бувъ Иванъ Насмишко. „Яки, каже, вы чесни, що я зъ твоею жинкою ту ничь ночувавъ".—А колы ночувавъ, такъ прынесы йийи перстень зъ рукы. Той Иванъ Насмишко до Бабы-Ягы. „Ага, каже та, справывъ мени, сякый-такый, червони чоботы? отце тоби выпгетьця". А Безщасный Даныло якъ отто оженывсь, тай забувъ про ти прокляти чоботы. „Ну, каже Баба-Яга, ходимъ до нейи, та я стану йий у голови ськаты, а якъ вона засне, я зниму того

персня та тоби и передамъ". Отъ пишла та Баба-Яга, забалакала йийи, та якъ прыспала вже, зняла персня тай кынула Насмишкови у викно. Той узявъ ёго, прыходе. „А шо, каже, чы не моя правда?" Тай показуе того персня. Тоди Безсчасному Даныловы шо робыты? совистно, хрянъ винъ ту третю крашаночку объ помистъ тай розбывъ: „нехочу, каже йийи и знаты!" Та отто якъ прыйшовъ до дому, вона до ёго, а винъ йийи и непрызнае, та узявъ, повивъ на прыстань и продавъ на суда за пятсотъ рублывъ. А ти карабелщыкы выйихалы у море тай заспорылысь за нейи, кому вона достанетьця. А вона прослала хусточку, стала на нейи тай каже: „хто зъ васъ угада, шо ця хусточка стое, тому я и достанусь". Той каже рубъ, той каже два, а той сто рублывъ. „Брешете вы, каже, вси!" Та якъ махнула тією хусточкою, такъ невглядилы, де вона и дилась. А вона перекынулась уже хлопцемъ та стала десь за паламаря у церкви. Отъ нестало у тому царствови царя, люде и кажуть: „а зберимось уси у церкву зъ свичкамы, у кого свичка сама запалытьця, тому и царемъ у насъ буты". Отъ зибралысь уси, и вона пишла, колы це у нейи свичка и занялась; такъ йийи и настановылы царемъ. Стала вона царюваты и пыше до свого батька: „подать мени такого то Ивана Насмишка та таку-то Бабу-Ягу". Подалы йий йихъ. „Теперъ, пыше, подавайте мени Безщасного Данила!" А винъ уже давно у того царя у темныци сыдыть, смерты соби жде. Якъ подалы и Безщасного Данила, тоди вона Бабу-Ягу та Ивана Насмишка неукови до хвоста прывьязала тай пустыла у чысте поле, а зъ Безщаснымъ Даныломъ осталась на царстви.

(сл. Мануйловка Новомоск. у.).

Ср. Аө. Ск. VI № 60—1; VII № 19; VIII № 14.

Дви доли.

Було соби два браты, одынъ багатый, а другый убогый, та ше у того убогого шисть кинъ дитей, та все дивчата. Отъ и просытьця убогый братъ до багатого на ныву колоскивъ збераты. „Чомъ же, каже багатый братъ; нигды, шо назбераешъ, те и твое". Отъ позберавъ винъ день, назберавъ пивкопы, а въ почи прыйшла доля багатого, забрала ти колоскы тай постромляла багачеви у копы. На другый день назберавъ винъ уже цилу копу, а въ почи доля багатого перетаскала ту копу мижъ копы до багатого. Отъ на третій день назберавъ винъ уже дви копы, узявъ зализни вила тай засивъ на ничъ. Колы це у ночи прыходе молодыця та до ёго кипъ; винъ йийи пiймавъ. „Пусты, каже мене, я доли багатого брата". А моя жъ, пыта, де? „А иды ты, каже, у степъ та буде тамъ тоби озерце, а коло озерця кущъ калыны; такъ ты сядь у кущи тай дывысь. Прылетыть туды дви вуточкы, перекынутьця дивчатамы, поскыдають платтячко, такъ ты и заберы голубеньке, та якъ вона вже не просытыме, неодклыкайсь, ажъ покы нескаже, шо „будешъ ме-

ни ридпымъ братомъ". Отъ пишовъ винъ, знайшовъ те озерце и сховавсь у купци. Ажъ-ось прилитають ти дви вуточкы, поскыдалы платтячко, винъ за голубеньке тай сховавъ. Якъ вже вона его не просыла, якъ не называла, ажъ покы риднымъ братомъ неназвала, винъ неозывавсь, а то озвавсь. „Ну ходимъ же, каже, я зроблюсь знову вуточкою та знесу тоби тры крашапочкы. Прынисъ винъ йийи до дому, посадывъ пидъ поломъ, вона ему на ранокъ и знесла одну крашаночку". Понисъ винъ ту крашаночку до купцивъ у городъ, зайшовъ до одного, „купить, каже, крашаночку".—А шо тоби за нейи? „Та мене необыжайте и себе непакрушайте". Давъ ёму купецъ сто цилковыхъ. На другый день знесла вона ёму и другу, винъ и ту продавъ вже за двисти цилковыхъ. Знесла вона ёму и третю. Понисъ винъ йийи впьять до того купця. Той подывывсь, подывывсь, „ни, каже, я цейи крашапочкы не можу купыть, у мене снагы нехвате". Де винъ вже йийи не носывъ, де зъ нею не бувъ, нихто некупуе. Зайшовъ винъ десь ажъ у друге царство, такъ тамъ найшовсь такый багачъ, шо купывъ йийи, оддавъ ёму уси свойи лавкы, дома, товары, усе чысто. Отъ винъ и оставсь тамъ жыть, а у ёго за це времня та найшлось дома два сыны: вже йимъ по симъ годъ выйшло и ходылы вони у школу. А йихня маты та злягласъ зъ роботныкомъ. Отто живуть соби, а роботныкъ разъ узявъ ту вуточку тай прочытавъ, шо на правому крыльци у нейи напысано: хто ёго зйисть, то буде царемъ, а хто ливе—буде наслидныкомъ, Отъ той роботныкъ и зробывсь наче хворымъ, давай ту хазяйку просыть: „зарижте тай зарижте вуточку, я попойимъ, то здаетьця одужаю". Вона взяла тай зарizала и зажарыла. А сыны саме прыйшлы зъ школы, побачылы ту вуточку, та: „давай, брате, зйимо по крыльцеви, маты невзна". Старшенькый же изйивъ праве, а меньшенькый ливе. Отъ роботныкъ якъ побачывъ, шо нема крылець, прогнавъ йийи и требуе шобъ дитей порizаты та ёму печиночкы зажарыты. Маты довго несоглашалась, а то согласылась и посыла дивку, шобъ вона йихъ порizала та йий печиночкы прынесла. Отъ поснулы уси, а та дивка сыдыть надъ ными, плаче. „Чого ты, пытають, плачешъ?"—Та велила мени маты васъ порizаты а йий печиночкы зъ васъ прынесты. „Нерижъ, кажуть, насъ, а зарижъ—онъ есть пара цуценятъ, повыймаешъ зъ ныхъ печиночкы та якъ нестымешъ, то й упусты на смитныку, а маты побаче тай небуде йисты". Отъ та дивка усе такъ и поробыла, а ти браты якъ пишлы соби тай пишлы, и зайшлы десь у друге якесь царство. Дывлятьця—стойить церковця повна панивъ, купцивъ, мужыкивъ, и уси зъ свичечкамы: у кого, бачъ, займетьця свичечка, тому въ тимъ царстви царемъ буты. Воны и соби забралы свичечкы тай пишлы у ту церковку. Постоялы трохы, ажъ-ось у старшого и занялась свичечка, а тамъ и у меньшого. Отъ и ставъ старшый царемъ, а меньшій наслидныкомъ. Поцарювалы воны трохы тай сталы думаты, якъ йимъ до батька дійты, а тамъ

зибралысь и пишлы. Приходять туды, ажъ йихъ саме обномынають; воны й поробылысь старцямы тай силы мижъ людьмы. Отъ батько частуе и до йихъ пидходе. „Такибъ, каже, отце бъ вже и у мене диты булы, якъ бы живи“.— Та мы тату, и есть ваши диты. Кынулысь туды, де йихъ поховалы, ажъ тамъ цуценята. Тоди допыталысь, що и якъ, вывелы неука коня, до хвоста того роботныка и йийи прывьязалы та тилко йихъ и бачылы.

(Тр мєшнивка Александр. у.)

Дидъ та ракъ.

Бувъ соби дидъ та баба и жылы воны коло моря, а дитей у ныхъ небуло. То було дидъ налове рыбы, баба напече, пойидять, ще й останетьця. Отъ воны и жаліютьця: „це, кажуть, якъ бы булы у насъ диткы, щобъ тамъ осталось, воны бъ и пойилы. И пишлы воны до якойнєь бабкы, та и поробыла нимъ, що у йихъ найшлось двое дитокъ. Якъ найшлысь ти диты, перестала рыба ловытьця; що дидъ не пійнае, баба напече, дитей нагодують, самы пойидять, що останетьця, тай сыдять голодни. Давай воны зновъ жалитысь: „То, кажуть, якъ небуло дитей, було що и йисты, а теперъ голодни сыдымо“. Богъ и забравъ дитей. „Якъ забравъ, оптомъ перестала рыба ловытысь. „Отъ, Господы, жаліютьця, якъ булы диты, то хочь коло ныхъ конпетувалысь (s), а якъ нестало дитей, нестало и рыбы“. Пишовъ дидъ разъ до моря, ставъ рыбалчиты тай пійнавъ рака. Прынисъ додому, „розводь, каже, вогонь, будемо хочъ рака пекты“. Той ракъ и каже: „эй, диду, непечы мене, та иды до моря та встромы по локти рукы на тому мисти, де ты мене пійнавъ. Пишовъ дидъ тай вытягъ мишокъ грошей. Заразъ накупывъ, чого ёму було треба, та якъ почавъ жыты та скоро и прожывъ ти гроши. Отъ якъ прожывсь, зновъ за рака. „Клады, бабо, вогонь, будемо рака пекты“. А той ракъ у ёго усе це времня десь у будци заховàный бувъ. Ракъ и просытьця: „непечы мене, диду, та иды на те мисто, де мене пійнавъ, та устромы ногы по колина“. Пишовъ дидъ, встромывъ ногы тай вытягъ лантухъ грошій. Якъ пишовъ же дидъ на ци вже гроши розжыватысь, якъ пишовъ, вже и лавкамы торгуе. Отъ разъ ракъ ёму и каже: „иды, диду, сватай за мене царивну“.—Якъ же я за тебе свататыму, що ты ракъ? „Та йды, каже, сватай“. Отъ пишовъ дидъ до царя. „Оддайте, каже, вашу царивну за мого рака“.—За якого рака? „Та такы за простого рака“.—Якъ же за ёго, кажуть, оддаты, що винъ ракъ? Ну та хай, скажы своему ракови, що якъ будуть у ёго таки прыслугы, якъ у мене, такый дворець, якъ у мене, та ще одъ ёго дворця та до мого буде мистъ—одна дошка срибна, а друга золота, одынъ стовпъ золотый, другый срибный, одынъ гвиздокъ золотый, другый срибный, а по тому мосту, якъ йихатыме, щобъ сады цвилы, а якъ вертаты-

метьця, то шобъ уже и садовына посныла. Прыходе дидъ тай хвалытьця ракови. „Ничого, каже, можно". Отъ уставъ дидъ у ранци—ажъ самъ злякавсь. Кровать у ёго та дворець, шо чистиншын ше видъ царського. Сида винъ у карету и того рака кладе, йидуть мостомъ—по бокамъ таки сады цвитуть. Отъ шожъ робыть? треба царивни йты за рака. Повинчалысь воны, а винъ у день пидъ прыпичкомъ живе, а въ ночи зъ ёго такый молодецъ робытьця! Отъ царивна пидглядила, де винъ свою шкаралюпу хова, взяла тай спалыла йиии. Прокынувсь винъ у ранци, до шкаралюпы—ажъ горе, нема. „Ну, каже, колы нехотила ты мене ждаты, покы мени строка выйдуть, теперъ нескоро побачышъ; хыба на-ось тоби зализни черевыкы, якъ воны попорютьця, то може я й вернусь". Сказавъ тай пишовъ соби. Отъ вона жыве тай жыве, вже и забула про ёго, колы це баче черевыкы ти порютьця, ажъ ось и винъ иде. Тоди вже и сталы соби якъ слидъ житы.

(Трёмсыливка Александровск. у.)

Божа тростка.

Бувъ соби убогый чоловикъ тай пишовъ, де-бъ панятысь. Отъ иде тай иде, ажъ иде чортъ. „Де ты, чоловиче, йдешъ?"—Та йду дебъ панятысь. „Наймысь, каже, до мене у годъ, я тоби добре заплатю, а робота—жарыты казаны".—Чомъ же, каже, и ненанятысь? Повивъ ёго чортъ у лисъ, показавъ ти казаны, а самъ и пойихавъ десь. Отъ той чоловикъ може зъ нивгоду жарывъ ти казаны, а тамъ та булы грипини души. Разъ ти души ёго и просять: „нежарь насъ, дай намъ хочь трохы прочахнуты". Винъ трохы и послабывъ вогонь, а грипини души, якъ прочахлы трохы, и кажуть ёму: „якъ будешъ плату браты, то неберы ничого, а просы тийи шквары, шо въ казанахъ шкварытьця". Отъ выйшовъ ему годъ, прыйиздыть чортъ, винъ и давай просытысь: „одпусты, каже, мене, а за службу дай мени мишокъ тийи шквары, шо у казанахъ шкварытьця". Чортъ довго несоглашавсь, а то каже: „беры". Винъ тоди напхавъ повенъ лантухъ тийи шквары тай пишовъ соби. Иде тай иде, колы це роздумавсь дорогою: „и на шо я цю погань набравъ, та ше и несу? ось покыну йийи". Вытрусывъ зъ лантуха—такъ отара и розбиглась. „Отъ-таке, каже; шо це я наробывъ? дай хочь одну овечку пиймаю, то хочь изъимъ". Та пидкравсь, тилко шо одну овечку хипъ за нижку та у лантухъ, такъ уся отара и загула туды. Винъ забравъ той лантухъ тай пишовъ дали. Пройшовъ стилко тамъ, „дай, дума, попасу свою отару". Розвязавъ лантуха и розпустывъ йийи. Ажъ-ось прыходе до ёго Божая Маты та святый Петро. „Продай, кажуть, намъ цю отару".—Бачъ, дума, якъ бувъ я убогый, такъ нихто мене незнавъ, а теперъ и Божа Маты прыйшла; купить, каже; шожъ вы дасте?—На тоби отцю тростку та на шо не загадаешъ, чого не забажаешъ, замахнешъ нею, твое и буде. Узявъ винъ ту трост-

ку, а ти гришни души и подалысь соби на небо. Отъ прыйшовъ винъ до дому и загадавъ матери, шобъ пишла за ёго царивну свататы. Взяла маты новый ил неькый кожухъ, хлибъ пидъ плече, и пишла до царя. „Чого тоби, бабко?“ пытають ййи“.—Та я прыйшла за свого сына вашу царивну свататы. „Иды жъ, каже царь, до дочкы“. Пишла вона до нейи. „Чы пидете, ныта, за мого сына?“—Можна, каже, тилко нехай за ничь построе такый дворецъ, якъ це у мого батька, шей луччый, и шобъ бувъ скляный мистъ одъ ёго та до мене, и якъ пойидемо винчатысь, шобъ на мосту яблучка цвилы, а якъ зъ церквы йихатымемо, шобъ уже поспилы; а кругомъ мосту шобъ було море и на мори качкы кахкалы. Прыйшла вона до дому та и хвалытьця: „таке-то и таке загадала царивна поробыты, шо ты и до-вику незробышъ“. —Молитьця, каже, Богу та лягайте спаты. Отъ винъ у ночи выйшовъ, махнувъ тією тросткою—де шо и взялось, усе шо вона казала такъ туть и вродылось. Явылысь заразъ кареты, лакеи, винъ сивъ у ранци и поихавъ. Отто перевинчалысь воны и жывуть. Тилко вона и давай его выпытуваты, чымъ винъ орудуе. Винъ довго и неказавъ, а тамъ, якъ вона добре пидлестылась, винъ и сказавъ: „отцією, каже, тросткою“. Вона у ёго и украла ту тростку та выйшла на двиръ, якъ махне! „Шобъ, каже, мій чоловикъ бувъ замурованый у стовпъ, а цёго усёго шобъ и слиду було незнать“. Отъ якъ сказала, такъ тужъ мынуту усе такъ и сталось; вона тоди сила въ карету, вернулась до батька та тамъ и злягласъ зъ якымсь-то генораломъ. А у того чоловика зосталась тилко кобылка та кить. Кить заразъ долизъ до ёго, натаскавъ ёму сала, хлиба накравъ—може на цилый годъ. „Якъ бы вы, каже, досталы мени ту тростку, шо я владивъ, то бъ я васъ озолотывъ“. Кить заразъ до кобылкы. „Пойидьмо, каже, у друге царство тросткы добуваты, хазяйина выручаты“. Отто змовылысь, кить заразъ на кобылку тай подалысь. Якъ прыскочылы у те царство, кить давай заразъ мыши давыты, давай давыты, та додавывсь до самого ихняго царя. „Недавы, каже, хочь мене.— А добудь, каже, мени таку-то тростку, не то и потомокъ згублю. Той якъ свысне, позбигалысь мыши зъ усёго царства, давай грызты у дворця стины, прогрызлы той каминь, повлазылы; а вона саме зъ тымъ генораломъ гуляла, а ту тростку у ротъ клала. Отъ мыша якъ углядила, де те, чого йий треба, та заразъ до рота, хвостыкомъ у нисъ, вона поперхнулась тай выплюнула ту тростку, а мыша за нейи та хода до кота: кить на кобылу тай подалысь. Дойихалы до моря, кобылка и каже: „ты отце добувъ, то будешь у хазяйина хваленый; давай я хочь перевезу йийи“. Кить и оддавъ; узяла йийи кобылка у ротъ, плывуть черезъ море. Де це не взявся дрикъ, якъ джыгоне ту кобылку, вона чхнула тай упустыла ту тростку у воду, а ракъ пидхватывъ тай потаскавъ у печерьку гратысь. Шо его робыть? Заразъ кить заходывсь, лазе по березп та ракы душыть, лазе та душе, и набрывъ такъ на самого

старшого рака. „Негубы, каже, хочъ мене".—А достань, каже, мени таке-то, а не то и потомокъ згублю. Ракъ якъ свисне, позлизалысь уси чысто ракы, одного тилко крывого нема. „Послать по ёго". Прыволоклы ёго. „У тебе таке-то?"—У мене, каже. „Шожъ ты мовчавъ? за тебе стилко онъ народу полягло; дать ему розокъ!" Отъ узявъ китъ ту тростку, прывозять, а винъ тилко шо жывый. Заразъ якъ узявъ, якъ махнувъ нею, царивна тутъ и опынылась. Тоди винъ йийи до хвоста коневи прывьязавъ тай розметавъ.

(Трѣмешнивка Александров. у.)

Братикъ та Сестрычка. (Рудч. II 44).

Бувъ соби чоловикъ та жинка и бувъ у ныхъ одынъ сынокъ и дивчинка. Отъ йимъ и случылось такъ, шо ридна маты того хлопчыка померла, а той чоловикъ и забравъ соби другу жинку. Отъ та жинка та такъ зненавыдила того хлопчыка, шо черезъ ёго захворила: отъ-отъ умера. Чоловикъ и пыта йийи: „чого ты, жинко, бажаешъ, може воно тоби поможе?"—Якъ бы ты, каже, убывъ, цёго хлопця та наварывъ зъ ёго мняса, то я бъ наче одужала, якъ бы ёго пойила. Той чоловикъ пишовъ на двиръ тай робе довбню, а хлопчыкъ до батька: „шо се вы, тату, робыте?"- Довбню. „На шо?"—Тебе убывать? Та якъ торохне того хлопця по лоби, той и покотывсь якъ груша. Тоди узявъ ёго унисъ у хату, порizавъ, наварывъ тай дае жинци. „На, йижь, жинко, та одужуй". Отто попойила вона и одужала, а сестрычка того хлопчыка позберала кисточкы, у рушнычокъ завернула тай закопала пидъ порогомъ. А о пивночи зъ тыхъ кисточокъ вылетивъ голубець, сивъ на виконци тай спива:

Ой буркуку, буркунець,
Бувъ у батька одынець.
А мій батько—убый-душа,
А мачуха—изйижъ-душа,
А сестрычка—попрятныця
Мойи кисточкы попрятала,
У рушнычокъ завертила,
Пидъ порогомъ закопала.

Скоро по цій писни дознались про усе люде та вывелы обохъ у чысте поле, разстрелылы и пухъ за витромъ пустылы.

(Благовѣщенка Александровск. у.).

Ивасыкъ та Оленочка.

Булы соби дидъ та баба, а у ныхъ двое дитокъ: Ивасыкъ та Оленочка. Отъ стари пишлы десь, а йихъ послалы полунычокъ нрвать. Ивасыкъ усе ирве у глечычокъ, усе ирве у глечычокъ, а Оленочка зъ дитьмы грается. Вже ось и вечиръ, треба йимъ до дому. У Ивасыка повненькый глечычокъ, а у Оленкы тилко на споди. Оленка тоди узяла зарizала Ивасыка, ягидкы у свій глечычокъ пересыпала, ёго глечычокъ розбыла, а самого закопала. Отъ на ёго гробку и выросла бузынынка, та така гарна, правенька, а чумакы йшлы, углядилы та: „бачъ, кажуть, яка ловка бузынынка де выросла! давай зрижемо та зробымо дудочку". Зробылы воны дудочку, одынъ загравъ, а та дудочка такъ и вымовля:

По малу-малу, чумаченьку, грай,
Невразы мого серденька въ край,
Мене сестрыця згубыла,
Пожыкъ у серце встромыла,
Якъ по ягидкы ходыла

„А дай я!" И другый загравъ, дудочка и тому тежъ. Отъ прыйихалы чумакы у те село, де жывъ Ивасыкивъ батько та прямо у ёго ночуваты и сталы. Отто и хвалятьця, яка у ныхъ дудочка есть. „А дайте, каже и я заграю. Узявъ дудочку, а вона ёму: „Помалу-малу, батеньку, грай . . . и т. д. А маты и соби: „а дайте я!" а дудочка и йий: „по малу-малу, матусю грай и т. д.—А ну ты, Оленко. Вона взяла, а дудочка:

По малу-малу, сестрычко, грай,
Невразы мого серденька въ край;
Ты-жъ мене згубыла,
Пожыкъ въ серденько встромыла,
Якъ по ягидкы ходыла.

Давай йийи допытувать, вона и прызналась. Взялы воны вывелы коня невука та до хвоста ёму йийи прывьязалы—тилко йийи й бачылы.

(Трёмсынивка Александровск. у.).

Ср. Кулиш. Зап. о Ю. Р. II, 20.

Злыдни.

Було соби два браты: багатый и убогый. Отъ у багатого брата та булы хрестыны, а на те времня по дилу прыйшовъ до ёго убогый братъ. Отъ прыйшовъ, посидалы воны за столомъ, балакають. Колы це иде багатый сусида, треба ёго багачеви на покути посадыты, винъ и каэ до брата: „посунсь, брате, нехай чоловикъ за столомъ сяде". Той посунувсь. Прыйшовъ и другый багачъ, и тому братъ „посунься"; а тамъ якъ понасходылось йихъ повна хата, то той убогый, то хочъ коло столу седивъ, а то уже и биля порога ёму

мисця нема. Багачивъ же братъ частуе, а убогому братови нема: то винъ озьме рижокъ, понюха та и скаже: „отъ такъ добре!“ Тай сыдыть соби. Ти багачи вже и пьяни варнякають, а убогый и капли небачывъ. Отъ и на-глядилы багачи у ёго того рижка. „Дай, кажуть, и намъ понюхаты“. Зволтесь, каэ. Одынъ узявъ, понюхавъ, другому давъ, а той третёму, той четвертому, тай вынюхалы до тла. Бере той убогый назадъ рижка та: „оттаке, каэ, якъ я одъ багачивъ, такъ и капли небачывъ, а воны у мене останню кабаку вынюхалы“. Отто сказавъ тай пишовъ до дому. Иде винъ, ажъ ось бижать злыдни. „Драстуй, кажуть, дядьку! Чы нема у тебе кабакы понюхаты?—Нема, каэ, багачи увесь рижокъ вынюхалы.—Та може хочъ порошына яка знайдетьця?“—Такъ лизьте, каэ, пошукайте, шо найдете те и ваше. Одиткнувъ рижка, а Злыдни навперейми у той рижокъ, а винъ ихъ и заткнувъ тамъ. Прыйшовъ до дому, закопавъ ихъ пидъ покуттемъ, та зъ того часу якъ пишло ёму все у руку, такъ розжывся, шо незхотивъ на старому мисти зоставатысь, зійшовъ у другу слободу. Отъ диждавъ уже и сына женыты, винъ и каэ: „пойидь, сыну, та клыкны дядька, може винъ хочъ теперъ намы непогербуе“. Убравсь той сынъ, и така на ёму одежа гарна, кинь лепськый, шо на тоби. Прыйиздыть винъ до дядька, а дядына побачила тай каэ: „це жъ нашъ племья йиде.“—Де тамъ племья, каэ дядько; той харпакъ, а це якыйсь панъ. Зйихавъ винъ на двиръ—одже и справди племья. „Де жъ це винъ соби, кажуть, таку одежу доставъ? мабуть укравъ десь, або позычывъ.—А мы, каэ дядына, заразъ довидаемось; отто позастиллю диты понапаскужувалы, такъ якъ сяде винъ прямо нерозбыраючы, то ёго одежа, а якъ буде оберегатысь, то позычена. Отъ винъ у хату, воны ёго заразъ за стилъ прысоглашають, „тилко, кажуть, тамъ диты понапаскужувалы, такъ непокаляйтесь“—Ничого, каэ, це все обитретьця. Та такъ прямо и сида. Посыдивъ трохы, побалакавъ, поклыкавъ йихъ до себе на весилля тай пойихавъ. А багатый братъ и каэ: „адже одежа ёго! изъ чого це винъ такъ забагатывъ? ось пойиду довидаюсь“. Отто прыйиздыть, братъ и стрича ёго биля ворить, клыче у хату. „О, каэ, доты неииду, покы нескажешъ, зъ чого ты такъ забагатывъ.“ Той и росказавъ усе, якъ було дило: якъ винъ у ёго на хрестынахъ бувъ, якъ багачи у ёго рижокъ вынюхалы, якъ винъ Злыдни стривъ, якъ йихъ заперъ, и де прикопавъ. Той багачь усе те выслухавъ, повернувъ коня та скоринъ на те мисто, де ти Злыдни закопани. Одкопавъ йихъ, выпустывъ, „идить, каэ, до свого хазяйина.“ А воны: „ни, теперъ ты нашъ хазяинъ! нехочемо до того, той ше насъ на двадцять годъ запре“. Тай учепылысь за ёго. И такъ того багача перевелы, шо то бувъ якый багатый, а то вже и шматка хлиба нема.

(Богородичное Изюмск. у.)

Б и д а.

Було соби два браты: багатый и убогый. Оть разъ убогый прыходе до багача тай просе: „дай мени, братику ридненькый, хочь трохы хлиба.—О, каже, недамъ! було бъ заробляты; у мене й у самого жинка та диты. Оть убогый братъ заплакавъ тай пишовъ до дому. Якъ прыйшовъ, заразъ давай збыратысь, шобъ то выселытьця. Якъ уклавсь, „полизу, дума, ще на горище, чы незабувъ чого". Колы туды, а тамъ такый маленькый чоловикъ стоить и у долони плеще. „Чому ты, каже, веселыся?"—А якъ же, каже, ты пойидешъ и мене озьмешъ. „Шо жъ ты таке есть?"—А я каже твоя бида; де ты не пидешь, и я за тобою. „Якъ же я тебе повезу, шо у мене коняка слаба?" —А я ще меньшымъ зроблюсь, такъ якъ голка. Оть та бида стала голкою, винъ йийи у кистку и забывъ, та якъ йихавъ десь черезъ мистокъ, тай укынувъ у ричку. Та зъ того часу якъ почавъ жыты, якъ почавъ, та такъ розжывся, шо вже того и багатого брата покрыва. Оть багатый братъ якъ почувъ, шо винъ розжывся, прыйиздыть до ёго у гости.

Окончаніе такое же какъ и предъидущей Распросивъ, гдѣ бѣдный братъ дѣлъ „Биду", онъ ее вылавливаетъ съ намѣреніемъ снова напустить на бѣднаго брата, но „Бида" увязывается за нимъ и до той поры непокидаетъ, пока все его богатство „у тань не пишло".

(Ново-Григорьевка Александровск. у.)

Салдатъ та страхъ.

Бувъ соби десь салдатъ, та такый безстрашный, шо стилко вже винъ не воювавъ, николы страху незнавъ. Оть выслужывъ винъ службу, пишовъ до дому. Ишовъ, ишовъ тай каже: „шо це, стилко я прослужывъ, а страху небачывъ; пиду до Бога". Тилко сказавъ, ажъ ось и Богъ. „Наймысь, каже, до мене цыбулькы полоты".—Чомъ, каже, ненанятысь? а покажешъ мени страхъ? „Добре, каже Богъ, покажу".—Якъ покажешъ, то мени того тилко и треба. Оть оглядивъ винъ ту цыбульку, йде по рощотъ. Дае ёму Богъ волосяну торбынку тай прыказуе: „якъ захочешъ довидатысь страху, то скажы: „а ну зъ торбынкы," а якъ уже надывуесься, то скажы „дуй у торбынку". Салдатъ узявъ ту торбынку и пишовъ. Выйшовъ у поле, захотилось ёму страху, винъ розшморгнувъ торбынку та: „ну зъ торбынкы!" Колы видтиль якъ посыплютьця и крыви, и слипи, и горбати, и носати, та усе зъ кыярамы, дрюччамъ та паличчамъ, сочынылы крыкъ, ше до ныхъ чы мала чередка видусюды насунула двирнякивъ. Якъ узялы жъ воны ёго, якъ узялы! лущылы, лущылы на вси бокы. Винъ тоди: „дуй у торбынку!" Воны вси и поховалысь, и ти двирнякы, шо на крыкъ понабигалы, и ти туды. Винъ зашморгнувъ и пишовъ. „Це хыба, каже, страхъ? у насъ у служби ще нетаке бу-

ло". Отъ прыйшовъ винъ до якогось царя тай наймаетьця. „Шо жъ тоби, пыта царь, дать?"—Та покажы мени страхъ. „Отъ дурный! Та пиды, онъ у мене пустый дворець, тамъ и набересься страху". Пишовъ винъ у той дворець, уходе, а двери самы и одчиняютьця, самы и зачиняютьця. „Бачъ, каже, якъ добре! и лакея нетреба". Пославсь тай лигъ соби. Стало такъ о пивночы, двери рыплять, половыци трищать. Якъ насунуло мертвякивъ, лупырякъ, чортякъ! Винъ заразъ за торбынку та: „дуй у торбынку!" Воны вси туды якъ вода. Винъ зашморгнувъ, давай ихъ у торбынци кибчыть. Воны крычать: „свойи, свойи!"—Кый чортъ свойи! По ночамъ тилко спаты недають. Отъ у ранци выйшовъ—ажъ царь здывувався, якъ ёго тамъ чорты не розирвалы. „Пидождыжъ ты, каже царь, вечера, я тоби ше не таке покажу". Якъ прыйшовъ вечиръ, царь и повивъ ёго у церкву „Ночуй, каже, тутъ". Тай замкнувъ ёго тамъ. А пидъ тіею церквою та була замурована царева дочка кгалдовныця; отто вона шо ночи вставала та ходыла людей йила. Отъ сыдыть винъ тамъ, и явывсь до ёго самъ Богъ тай дае ёму девьять прутивъ, тры мидныхъ, тры срибныхъ, а тры золотыхъ. „Отце, каже, гляды, якъ сикнетьця вона до тебе, то бый йийи цымы прутамы". Отъ о пивночы тилко лусь, трись! Вылазе вона зъ пидъ помосту. Винъ заразъ розшморгнувъ торбынку та: „дуй у торбынку!" Вона туды и пирнула ажъ на спидъ. Винъ тоди найшовъ йийи тамъ, вытягъ гарненько та якъ почавъ тымы прутамы почыщаты... Бывъ, бывъ, побывъ тры мидныхъ, узявсь за срибни, и ти побывъ, Вона вже просытьця та перекыдаетьця усячыною, а винъ одно лупе, одно лупе, вже скоро и золоти пруты прыкинча. Ажъ-ось вона впала на-вколюшкы та давай Богу молытысь; тоди и винъ кынувъ йийи катуваты тай соби коло нейи упавъ та Богу молытьця. Отъ у ранци прыходе царь, та бойитьця, ажъ трусытьця; якъ гляне жъ, а воны у парци на-вколюшкахъ поклоны бьють. Царь тоди такый радый, заразъ прысоглаша узяты йийи за себе; а винъ свое: „покажы, каже, мени страхъ, за те я тоби и служывъ". Тутъ и вона ёго просыть: „ты жъ мене, каже, спасъ; якъ я безъ тебе буду?" А салдатъ свое: „давай ёму страхъ!" Отъ ёму десь и розыськалы таку знахурку, шо вывела ёго на середъ двору тай каже: „дывысь у гору". Винъ глянувъ, ажъ тамъ полымня на пивъ неба та усе на ёго пада, усе на ёго. „Глянь, каже, у нызъ". Винъ глянувъ, ажъ тамъ ще гиршъ, та все пре на ёго. Винъ тоди у голосъ: „хто въ Бога вируе, рятуйте!"—А шо, каже тоди знахурка, тоби хотилось страху, отце жъ и винъ. Тоди винъ оженывсь на тий царивни тай доси десь живуть.

(Трёмсынивка Александровск. у.).

Салдатъ та смерть. (Ср. Рудч. II 42 I 38).

Прослужывъ салдатъ у царя трыдцять тры годы, выйшла ёму одставка, давъ ёму царь тры копійкы денегъ, винъ и пишовъ соби. Ишовъ, ишовъ,

ажъ перестрива ёго тры старци. „Сотворы, служывый, мылостынку“.—На. Вынявъ копійку и оддавъ. Трохы згодомъ перестривають ёго ще тры старци. „Сотворы, служывый, мылостынку“.—На!—оддавъ и другу копійку. Къ вечеру вже ще тры старци просять: „сотворы, служывый, мылостынку“.—На. Оддавъ и третю копійку. Иде тай дума, що це воно буде, що роздавъ и послидни тры копійкы. Ажъ-ось ще иде тры старци. „Сотворы, служывый, мылостынку!“—На. Скынувъ шынелю и оддавъ. „Ну, кажуть старци, чымъ тебе, служывый, наградыты, що ты самому Господу изъ последнёго мылостыню сотворывъ? „Просы у насъ тры прозьби“. А що жъ я, каже, буду просыть? Хай, якъ задумаю, щобъ гроши у кармани булы; щобъ трубка ненакладалась и незакурювалась, а якъ загадаю, щобъ готова була; та щобъ була торбынка така, що якъ на що не подумаю, заразъ щобъ тамъ и було.—Добре, служывый, иды соби зъ Богомъ“. Отто сказалы тай зныклы, наче йихъ тутъ и небуло. Отъ винъ пройшовъ трохы, „дай, дума, посмотрю, чы не збрехалы. Засунувъ у кышеню руку—такъ и вытягъ жменю грошей. Сивъ, отто спочываты, вытягъ люльку, ажъ вона вже и курытьця. „Э, каже, и це добре“. Покурывъ, покурывъ та такъ негасячи у кышеню засунувъ, вона сама и погасла. Дывытьця, летыть пара качокъ; винъ розшморгнувъ торбынку та: „а въ торбынку!“ Такъ ти качкы туды и загулы. Отъ прыходе винъ у городъ, а у тому городи та у багатого купця бувъ домъ такый, що у ёму нихто нежывъ, бо тамъ завелысь чорты. Винъ до того купця. „Що дасы? я, каже, можу зогнать чортивъ“. Якъ, каже, зженешъ, я тебе до смерты догодую. Отто накормылы ёго, напойилы, пишовъ винъ на ничь у той домъ Тилко о пивночи чуе, стукотыть - гримотыть, помистъ лопнувъ, вылазе чортъ. „Чого ты?“ пыта салдатъ.—Я тебе зйимъ! Салдатъ торбынку розшморгнувъ та: „а въ торбынку!“ Якъ крыкне, такъ той чортъ туды и загувъ Зашморгнувъ ёго тамъ салдатъ та вже бывъ - бывъ, давай чортъ просытысь. „И внукамъ, каже, и правнукамъ закажу сюды ходыты“. Пустывъ ёго салдатъ. Отъ у ранци повивъ винъ того купця у той домъ и сталы воны тамъ жыть. И прыйшлось тому салдатови вмераты, винъ и наказуе: „положить безпреминно отцю люльку и торбынку“. Отто поклалы ёму те все, поховалы ёго, прыходе винъ на той свитъ. Дывытьця—пекло, винъ и убравсь туды. Заразъ килочкы забывае, муныцію свою развишуе. „Що, пыта, водка есть?—Есть. „Табакъ есть?“—Есть.„ Огонь есть?“—Есть. „Вотъ рай, такъ рай.—Ходе по пекли муштруетьця. Ажъ-ось прыходе той самый чортъ, що винъ ёго на цимъ свити бывъ, та якъ побачывъ ёго, якъ заголосе: „це жъ той самый, що мене колысь бывъ! Винъ намъ тутъ и миста недасть; треба ёго якъ выжыты“. А воны вже и то ёго боятьця, повыходылы зъ пекла, а ёго тамъ самого зачынылы. „Що жъ, братци, давайте мирятьця: кому упаде, облупымъ та шкуру на бочку натягнемъ якъ на барабанъ, ударымо, то винъ

выскоче". Отъ помирялысь, облупылы якого упало, натяглы шкуру, якъ ударять, а салдатъ: „ахъ, въ походъ, въ походъ!" За муныцію та зъ пекла, а чорты ускочылы тай заперлысь тамъ. Отъ ходе винъ по тому свити, нидe нема ёму прыстановыща, ажъ стрича ёго святый Петро. „Иды, каже, у рай, тамъ тебе давно ждуть". Пишовъ винъ, де-то тамъ той рай у Бога, Богъ и поставывъ ёго коло свого дворця на часахъ. Ходе винъ, ажъ иде смерть. Салдатъ до нейи. „Старушка, а старушка, куда ты идёшъ?"—До Бога, служывый. „Зачимъ?"—Та спытаты шо мени на земли робыты. „Постой тута, я пойду спрошу". Прыходе передъ Бога. „Прыйшла, каже, Боже, смерть, спрашывае, шо ій на земли робыть".—Хай, каже Богъ, море самыхъ старыхъ людей тры годы. Отъ винъ вертаєтьця та и згадавъ: „а тамъ же есть у мене браты, вона ихъ умертвыть". Выходе тай каже: „велывъ Богъ, шобъ ты тры годы самыхъ старыхъ дубкивъ грызла". Отъ черезъ тры годы зновъ смерть иде: „Пожди тутъ, я пойду спрошу". Прыходе до Бога. „Прыйшла, Боже, смертухна, пыта шо ій робыть."—Скажы, шобъ тры годы мертвыла саме середнихъ людей. Винъ и роздумавсь: „адже у мене тамъ може племинныкы есть". Выйшовъ тай каже: „сказавъ Богъ, шобъ ты ше тры годы грызла самыхъ середнихъ дубкивъ".—Спасыби, служывый, тай пишла. Отто черезъ тры годы знову йде пытать, та така тоща. „Спытай, служывый, шо мени ше робыты?" Винъ пишовъ. „Прыйшла, боже, смертухна, спрашывае, шо ій робыть?"—Хай, каже Богъ, мертвыть самыхъ маненькыхъ дитей. Винъ и згадавъ, шо у ёго есть унукы, выходе тай каже: „сказавъ Богъ, шобъ ты ше тры годы грызла самыхъ молодыхъ дубкивъ". Подякувала Смерть и пишла. Черезъ тры годы прыходе, а салдатъ и неуглядивъ йийи. вона и проскочыла сама до Бога. Якъ прыйшла тай разжалилась, за шо йийи Богъ голодомъ кара. „Це винъ тоби все брехавъ! пиды ёго самого умертвы". Отъ вона до салдата та: „подавай, крычыть, душу!" А салдатъ розшморгувъ торбышку та:, „а въ торбышку!" Вона у нейи и ускочыла. Винъ зашморгнувъ йийи тамъ тай закынувъ у болото. Пролежала вона тамъ десять годъ, ажъ покы не кынулысь йийи шукаты. Якъ знайшлы, вылазе вона, незна, чы вона жыва, чы мертва, въ сылу до божого дворця долизла, а салдатъ якъ углядивъ та: „а въ торбыш... тай невымовывъ, тутъ и заклякъ.

(Алексѣевка Александр. у).

Заручени диты.

Було се не за насъ, а за нашыхъ батькивъ, не за батькивъ, а за дидивъ, не за дидивъ, а за прадидивъ. Бувъ соби багатый купець и такъ соби убогый чоловикъ. Отъ и найшлась у купця дочка, а у того убогого—сынъ и понеслы воны йихъ хрестыты до одного попа и на одынъ часъ. Пипъ охре-

стывъ хлопчыка, а дивчинку неможе, така йий *нужда* сталась. Нинъ и каже тоди купцеви: „пообищай що небудь, скажы куды йий нйты, якъ выросте, то може Богу буде вгодно, винъ пропусте йийи та позволе у хрестъ увесты". Купець и пообищавъ, що якъ выйде цымъ дитямъ двадцять годъ, такъ повинчать йихъ. Поробылы отто роспыскы, багатый узявъ одъ убогого, а убогый одъ багатого, охрестылы ту дивчынку тай розийшлысь Якъ розийшлысь, то за двадцять годъ про запыскы и забулысь. Отъ вырисъ у того убогого сынъ, и такый зъ ёго грамотяка, що хочь куды тоби; чыта винъ усяки бумагы и найшовъ у батька ту запыску, що купець за ёго свою дочку просватавъ. А тутъ ёму и двадцять годъ выйшло. Винъ зибравсь тай каже: „дайте мени, мамо, два хлиба, пшенышный та жытный, пиду я до такого-то купця свататысь". А той купець жывъ десь у городи. Отъ дала ёму маты ти два хлиба, винъ и пишовъ соби. Йде тай йде, ажъ догапя ёго чоловикъ киньмы. Поздоровкалысь. „Сидай, каже той чоловикъ, я тебе пидвезу". Винъ сивъ, той ёго и роспытує, куды винъ йде. „Йду я, каже, тамъ батько поставывъ сить на двадцять литъ, такъ подывлюсь, чы не піймалось що". Чоловикъ здвыгнувъ плечыма тай йидуть соби дали. Той парубокъ и каже: „давайте, дядьку, дрова рубаты та мосты мостыты, то швыдче дойидемъ". —Таке балака—незнать и що, дума той чоловикъ. Отъ сталы кони кормыты, парубокъ знову каже: „давайте, дядьку ризаты, сытчого самы зйимо, а плохишого на мыръ роздамо". Той тилко подывывсь на ёго. Выкормылы отто кони, прыйихалы у городъ тай поузъ того купця. Чоловикъ и каже: „бачъ домъ якый гарный!"—Гарный то гарный, каже, та викна косеньки. „Дежъ ты, пыта станешъ?"—А тамъ де на воротяхъ зима. Отто побалакалы и розийшлысь. А тому чоловикови та треба було до того купця; отъ винъ прыйшовъ до ёго, балакають, винъ и хвалытьця: „ось мени дорогою лучылось: пидвозывъ я парня; пытаю куды ты йдешъ, а винъ каже: „поставывъ батько сить на двадцять литъ, такъ иду дывытьця". Пройихалы трохы винъ знову: „давайте, дядьку, дрова рубаты та мосты мостыты, такъ швыдче дойидемо", а якъ сталы кони кормыты, каже: „давайте кони ризаты, сытчого самы зйимо, а плохишого на миръ роздамо". А це уже у городи, йидемо поузъ васъ, я кажу „якый домъ гарный", а винъ—„гарный, каже, та викна косеньки"; пытаю ёго „де ты станешъ", а винъ каже: тамъ де на воротяхъ зима. Та нерозберу, про чого все це винъ и казавъ."—О, та такъ дурень якыйсь, каже купець. А ёго дочка сыдила у другій горныци, усе те чула, выйшла тай говоре: „Ни, то не дурный, а то мій молодый". А вона вже знала про ти роспыскы. „Скажы жъ, проты чого це винъ такъ балакавъ?"— Що сить, каже, то жъ роспыскы; а лисъ рубаты та мосты мостыты, то винъ казавъ: давайте балакаты, то веселишъ буде йихаты, наче и швыдче; а що кони ризаты, то у ёго було два хлиба: пшенышный, це бъ сытчый, самы

зйилы, а жытный роздалы; а шо викна коси, то це я жъ у васъ трохы косенька. „Правда, каже, твоя! Якъ же бъ це намъ ёго знайты?“ —А винъ же казавъ, шо стане тамъ, де на воротяхъ зима; це жъ и выйде на постоялному, бо тамъ и зиму и лито сино на воротяхъ стремыть. Та я осьхлопця пошлю. Якъ зъуміе одвитъ даты, то то винъ и буде. Заразъ дае вона хлопцеви хлибъ и наказуе: „иды ты на постоялный, усимъ показуй цей хлибъ та пытай, чы мисяць на сповни, чы въ ущербі; якъ хто скаже на сповни, того и веды сюды. Отъ узявъ хлопець того хлиба та дорогою и надкусывъ ёго; та кого вже не пытавъ, няхто ничого некаже, тилко одынъ и сказавъ, шо въ ущерби. 'Вернувсь винъ тай росказуе. „Це ты дорогою надкусывъ, мабуть?“ Подывылысь, ажъ хлибъ надкусеный. „На жъ тоби, каже, другого та ненадкусюи уже“. Пишовъ хлопець изновъ, той подывывсь, „теперъ, каже, на сповни“. Заразъ клыкнулы ёго, повинчалы йихъ, той купець и оддавъ ёму усе свое имущество.

(Богородичное Изюмскаго у.)

Розумна жинка.

Бувъ соби чоловикъ, а у ёго тры сыны. Отъ поженывъ винъ йихъ, давай дилыты. Дае жодному по сорокъ тысячъ та по шисть карабливъ. Старши жъ браты позабералы свойи часты, а меньшому жинка и каже: „якъ пидешъ ты до батька, такъ неберы ничого, а озьмы тилко копійку, хлибъ та благословеніе“. Винъ такъ и зробывъ, ничого окримъ цёгô и невзявъ, якъ вже ёго батько не сылувавъ. Вернувсь до жинкы, вона ёго и пыта „чы есть у тебе *парубоцьки гроши?*“ А це ти гроши, шо якъ хто подаруе, або у дорогу шо дадуть на здержку, та зъ того останетьця.—Есть, каже, може тысячъ тры. „Иды жъ ты, каже, у зборню та объявы дитимъ, шобъ зносылы до тебе котивъ та кишокъ, и платы имъ добри гроши, шобъ бильшъ неслы“. Отъ якъ сталы зносыты ёму кишокъ, назносылы такого, шо и диватъ ниде. „Теперъ, каже жинка, наймай судно, грузы на ёго кишокъ та йидь у таке-то царство. Та якъ будуть у тебе тамъ йихъ купуваты, такъ ничого неберы, а просы, шобъ далы нагрузыты изъ скели билойи цеглы. Отъ нагрузывъ винъ тыхъ кишокъ и пойихавъ. Прыйиздыть у те царство, а тамъ крысъ та мышей такого, шо люде усе склянне поробылы: и лавкы скляннi, и те де сплять склянне, усе чисто. Отъ винъ узявъ трёхъ котивъ, вынисъ на базарь; браты та товарыши, яки зъ нымъ булы, сміютьця зъ ёго. „У, кажуть, котолупъ, хочъ бы насъ нестрамывъ“. А винъ пишовъ до одного купця, якъ пустывъ тыхъ котивъ, воны по переду то ловылы та йилы, а то вже тилко душать тыхъ крысъ та мышей Давай тоди купци купуваты тыхъ котивъ у ёго. „У мене, каже, цыхъ звиривъ повне судно; дайте мени нагрузыты свое судно въ та-

кои-то скели билойи цеглы, такъ я вамъ усихъ оддамъ". Ни, кажуть, неможна; це дуже дорого. „Ну такъ я повезу ихъ назадъ". Купци бачуть, шо йимъ одъ мышей таке лыхо, давай царя просыты, шобъ позволывъ тийи цеглы ёму набраты, „а то, кажуть мыши та крысы насъ и зъ хазяйства зсадять". Отъ царь и позволывъ. Оддавъ винъ тоди купцямъ свойихъ котивъ, а самъ нагрузывъ тийи цеглы, такъ браты та товарыши сміютьця зъ ёго: „У, кажуть, котолупъ, поминявъ кишкы на цеглу, тилко насъ страмыть! Хыба у нашого царя цеглы нема?" Заразъ одынъ купець пишовъ на ёго судно, кынувъ у море одну цеглыну, за нымъ другый дви, а тамъ третій и уси тры кынувъ. Поглузувалы отто зъ ёго тай пишлы соби. Винъ и дума самъ соби: „шо жъ то воно за цегла, дай давидаюсь". Та разбывъ одну, колы вона такъ усе судно и осіяла. Винъ тоди черкъ, черкъ и позапысувавъ, чийи сыны ёго цеглу розкыдалы. Отъ прыйиздять у свое царство; браты жъ та купци убераются до царя зъ гостынцямы, а винъ соби за ными зъ цеглою. Вони ёго проганяють: „шо ты насъ страмыть пидешъ?" Батько ёго вговоря. „Вамъ, каже, тату, нема дила до мого тила", тай пишовъ соби. Ти жъ передъ царемъ выхваляютьця та показують свои товары, а винъ стойить у порогахъ. Отъ дійшовъ рядъ и до ёго, подае и винъ цареви дви цеглыни. „Шо жъ, каже царь, и це заморьске, може на шо и здастьця". Винъ тоди звеливъ позачыняты викна, та якъ розбывъ одну цеглыну, таке осіяніе пишло по двору, ше краще за сонце, а вогню, такъ и незнать. Тоди ставъ ёго царь хвалыты, а винъ и каже: „оттакый то кынувъ у море одну цеглыну, а такый-то дви". Якъ сталы жъ цинувать, такъ той, шо одну цеглыну укынувъ у море, усе свое багатство положывъ, а той шо дви и неоплатывся. Винъ тоди позаберавъ ихъ судна, вернувсь до жинкы тай ставъ багатиты.

(Александровскій у. Екат. губ.)

Хома та Романъ.

Було соби два браты: Романъ та Хома. Романъ же багатый, а Хома убогый. Отъ разъ Хомына жинка одробыла десь курочку и прынесе до дому. „Шо жъ, каже Хома, якъ намъ и самымъ гараздъ ничого йисты, то якъ намъ ше цю худобу перезимуваты? Зарижъ йийи, каже, жинко, та зажарь, понесу я до пана, може винъ намъ шо и пожертвуе". Отъ зарізала вона ту курочку, зготовыла, винъ и понисъ. А у того пана та була пани, та двое панычивъ, та дви барышни. Якъ прынисъ Хома ту курочку, панъ и каже: „подилы жъ ты намъ цю курочку тай себе неоголоды".—Шо жъ, пане, такъ якъ вы зъ панею одне до одного блыжче усихъ, то ось вамъ головка та шыйка: вони блыжче всёго промижъ себе. Панычамъ, каже, по нижци, шобъ вытанцёвувалы добре, а барышнямъ по крыльцеви, шобъ легеньки булы, а

тоби, Хомыце, усе тулубыще".—Молодець, каже панъ, дарую тоби за це телычку, а якъ вона на плидъ дуже добра, то давай роспышемось: стилко прыведе телычокъ, такъ уси мойи, а стилко бычкивъ, то твойи. Роспысалысь, повивъ ту тылычку, веде, ажъ-ось пановы орачи повыпрягалы, пасуть волывъ. Винъ и запустывъ мижъ ти волы свою телычку, такъ воны уси, може ихъ тамъ паръ зъ пивсотни буль, и пишлы за телычкою Прыходять ти люде до пана: „ничымъ, пане, орать".—Якъ такъ? „Та занявъ Хома уси волы".—Прызвить ёго. Прыходе винъ. „На що ты, Хомо, мойихъ волывъ занявъ?"—Та я йихъ, пане, незаймавъ; то йихъ мыни телычка прывела. Адже-жъ вы самы роспысалысь, що стилко вона бычкивъ не прыведе, то уси мойи. „Ну колы такъ, то й такъ. Озьмы-же каже, панъ, соби дванадцять паръ якыхъ зхочешь, а останни верны, бо мени оратн ничымъ. Отто зійшлысь на тому. Жыве соби Хома, наче й зъ предкивъ хазяинъ. Отъ побачывъ ёго разъ Романъ тай пыта: „де це ты такого набравъ?" Той и росказавъ. Вернувсь Романъ до дому та на жинку: „зарубай, каже, пьятеро найкращыхъ индыкивъ та зажарь; понесу я до пана, бо колы за курочку та онъ чого Хоми давъ, а за индыкивъ и того билшъ. Отъ прынесе винъ ти индыкы до пана, панъ и каже: „колы прынисъ то й подилы насъ, тай себе неоголоды". Той уже и такъ, и такъ клавъ; панивъ шестеро, винъ сёмый, а индыкивъ пьять: якъ ты йихъ наривно подилышъ? „Позвить, каже панъ, Хому". Прыходе винъ. „Подилы, каже, намъ ци индыкы".—Заразъ, каже. Панъ и барыня двое, индыкъ третій то буде Богу тройця. Два панычи, индыкъ третій, то буде Богу тройця. Дви барышни, индыкъ третій, и то буде Богу тройця. Два индыкы, Хома третій—ще Богу тройця! Забравъ ти два индыкы тай подавсь до дому, а Романъ такъ дурнемъ и вернувсь.

(Каменка Новомосковск. у.)

Умъ та Щастя.

Ишлы соби десь Умъ та Щастя тай заспорылысь; Умъ каже, що я сыльнишій, а Щастя—що я. Спорылы воны, спорылы тай розійшлысь. Щастя жъ пишло у лисъ, а Умъ пишовъ та одному хлопчыкови и улизъ у голову. Отъ оддае батько того хлопчыка у шевци. Побувъ винъ у шевцяхъ зъ тыждень, уже всёму и навчывся. „Оддайте, каже, тату, ще чому другому вчытьця". Оддавъ ёго батько у кравци, винъ и тамъ чы побувъ зъ тыждень, уже зъуміе и покройиты и пошыты. Тоди отдавъ ёго батько вчытьця ще часивъ робыты; винъ и того щось скоро навчывсь. Отъ разъ той ёго хазяйинъ одйиждjа, а винъ вже на жалуванни служывъ, тай наказуе ёму, щобъ винъ, покы той звернетьця, зробывъ стилко-тамъ часивъ, а що зостанетьця прыпасу, то, якъ схоче, такъ и соби зробывъ. Отъ винъ, якъ заходывсь, жыво по-

робывъ, шей соби выгадавъ, та таки удравъ, шо у двадцять пьять годъ тилко разъ и заводятьця, та якъ завивъ, то и ключыкъ туды у середыну заховавъ и заперъ тамъ. Прыйихавъ ось хазяинъ—усе пороблено; винъ забравъ ти часы тай повизъ десь на ярмарокъ, и ёго зъ собою узявъ. Той же хазяйинъ свои часы роспродавъ то панамъ, то жыдамъ, а той хлопець свойи продавъ самому царевы, та якъ забравъ гроши, и пишовъ десь ажъ за границю. А ти часы, якъ выйшло имъ двадцять пьять годъ, сталы и небьють. Заразъ послалы за майстрямы, такъ нихто рады имъ недасть; кынулысь до того хлопця, а объ ёму чутка вже скризь пишла. Винъ якъ прыйихавъ, того ключыка заразъ найшовъ и зновъ на двадцять пьять годъ пустывъ. Царь и полюбывъ ёго: „жывы, каже, у мене", дае ёму горныцю и прыслугу, усе чысто. Отъ разъ царь одйинджа тай каже ёму: „усюды ходы, а онъ у ту комирку неходы". А тамъ за стиною та була замурована царивна; то йийи самъ царь туды замурувавъ и хотивъ, шобъ йийи позавично сваталы. Хто прыйиде свататы, то и йде у ту комирку тай балака до нейи кризь стину, шо тамъ зна; якъ вона озветьця, то за того йий и йты. Отъ стилко вже царивъ и якого люду не прыйиздыло, ни до кого вона необзываетьця. А коло тыхъ дверей таки стоялы, шо тилко якый съ тийи комирки, воны заразъ голову ёму зрубають та на палю и настромлять. Такъ отто царь ёго школывъ тай заказавъ туды ходыты. Ось винъ ходывъ, ходывъ, „дай, дума, зайду Увийшовъ у ту комирку, ажъ стоить стилъ, а на столи свичечка горыть; винъ и говоре до свичи: „Драстуй свича!"—Драстуй майстеръ!—самъ соби и одказуе, а царивна почуля та за стиною: „да, да, да".—Та це я давно знаю шо да, да, да, а отъ якъ насъ було трое: одынъ швець, другый кравець, а третій майстеръ, тай пийшлы, мы у лисъ, ажъ стоить пень. Майстеръ заходывсь та зробывъ зъ ёго чоловика, кравець одежу пошывъ, а швець обувъ.— А вона за стиною: „да, да, да". Якъ дала отто согласіе, винъ и пишовъ соби. А на дверяхъ тамъ та була така таблычка, шо отто вона скаже хочъ слово, заразъ на таблычци само и напышетьця. Отъ паны якъ побачылы, шо вона йимъ недавала согласія, а дала онъ кому, „давай ёго, кажуть, стребымъ". Тилко винъ на двери, а воны за ёго, беруть голову ёму рубаты. А Умъ баче, шо горе, якъ выскоче зъ головы та у лисъ. Знайшовъ тамъ Щастя. Тутъ и царь вернувся, розибралы дило и ставъ винъ тоди царевы за зятя.

(Алексѣевка Александровск. у.).

Языкъ усёму голова.

Була у царя одна дочка, тай захворила. Якъ вже йийи дохтори не лычылы, шо не робылы, ничого непомага. Тилко одинъ дохторь и объявывъ, шо якъ бы зъ ильвыци молока достаты та даты йий напытысь, то бъ во-

на одужала. Заразъ почалы охотныкивъ выклыкаты, чы необъявытьця хто по те молоко сходыты; нихто неберетьця, бо якъ-же жыву ильвыцю та здойиты? Отъ такы одынъ убогый жыдокъ и вызвавсь: дума: „все одно треба пропадать, хочъ зъ голоду, хочъ одъ ильвыци“, бо дитей у ёго була куча, а годуваты нычымъ. „Тилко, каже, дайте мени девьять кизъ“. Далы ёму ти козы, винъ и пишовъ до йийи порохы тай сховавсь недалеко у кущахъ. Отъ якъ ильвыця выйшла, винъ козу заразъ зъ куща и выпхнувъ, та такъ, шо одна тилко голова выдна. Ильвыця побачыла тай задрала ту козу. На другый день винъ другу козу высунувъ вже бильшъ; а на третій вже и руку показавъ, а тамъ все бильшь та бильшь показувавсь, ажъ покы ильвыци не прывчывъ до себе. А тамъ якъ выпхавъ девьяту козу, тай просе тийи ильвыци, рукамы маха та кланяетьця, шобъ дала себе здойиты. Ильвыця и лягла, винъ швыдче до нейи, здойивъ та швыдче тикаты. Бигъ, бигъ, втомывсь тай упавъ: де упавъ, тамъ и заснувъ. Винъ же спыть, а тило ёго спорытьця, хто старшый. „Я, каже голова, всимъ старша, бо я це дило здумала“; а ногы: „якъ бы мы непишлы, тобъ и небуло ничого“; а рукы: „а мы якъ бы не здойилы, немало бъ и молока“. А языкъ: „брешете вы вси! якъ бы я царю несказавъ, тобъ ничого сёго й небуло“. Тоди уси на ёго. „Ты, кажуть, самый негодный, ни въ чимъ намъ непомагавъ“. Разсердывсь языкъ тай каже: „якъ я схочу, будете вы вси черезъ тры дни повишани и кгавы васъ розтаскають“. Отъ прокынувсь той жыдъ, за молоко та дали бижыть. Убигъ до царя, а языкъ, якъ бувъ сердытый, то и крыкнувъ: „нате вамъ це пеське молоко“! Тутъ заразъ: „шо таке, шо таке, якъ сміить царю та такъ казаты?“ Заразъ садовлять ёго у тюрму, черезъ три дни, кажуть, повисыть. Отъ сыдыть винъ тамъ, а языкъ: „шо, каже, хто старшый? а я якъ схочу, та всихъ и выпутаю“. Тутъ давай ёго вси просыты, шобъ выпутавъ. Ось ведуть ёго вишаты, та ще роспытують, проты чого це винъ казавъ. А языкъ: „та це правда: хочъ молоко и зъ ильвыци, а все жъ воно пеське; онъ подывитьця у такыхъ-то кныгахъ“. Сталы шукаты по кныгахъ, та по самыхъ старыхъ, найшлы такъ: молоко зъ ильвыци, то все такы буде пеське. Тоди заразъ ёго и ослобонылы.

(Покровское Александровск. у.).

Тры дохтори.

Було соби десь тры дохтори, та и зйихалысь воны на зйиздъ тай заспорылы, хто зъ йихъ лучше зна. „Я, каже одынъ, выйму соби очи, на другый день уставлю и зновъ бачытыму“. „А я, каже другый. одрижу соби праву руку, у ранци прыставлю и знову владитыму, якъ и владавъ“. А третій каже: „я роспустю соби черево, повыймаю тельбухы, завтра виправлю и зновъ жытыму“. Такъ, то и такъ. Отъ одынъ выдравъ соби очи, другый руку одтявъ,

а третій тельбушкы повыпускавъ, тай оддалы лакеёви до схову. А лакей склавъ все въ ваганы, та шобъ незанортылось, поставывъ у синяхъ, а самъ пишовъ кудысь и дверей незаперъ. А свыня улизла въ сины тай пойила и очи, и руку, и тельбушкы. Кынувся лакей, ажъ горе. Винъ заразъ пиймавъ кишку, выдравъ йий очи и поклавъ туды, та пишовъ десь у больныци мертвякови руку одризавъ, свыню заколовъ, тельбушкы выпустывъ та тежъ туды склавъ. Отъ на другый день воны требують, лакей уносе ти ваганы. Заразъ одынъ соби очи вставывъ и ставъ бачыть, другый соби руку прыставывъ и почавъ нею владаты, третій тельбушкы управывъ соби тай сивъ заразъ обидаты. Черезъ годъ може миста позйиздылысь воны знову, давай одынъ одного роспытуваты, якъ хто писля того жыве. „Я, каже той що выймавъ соби очи, бандуже, тилко де забачу мышу, такъ и кынусь на нейи зпрожогу". А той що руку ризавъ: „а я, каже, усе, усе роблю, а якъ надумаю перехрестытысь, такъ рука и непиднимецьця, и жахъ мене озьме". „А я, каже третій, якъ добре не жыву, чого вже не иимъ, а якъ невхоплю хочь трошкы г . . . а, то цилый день нудный, наче голодный ходю". Тоди лакей и росказавъ иимъ, яки у того очи, а у того рука, а у того тельбушкы. „А наши жъ де"?—Та свыня, каже зйила.

(Алексѣевка Александровск. у.).

Выдымо й Невыдымо.

Бувъ соби панъ та лакей. То, якъ булы ще воны малымы, такъ у купи гралысь и усе у ныхъ заривна; а якъ ставъ панычъ паномъ, то такъ зненавыдивъ того лакея, що давай выгадуваты та прыказуваты, шобъ винъ зробывъ те-то и те, та усе таке, шобъ его можна було стребыты. Усе те лакей поробе, жывый и звернецьця. Отъ разъ загадуе ёму: „прынесы мени, каже, выдымо й невыдымо". Той иде-плаче тай прыйшовъ десь у лисъ, та такый страшенный, що и Господы! Дывытьця, стоить хатка, винъ и пишовъ у ту хату тай заховався пидъ прыпичкомъ. Колы це увъ обидъ прыходе дидъ тай гука: „Выдымо и Невыдымо, подай столъ!" Тутъ одразу де не взялысь стилъ, а на ёму усяки напыткы и наийдкы. Отъ дидъ напывсь, наивсь та: „Выдымо й Невыдымо прыберы!" Заразъ де все отте и подилось, а той лакей з-пидъ прыпичка усе те баче. Отъ якъ дидъ пишовъ, лакей вылизъ, „а ну, каже и я потребую то соби. Выдымо й Невыдымо, подай стилъ!" Заразъ де що и взялось. Винъ напывсь, наийвсь, тоди и пыта: „А що Выдымо и Невыдымо, може тоби у цього хазяина обрыдло?"—Та набрыдло, каже „Такъ ходимъ зо мною".—Ходимъ. Отто и пишлы. Винъ, що версту одійде, тай гука: „Выдымо и Невыдымо, чы ты тутъ?"—Тутъ, тутъ, хазяйинъ, иды небійсь, я неостанусь. Колы це идуть, баче винъ що горныци строятьця, людей ни-

кого невыдно, а одынъ тилко тупоръ самъ и теше, самъ и руба, а шо треба пидняты, тупоръ устромытьця, самъ и на гору стаска. Выдымо й Невыдымо ёму и каже: „проминяй мене на тупоръ-саморубъ, а я у тебе вньять буду, якъ тилко гукнешъ“. Отто тилко сказано, а туть и дидокъ иде, винъ и каже: „проминяй мени, диду, цей тупоръ на Выдымо й Невыдымо“.—Яке жъ воно? Винъ тоди заразъ:„ Выдымо й Невыдымо, подай столъ!“ Де шо и вродылось. Дидокъ напывсь, пайивсь, „це каже, добра штука! чому не проминять?“ тай оддавъ ёму той тупоръ. Отъ винъ выйшовъ за кряжъ та: „Выдымо й Невыдымо!“—Тутъ, тутъ, хазяинъ, коло тебе,—озываетьця. Отъ упало ёму зновъ нйты лисомъ, иде винъ и баче, шо скака кругомъ лису дубынка, а у лиси ходе дидокъ. „Що це, пыта, диду, у тебе таке?“—Та це дубынка-самобійка, ось дывысь. А ну, каже, дубынка-самобійка, ходы! Та дубынка якъ почала скакаты! шо не скоче, то дуба извале, то извале. Винъ тоди до свого: „Выдымо й Невыдымо, подай стилъ! Заразъ де що и взялось. Дидъ напывсь, найивсь тай напавсь на ёго:„проминяй мени ёго на дубынку-самобійку, тай проминяй“. А Выдымо й Невыдымо и каже ёму: „тай проминяй, бо я зновъ у тебе, якъ гукнешъ, буду“. Винъ проминявъ, узявъ ту дубынку-самобійку, выйшовъ зъ лису та: „Выдымо й Невыдымо!“—Тутъ, тутъ, хазяйнъ, коло тебе. Ось прыходять воны у городъ, зайшовъ винъ у трахтырь, заразъ якъ закомандуе: „Выдымо й Невыдымо, подай столъ!“ Одразу де шо и взялось. Винъ напывся, найився та ще коло себе чоловикъ десять нагодувавъ, та тоди: „Выдымо й Невыдымо, прыберы!“ Де шо и подилось. А у тому трахтыри гулявъ салдатъ, побачывъ та и каже: „це ще не штука, а отъ штука! А ну, пруты, нуте!“ Де не взялысь пруты, якъ заходылысь, такъ коло ёго ажъ свыстять. „Ось проминяй, каже, мени на твое Выдымо й Невыдымо“. А Выдымо й Невыдымо: „та проминяй, каже, я зновъ у тебе и буду“. Винъ проминявъ ёго на ти пруты, та тилко выйшовъ за городъ та: „Выдымо и Невыдымо!“—Тутъ, тутъ, хазяинъ, небійсь,—озываетьця. Отъ прыйшовъ винъ до того свого пана, а у ёго саме гости булы та сусидъ поназйиздылось такого! Панъ якъ побачывъ, шо винъ вернувся, та крычыть: „эй, подать плитеи!“—Ни, каже, пидожды! бый гостей, дубынка-самобійка! Якъ почала та дубынка гостей чыстыты! шо побыла, а шо поростикалысь. Винъ тоди до прутивъ: „Пруты, нуте!“ Якъ озьмутся жъ ти пруты коло пана! Отъ якъ одчыстывъ добре пана, шо той ёму ничого вже некаже, тоди давай стройитысь. Дубынка-самобійка дубы валя, тупоръ-саморубъ самъ таска, самъ руба, самъ и теше, а винъ тилко похожа, и непрыказуе.

(Александровскій у. Екатериносл. губ.).

Знатнык ъ.

Бувъ соби убогый чоловикъ тай пишовъ, де бъ нанятысь. И де вже ёго не нанималы, яку плату не давалы, небере винъ; „навчить, каже, розбыраты що птыця, що усякый звирь говоре, такъ стану“. Звисно, нихто такого незна. Отъ разъ и зустрича ёго дидъ. „Наймысь, каже, до мене“.—А навчить розбераты, що яка птыця, якый звирь говоре. „Добре, каже, навчу, тилко долженъ ты мени цилый годъ робыты ту роботу, що я загадаю. Якъ выробышъ, такъ навчу, а невыробышъ ненавчу. Отто винъ ставъ, и треба було ёму невгасыму пичъ топыты. Дае ёму дидъ пару коней и каже: „отцымы кинмы будешь дрова возыть, а годуватымешъ ихъ вугиллямъ, та гляды, щобъ пичъ невгасла; а якъ хочъ трохы згасне, пропала вся твоя работа. Сказавъ це тай знывъ. Отъ якъ узявсь винъ, якъ узявсь возыты у ту пичъ дрова, такъ ніякъ ненадасть: тилко укыне, вже и нема. Ставъ винъ разъ коня годувать, а воны ёму и кажуть: „неклады намъ вугилля, а дай хочъ трохы сина, такъ мы и самы справымось. Давъ винъ йимъ сина, такъ то возывъ—рукъ непокладавъ, а це вже возе и поватомъ, и спочыва, а пичка все невгаса. Прослужывъ винъ отто годъ и пишовъ за рощотомъ. „Ну, каже той дидъ, иды, теперъ усе знатымешъ“. Пишовъ винъ, иде та иде, и стало ёму на шляху трахтырь выдно. „Це, дума, тамъ пидночую“. Ажъ чуе воронъ сидыть тай кряче: „цей трахтырь цю ничь сгорыть, и хто у ёму ночуватыме, той буде безщасный чоловикъ. „Винъ все и розибравъ тай мынувъ той трахтырь. Иде дали, ажъ-ось йиде звощыкъ. „Драстуй!“—Драстуй! Розпыталысь хто я видкиля, звощыкъ и каже: „наймысь до мене“.—Добре, каже, тай нанявсь. „Де жъ пыта, хазяйинъ, будемъ почуваты?“ —А онъ у тимъ трахтыри. „Ни, каже, хазяйинъ, станьмо краще середъ степу“. Отто сталы, тилко полягалы спаты, роботныкъ и чуе, що сучечка, що за тымъ звощыкомъ все у дорогу бигала, дзявка: „эй, вставайте, бо вже трахтырь горыть!“ Розбудывъ винъ хазяйина, той ёго благодарыть, що винъ ёму одсовитувавъ у тому трахтыри ставаты, дае ёму ще бильшъ виры. Отто недойиздя трохы до дому, роботныкъ и выслухавъ, що горобци промежъ себе цвиринчать, тай говоре хазяйинови: „у васъ дома обикрадено золоти и срибни лавкы и хазяйка ваша такъ журыться, що усе пры соби и нижъ носе; тилко васъ угляде, такъ сама себе и смерты предасть. А мы, каже, покыньмо за стилко верстъ свойи хуры, а самы ходимъ у домъ, та тилко вона вийде, а мы ззаду и одниmемъ у нейи нижъ“. Такъ и зробылы. Прыйшлы, та тилко хозяйка на перелазъ, а воны ийи за рукы „Ничого, каже, нежурысь, абы посмейство було благополучне“. Отто посидалы робитныкы вечеряты и той *знатныкъ* мижъ нымы Йидять та кисточкы пидъ стилъ кыдають, а та сучечка, що зъ хазяйиномъ у дорози була и завелась зъ надвирнимъ собакою. „Ты, каже, невете-

ригъ тутъ хазяйського добра, а за кисткою, бачъ, лизешъ.—А хыба, той собака каже, одъ свого злодія убережешся? то все золото и серебро онъ-тамъ у гнойищи и доси закопане лежыть. А знатныкъ те усе и розбера, та якъ повечерялы, и пишовъ до хазяина. „Онъ тамъ-то, каже, усе ваше добро поховане". Зъ того часу хазяйинъ ёго такъ полюбывъ, шо скоро за ёго свою дочку оддавъ та до себе у прыймы прынявъ. Отто жывуть воны, а други куцци и давай ёго жинци балакаты: „шо це ты пишла за робитныка? ты розизнай, чымъ винъ знае, то мы ёго стребымъ. Вона и почала: „Скажы тай скажы, чымъ ты знаешъ".—Такъ я, якъ скажу, заразъ и умру. Йий байдуже, вона свое товче. „Ну такъ вберай, каже, мене на смерть, давай билу сорочку". Отто убравсь, тилко на лави лягать, и каже: „пиду хочъ курей погодую. Узявъ корчыкъ проса, выйшовъ на двиръ; ось куры бижать, а пивня нема. Ось трохе згодомъ бижить и пивень. „А сяки-такы, крычыть, якъ я, де не найду зернятко, самъ нейимъ та васъ склыкаю; а вы на мене такъ и ненагукалы; нетреба вамъ, якъ нашъ хазяинъ duракъ свойий жинци, правды казаты, а треба васъ за косы таскаты". Винъ тоди догадавсь та у хату, заразъ жинку за косы. „Отцымъ, каже, я знаю!" Вымаиижывъ йийи добре, та тоди вже и мырно почалы жить *).

(Алексѣевка Акександр. у.).

Правда (Ср. Рудч. II, 35).

Ийшлы два чоловикы тай заспорылы. Одынъ каже, шо есть у свити правда, а другый—шо нема, Ну, якъ нема, ходимъ до такого-то чоловика, шо я знаю, якъ винъ скаже, шо нема, то ты мени очи выколешъ. А лыхый пидслухавъ це, перебигъ йихъ, перекынувсь тымъ чоловикомъ та йде назустричъ. „А шо, пытають, есть у свити правда?"—Ни каже, нема. „Ну давай я тоби очи выколю".—Постой, каже, ходимъ до другого, та ше напереди и третій есть. Лыхый и тымъ чоловикомъ перекынувсь, зновъ каже шо нема правды. „Ходимъ, каже до третёго". Лыхый и туды поспивъ. И той третій тийи жъ каже. „Теперъ давай, каже. очи". Повыколювавъ ёму очи, забравъ ёго жинку и усе хозяйство, жыве соби паномъ. А той слипый и пишовъ соби тай пишовъ, и зайшовъ у болота, а тамъ саме йихня баня була. Влизъ винъ у ту баню тай сховавсь пидъ пичъ. Колы це о пивночи сходятьця зъ усихъ крайивъ чорты тай хвалятьця, хто кому яку капость зробывъ. „Я, каже одынъ, зострывъ двохъ чоловикъ: идуть тай спорятьця, чы есть у свити правда, чы нема". Тай росказуе, якъ винъ того, шо казавъ, шо есть правда, пидвивъ, такъ шо той и очи положывъ.—Э, кажуть, це ше ничого, бо у насъ пидъ банею есть такый каминець, шо тилко винъ очи нымъ пома-

*) В. Караджичь, Срп. Прип. „Немушти језик".

же, такъ знову и бачытыме. А отъ я: була въ однимъ сели крыныця така вгодна, що изъ нейи и врожайи, и усе йшло; такъ я взявъ джерела вовною та каминнямъ позабывавъ, и теперъ тамъ така биднота! Той усе слуха. Отъ якъ пороcходылысь воны, винъ вылизъ та помацкы, помацкы найшовъ той каминець, помазавъ тамъ, де булы очи—такъ и есть, найшлысь очи. Винъ тоди пишовъ та прямо у ту слободу, де чортъ крыныцю забывъ. Прыходе, ажъ тамъ бьютьця та рижутьця. „Чого це вы?" пыта.—Та була у насъ, кажуть крыныця, а теперъ якысь лыходіи затаскавъ йийи, такъ це мы по мижду собою вынуватця шукаемъ. „Шо дасте, я вамъ очистю". Ти люде ради, дають ёму тысячу. Винъ заходывсь, очыстывъ ту крыныцю, пишлы зновъ зъ нейи врожайи и усе. Тоди забравъ свою тысячу и пишовъ до того, що казавъ: нема правды. „А шо, каже, ось же есть на свити правда". Заразъ забравъ свою жинку, усе свое хозяйство, а ёму выдравъ очи и прогнавъ; такъ винъ и пропавъ десь.

(Трёмсынивка Александровск. у.).

Стилчыкъ, баранчыкъ та кый (Ср. Рудч. II 31).

Бувъ соби дидъ та баба и було у ныхъ тры сыны, два розумныхъ, а третій дуракъ. Якъ жылы воны соби убого, то старшый братъ и каже: „пиду я, мамо, може де шо зароблю".—Тай иды. Зрядылы ёго, винъ и пишовъ. Иде слободою, ажъ назустричъ ёму пипъ. „Де ты, пыта, нарубче, идешъ?"—Та йду, де-бъ нанятысь. „Наймысь до мене; ты вивци умиешъ пасты?"—О, ще добре тай гараздъ. Отъ дае ёму пипъ отарку, бычивку та торбынку и прыказуе: „Отце, каже, вивци напасы, травыци нарвы, навьяжы у вьязку, а у торбынку писку наберы". Винъ травыци нарвавъ, писку набравъ, ставъ вивци завертаты, а воны такъ и подалысь черезъ ричку. Вернувсь винъ. „Ну шо"? пыта пипъ.—Та писку набравъ, травыци нарвавъ, а вивци черезъ ричку подалысь. „Ну ничого", каже; на жъ тоби отцей стилчыкъ та гляды, покы до дому дийдешъ, некажы „стилчыкъ розчынысь". Узявъ той стилчыкъ и пишовъ. Тилко треба ёму було до дядька ночувать зайты; винъ и просе дядька: „глядить, дядку, некажить „стилчыкъ розчынысь", та пожалуста некажить". Отъ полягалы спаты, той дядько до того стилчыка, та: „стилчыкъ розчынысь!" Де уразъ взялыся усяки напыткы и найидкы. Винъ взявъ той стилчикъ заховавъ, а замисть ёго такый самый поставывъ. Отъ уставъ винъ у ранци, забравъ того стилчика тай пишовъ. Прыйшовъ до дому, заразъ гука: „мамо, застелайте столы, ось шо я прынисъ"! та—„стилчыкъ розчынысь!" Стилчыкъ ничого; винъ у друге—вньять тежъ Тоди винъ и хвалытьця: „це жъ мене мабуть дядько обманывъ". Отъ просытьця другый братъ. Зрядылы и того, и той того попа натрапывъ. Дае ёму пипъ ту жъ

отарку овечокъ, бычивку и торбынку. Отъ винъ травы нарвавъ, писку набравъ, ставъ вивци завертать, воны такъ черезъ ричку и подалысь. Вернувсь винъ, хвалытьця попови. „Ну ничого, каже, на тоби цёго баранчыка, та некажы, покы до дому дийдешъ „баранчыкъ струснысь". Заходе и винъ до того дядька та просе, такъ просе, шобъ неказаты „баранчыкъ струснысь„. Отто тылко шо улягма, дядько уставъ та до того баранчыка: „баранчыкъ струснысь!" Баранчыкъ струснувсь, такъ и насыпалась купа грошей. Винъ его заховавъ, а на мисто другого такого жъ поставывъ. Вставъ той у ранци, забравъ того баранчыка, пишовъ соби. Прыйшовъ до дому, заразъ гука: „эй, стелить, стелить рядна!" Прослала, поставывъ винъ того баранчика та: „баранчыкъ струснысь!" Де тоби, нема ничого. Плаче винъ: „це мене, каже, дядько одурывъ". Отъ ставъ дурень и соби просытысь: „пиду и я, мамо".— Куды ты тамъ пидешъ, шо и розумни браты ничого недобулы, а то ше ты хочешъ! Винъ одно просытьця. „Тай иды соби геть зъ очей, неклопочы моейи головы". Винъ отто и пишовъ соби та прямо до того попа. „Наймить мене, батюшка".—А ты жъ умiешъ вивци пасты? „О, ше добре та гараздъ!" Дае ёму винъ ту отарку, бычивку та торбынку и прыказуе те, шо и тымъ братамъ. Отъ винъ травы нарвавъ, писку набравъ, ставъ вивци завертаты, а воны у ричку; винъ якъ розженетьця, тай скочывъ на самого старшого барана. Переплывлы вивци на той бикъ, та упьять у воду, а винъ и соби на барана; прыгнавъ такы. „Нате, каже, батюшка; усе справывъ".—Добре, сыну! нажъ тоби, каже, отцей кыёкъ та некажы „кый бый". Винъ взявъ того кыйка, тилко выйшовъ за слободу, „а дай, дума, спробую", та: „кый бый!" Кый якъ учеше ёго по лобу, а винъ тоди: „кый небый"! Кый и ставъ. Отъ заходе и винъ до того дядька почуваты тай просе: „пожалуста некажить: кый бый". Отто полягалы, той дурень укрывсь кожухомъ, дирку продравъ тай дывытьця. Ажъ-ось дядько уставъ та до кыя: „кый бый!" Кый якъ дерне ёго по лобу, а дурень якъ скоче та: „кый бый всихъ: дядька и дядыну; нехай оддадуть стилчыка та баранчыка!" Та бывъ йихъ, ажъ покы невынеслы ёму, чого треба. Винъ те усе забравъ и пишовъ. Отъ якъ прынесъ до дому, заразъ сталы багатиты, усп люде и взналы шо у ныхъ есть такый стилчыкъ та баранчыкъ. А биля йихъ та жывъ панъ, и заходывсь весилля гулять. Хочь винъ и багатый бувъ, такъ усе такы на свадьбу грошей нехвата. Пишовъ винъ до тыхъ братывъ и просе, шобъ позычылы ёму, покы одгуля, стилчыка та баранчыка. Ти и далы. Отъ вже той панъ и одгулявъ, вже и дали пожывъ, неоддае имъ стилчыка та баранчыка; ше и довше пожывъ, все неоддае. Отъ старшый братъ каже: „пиду я правыты". Прыходе до ёго. „Оддайте, пане, наши стилчыкъ та баранчыкъ".—Яки? гей, лакеи! плитеи! Всыпалы тому старшому, прыйшовъ винъ, плаче. Отъ убераетьця середульшый: „Пиду и я, може мени оддасть". Панъ и цёго одманижывъ.

Тоди дурень и соби: „пиду и я, мамо".—Де ты пидешъ? тебе и оптомъ забье. „Ни такы, пиду".—Та йды, неклоночы тилко головы. Узявъ винъ кыя, прыходе до пана. „Оддайте, каже, пане, наши стилчыкъ та баранчыкъ".—Яки? Лакей, плитей! „Ни, каже, стій, пане! кий, бый пана и барыню, хай оддасть наши стилчыкъ та баранчыкъ". Та доты йихъ воложывъ, ажъ покы йихъ ёму невынеслы та ще й свого прыбавылы. Отъ воны и жывуть соби та таки люде ладни; я у йихъ служывъ, по сто рублывъ получавъ, та якъ роцытавсь, такъ воны мени далы соломьяного воза та воскового коня, а йихаты мени було треба черезъ дванадьцать ланивъ, черезъ дванадцять кряживъ, черезъ дванадцять вогнивъ. Визъ згоривъ, коныкъ розтавъ, а я оттутъ коло васъ ставъ.

(Трёмсынивка Александр. у.)

Дурень та богова дудка.

Було соби тры браты, два розумныхъ, а третій дурный. Отъ розумни десь пойихали, а дурного заставылы току глядиты. „Глядыжъ, кажуть, шобъ не прыйшло, бый". Сивъ винъ, стереже. Колы це прыходе баба вогню. Винъ взявъ йийи и убывъ. Прыиздять браты. „Шо це ты наробывъ, сякый-такый? тикай зъ нею де знаешъ". Винъ узявъ ту бабу и потаскавъ. Дывыться, молодыця выйшла зъ хаты; винъ у ту хату, ажъ тамъ дижа вчынена; винъ ту бабу кулакамы у дижу встромывъ, а самъ и лигъ пидъ поломъ. Отъ прыбига та молодыця. „Мисить, мисить, каже, бабусенько, а я побижу ще водыци прынесу". Прынесла вона воды та: „теперъ, каже, пустить, бабусенько, я сама, бо вы вже втомылысь". Тай пхнула ту бабу. Баба упала, а винъ зпидъ полу: „ага, вбыла бабу!" Молодыця зъ хаты та до ёго братывъ, а воны видъ нейи, а дурень за бабу та тежъ за нымы. Збиглысь десь у лиси, позлазылы на дуба тай сыдять. А саме йихалы крамари тай сталы пидъ тымъ дубомъ кашу варыты. Отъ дурень сыдивъ-сыдивъ зъ тією бабою та: „ой упустю!" Тай кынувъ йийи додолу, а вона тымъ крамарямъ прямо у кашу. розхлюпала йийи и очи йимъ повыпикала. Браты тоди позлазылы, понабиралы усякойи материйи, а дурень соби ладанъ забравъ, выйшовъ десь на могылу, розвивъ огоныкъ, давай той ладанъ шмалыты. Отъ и посыла Богъ ангола, „Пиды, каже, спытай чого ёму треба".—Та чого, каже, дай мени те, що у Бога за двермы. Ангелъ полетивъ тай прыносе ёму дудочку, а самъ *узявъ той дымокъ* тай понисъ до Бога. Дурень же якъ загра у ту дудочку, куды тоби! И самъ невсыде, и дерева танцюють, и увесь дзвиръ, якый бувъ у тому лиси, танцюе Награвсь винъ тай пишовъ, дебъ нанятысь. Отъ и ставъ у попа. Пипъ ёму и наказуе скоту пасты. Выгнавъ винъ той скотъ у степъ та якъ загра! Пишовъ увесь скотъ на выбрыкы, такъ цилый день и непасея,

усе танцювавъ. Прыгнавъ до дому—ажъ увесь скотъ у мыли. Отъ пипъ и каже: „пиду я та подывлюсь, якъ винъ тамъ его пасе". А тамъ у степу, де винъ пасъ, та було два пенькы; пипъ поклавъ на ныхъ бороду тай погляда. Дурень якъ загра, пипъ якъ зхватыться, а борода у пенькахъ и заплуталась. Цилисинькый день винъ йийи смыкавъ, чуть жывый до дому долизъ. Прыйшовъ тай хвалыться матусци, „якъ то гарно нашъ роботныкъ гра". Отъ у вечери попадя и давай просыть ёго: „заграй тай заграй".—Глядить же, каже, шобъ небуло лыха! Вы, батюшка, прывъяжить себе до ослона, а вы, матушка, себе до дижи—у дижи саме розчына була—та лизьте на горнице, а то тутъ дуже голосно буде. Позлазылы воны на горище, винъ якъ заграе, а воны на горищи якъ пидиимуть танци! вже крычать годи, годи! такъ де тамъ, нечуты ничогисинько. Та танцювалы, ажъ покы стелю проломылы, а попадя и бебехнула зъ горища. „Шо жъ, радяться, давай украдемо у ёго ту дудку та втечемо".—Та давай. Отъ у вечери позкладалы у лантухъ уси свойи кныгы и ту дудку, а самы и пишлы десь прощатысь. А дурень и натрапывъ той лантухъ. Заходывсь, кныгы повыкыдавъ, самъ натомисть улизъ тай сыдыть. Отъ о пивночи вернулысь воны, за той лантухъ, та хода. Перлы-перлы, колы стала йимъ ричка, треба бресты. Побрпвъ пипъ, убривъ на половыну, стала того дурня вода пидтопляты, винъ и гука: „повыще, батюшка, повыще, бо втоплюсь!"—Це перва кныга, каже батюшка, озываеться. Стае вода ёму вже и по поясъ. Дурень знову: „повыще, батюшка, повыще, бо втоплюсь!"—Це вже, каже, друга кныга озываеться!—та все береже того лантуха. Отъ перебрелы, розъязалы лантуха, ажъ-ось и вишъ. „А шо, каже, втеклы?" Сталы воны спаты укладатысь, дурня на кручи до ричкы положылы, матушку у середыну, а пипъ лигъ одъ степу, то шобъ, якъ поснуть, то воны у двохъ изъ матушкою и зипхнуть ёго у ричку. Отъ же пипъ якъ наморывся, заразъ и захрипъ, а дурень узявъ зъ матушкы одежу поскыдавъ, понадивавъ на себе тай одипхнувъ йийи на край, а самъ лигъ у середыни. Отъ пипъ якъ прокынувсь середъ ночи, якъ попхне роботныка, а роботныкъ матушку, а та зъ кручи—тилко йийи и бачылы. „А шо батюшка, каже, втопывъ матушку!" Пипъ одъ ёго хода та такъ десь и забигъ.

(Трёмсынивка Александовск. у.)

Дурный Хвелелей.

Бувъ соби чоловикъ Хвелелей, а у ёго жинка Мелашка. Отъ пишла вона разъ у поле, а ёму наказуе: „глядыжъ, пшоно зтовчы, масло зколоты, та гляды, курчатъ шобъ шулика непотаскавъ. Отъ винъ курчатъ на нызку повьязавъ, шобъ непорозбигалысь, горщыкъ зъ сметаною до очкура прывьязавъ, насыпавъ у ступу проса та отто заразомъ и пшоно товче, и масло ко-

лоте, и курчатъ глядыть. Колы це де не взявся шулика, ухватывъ крайнѣ курча, такъ и потаскавъ усю нызку. Хвелелей за нымъ, крычыть та угору дывытьця; спиткнувсь десь, упавъ тай горщыкъ зъ сметаною розбывъ. Вернувсь до ступы та, якъ незакрывъ, свыни набиглы и просо выйилы. „Ну, каже, курчатъ, покы жинка прыйде, я высыдю; а же невелыкий клонить!" Отъ насыпавъ яець у решето тай сивъ. А теща прыйшла саме на весилля клыкаты. Пидийшла пидъ викно та „драстуйте!" А винъ у синяхъ—крр! „Хто тамъ?"—Кррр! „Це ты Хвелелей?"—Я. „Прыходьте, каже, до насъ короваю бгаты на суботу".—Гараздъ, прыйдемо. Пишла вона, винъ уставъ зъ решета, пишовъ за ворота тай сивъ. Ажъ-ось иде Мелашка зъ поля. „Чого це, ныта, ты тутъ?"—Эге, клыкала маты на весилля, та шобъ це заразъ и йшлы. Завернувъ и погнавъ йийи. Прыходять до тещи. „Чого це вы такъ рано? сьогодня ще тилко вивторокъ".—Та Хвелелей казавъ, шобъ заразъ йшлы. А Хвелелей: „та мы, мамо, тутъ покы шо небудь поможемо".—Ну такъ йидь же ты, Хвелелею, у лисъ та нарубаешъ намъ дровъ. Запригъ винъ кобылу, пойихавъ. Прыйиздыть у лисъ. „Шо жъ, дума, малого зрубать, мало буде, бо на коровай треба жарко; зрубаю велыкого. А зрубаю велыкого, одынъ на повозку нессадю; пидставлю йийи пидъ дуба, то винъ, якъ пидрубаю, самъ и впаде на повозку". Отъ якъ упавъ той дубъ, и воза потрощывъ, и кобылу убывъ. „Ну, каже, управывсь! далы чорты батька зна шо". Пишовъ зъ самою сокырою. Иде поузъ ставокъ, баче, качкы плаваютъ. „Эге, каже, ось убью качку, то буде хочь шо зажарыты". Та якъ пошпуре сокыру на качокъ, качкы жъ знялысь, а сокыра пирнула. Ёму про те байдуже, задравъ голову, бижыть за качкамы,—ось-ось упаде. Бигъ-бигъ, покы и зъ очей зпустывъ. Вернувсь, давай сокыры шукаты. Роздягсь, улизъ у ставокъ, лазывъ-лазывъ,—де ты йийи тамъ найдешъ? Покы винъ отто лазывъ, а шось и сорочку забрало, зоставсь винъ голый. Отъ диждавъ винъ ночи, прыйшовъ, та у хату ни якъ же; винъ у свынынець улизъ тай зарывсь у барлози. А бабы пораютьця-пораютьця въ хати та яка выбижыть на двиръ, до свынынця; а винъ выгляне, то вона и назадъ, убижыть въ хату тай нехвалытьця. Отъ выбигла и ёго Мелашка. Тилко до свынынця, а винъ у барлози: „охо-хо-хо!"—Хто то? „Та це я".—Чого це ты тутъ? „А вынесы штаны та сорочку, такъ скажу". Побигла вона, позычыла у матери батьковы штаны та сорочку, дала ёму. Увийшовъ винъ у хату та: „ой йисты, ой йисты!" А винъ дни два може ничого вже и нейивъ. „Це тоби теперъ узять? бачъ николы! лизь на пичь, тамъ на комини зосталысь вареныкы, то пойисы". Полизъ винъ на пичъ, а тамъ саме кишка кошенятъ навела. Винъ налапавъ ти кошенята та йисть; доходе вже дило до старойи кишкы, винъ за нейи, а вона якъ мекне та зъ печи. „У, чортовы бабы! добрыхъ вареныкивъ наварылы, та тилко самый велыкый и утикъ".—Та то ты кошенята пойивъ". „Эге жъ, а вже-жъ по-

йивъ". Отто одгулялы недилю й понедилокъ, похмеляютьця. „Полизь же, кажуть, Хвелелею, у погрибъ та уточы квасу". Отъ полизъ винъ, пидставывъ видро, одиткнувъ чопа тай дывытьця угору, а собака прыйшовъ та у погрибъ и заглядa. „Чого ты, каже, бисова тварюка, заглядаешъ?" Та якъ пошпуре на єго того чопа, закынувъ иқъ бису. А тутъ уже и квасу ни-у-вищо точыты... Ти жъ у хати ждалы та: „пидить, кажуть, хто, подывитьця, чого це такъ довго Хвелелея нема". Колы туды, ажъ тамъ таке!..

(Люботинъ Валковскаго у.)

Дурень.

Боло соби дванадцять бративъ, одынадцять розумныхъ, а дванадцятый дурень. Отъ и заходылысь воны старшого брата женыты. Пойихалы на ярмарокъ за покупкамы, такъ неможуть ни якъ за народомъ до овощи доступытысь; такъ у пусту и пойихалы до дому. Прыйихалы тай хвалятьсл. „Э, каже дурень, якъ бы я, такъ я-бъ доставъ." Воны и єго. Винъ заразъ накупывъ солы, меду, бараныны, горшкивъ, платкивъ на подарки та ще и ослинъ купывъ. Отъ йиде, а ослинъ и мина ёму спаты. „Э, каже, чортивъ ослинъ! я на двохъ ногахъ, тай то бъ до дому дийшовъ, а ты на чотырёхъ ти недойдешъ?" Взявъ и скынувъ єго зъ воза. Отъ йиде тай йиде, ажъ баче, гребелька полускалась. „Ой каже, непройнду! треба нийи замазаты." Заходывсь тай вымазавъ на нейи увесь медъ. Йиде дали, ажъ лежыть здохлый собака, зубы выскалывъ. „Ой, винъ мене порве"! Тай кынувъ му бараныну. Ще дали пройихавъ, ажъ баче, терны витеръ хыта. „Бидни, каже, дидуси, кланяютьця мени! мабуть воны змерзлы, треба ихъ позапынаты". Заходывсь попадивавъ на ти терны горшкы, позапынавъ ихъ платкамы тай пойихавъ. Йиде тай йиде, ажъ крыныця; треба коня напойиты. А вода у крыныци та була солона, кинь и непье. „Эге, каже, це винъ того непье, що вода несолона", тай втырывъ у крыныцю усю силь. Отъ прыйихавъ тай лигъ на печи. Сталы єго пытаты, де винъ покупкы подивавъ; якъ розсказавъ винъ, вже воны ёго былы, былы! Отъ все жъ треба весилля справлять; наготовылы усёго, напеклы шышокъ, а самы и пишлы людей клыкать. Винъ тоди узявъ палычокъ назбыравъ, пострюмлявъ кругомъ хаты, а на ныхъ шышкы понастромлювавъ. Вернулысь браты. „Що це ты наробывъ?"—Та то я йихъ на сонце выставывъ, щобъ допеклысь, а то, бачъ, мяки. Зновъ воны єго побылы. Отъ учынылы воны квасъ, самы пишлы десь, а винъ зоставсь. Квасъ же зходе та: хвокъ, хвокъ! „Такъ я, каже, клокъ?" Якъ урижe бычемъ по дижци, розбывъ, а квасъ по хати розлывсь. Винъ тоди сивъ у вагапы тай плава. Прыйшлы браты. „Одчыны", гукають.—Пидождить, дойиду." Доплывъ до дверей, якъ одщипнувъ та зъ ваганамы у сины та и рынувъ.

(Трёмсынивка Александровск. у.)

Дурень.

Було соби тры браты, уси Киндраты, та пойихалы у поле ораты, та забулы таганивъ узяты. Отъ и посылають меншаго, дурня по таганы. „Та я неумію, якъ сказать."—А ты бижы та усе кажы: таганъ, таганъ. Бижыть винъ, ажъ ось чоловикъ бычка жене, а ёму учулось, що винъ крычыть поганъ, поганъ, та до ёго. „Такъ мій бычокъ поганъ?" Давай ёго быты. Вернувсь винъ до бративъ, плаче. „Чого ты?"—Та винъ чоловикъ бычка, та почувъ, що я крычу таганъ, таганъ, думавъ, що я крычу: бычокъ поганъ, тай побывъ мене. „А ты бъ сказавъ: дай боже продаты та добри гроши узяты". Побигъ винъ знову, дывытьця, ажъ песуть люде мертвяка: винъ и гука: „дай боже продаты та добри гроши узяты". Ти люде и въ гору недалы ёму глянуть, побылы ёго; йде винъ плаче. „Чого ты"?--Та такъ-то и такъ.— „А ты бъ, дурный, ставъ на вколюшкы та хрестывся, та поклоны бывъ". Отъ побигъ винъ упьять; дывытьця, пойиздъ йиде, молоду везуть; винъ навколюшкы, хрестытьця та поклоны гріе. Попобылы ёго пойиждждане, бижыть винъ плаче. „Чого ты"?—Та такъ-то и такъ. „А ты бъ, дурный, узявъ сопилку та гравъ та танцювавъ".—Добре, каже, тай побигъ. Дывытьця, ажъ чоловикъ у бакайи кобылу загрюзывъ. Дурень за сопилку та навпрысядкы. Чоловикъ покынувъ кобылу та до ёго, побывъ и цей; бижыть винъ плаче. „Чого ты"?—Та такъ-то и такъ. „А тыбъ, дурный, сказавъ: вы, дядьку, за вузду, а я за хвистъ тай вытягнемъ кобылку. Побигъ винъ, ажъ чоловикъ кабана шмале; винъ того кабана за хвистъ тай потягъ. Той чоловикъ наздогнавъ ёго; побывъ, пишовъ винъ, плаче. „Чого ты"?—Та такъ-то и такъ. „А ты бъ дурный сказавъ: дай боже пожыты зъ жинкою и зъ диткамы на тарилочци".—Добре, каже; подавсь знову. Дывытьця, ажъ чоловикъ у рову сыдыть.... Винъ шапку зъ себе та: „дай боже, дядечку, пожыты зъ жинкою и зъ диткамы на тарилочци". Наздогнавъ ёго и цей, побывъ; иде винъ, плаче. „Чого ты"?—Та за те-то чоловикъ побывъ. „А ты бъ плюнувъ та ще и тюкнувъ". Отъ бижыть винъ, а стрилець на качку прыциляетьця; винъ зпрожогу: тю! Качка знялась, а стрилець за нымъ, догнавъ помазчывъ; иде винъ плаче. „Чого ты"?—Та я тюкнувъ, а стрилець и побывъ мене". „А ты бъ, дурный, сказавъ: дайте, дядьку и я встрелю". Отъ пишовъ винъ знову; дывытьця, а бабы ськаютьця. Винъ якъ ухвата костура та якъ стрелне одну та другу! побылы ёго и бабы, иде винъ плаче. „Чого ты"?—Та такъ-то бабы попобылы. „А ты бъ сказавъ: поськайте и мени, тай лигъ мижъ нымы". Отъ побигъ винъ, а собакы грызутьця. Винъ устромывъ мижъ ныхъ голову, „поськайте. просе, и мене". Обнеслы ёму собакы голову, иде винъ плаче. „Чого ты"?—Та такъ то и такъ. „А ты бъ узявъ дрюка та розборонывъ". Бижыть винъ знову, колы це йде беседа; винъ за дрюка, давай ихъ розбороняты, ажъ покы и ци ненаклалы добре.

(Трёмсынивка Александровск. у.)

Дурный чабанъ.

Бувъ соби чабанъ Карпо та була у ёго жинка та дытынка. Такъ винъ у степу небоявсь, а у хати боявсь. Отъ разъ жинка пидпалыла въ печи, сама на ричку пишла, а ёго у хати зъ дытыною самого и покынула. А на ту пору та высивъ пидъ поломъ у ворочку сыръ, то сыроватка этика зъ сыру та усе: капъ, капъ, а Карпо сыдыть, дытыну колыше та: „карпай, некарпай, у печи горыть, дытына спыть, чого Карпови боятысь?“ А самъ задкы, задкы, выскочывъ у сины тай держе двери; а волокы роспустылысь, двери и прыщыкнулы йихъ. Винъ шо смыкне—непуска. „Пусты, крычыть, лыха лычыно“! а самъ двери напера. Колы це прыходе жинка. „Чого ты“?—Та я сыдю у хати, а воно шось пидъ поломъ: Карпъ, Карпъ; я злякавсь, а воно ше и держе, лыха лычына“.

(Алексѣевка Александровск. у).

Якъ чоловикъ людей колысь дурывъ.

Пишовъ разъ чоловикъ лыдей дурыть; прыходе у якусь слободу, а дыты купаютьця; винъ и пыта йихъ: „а шо, чи небачылы вы якойи оказіи“? А одынъ хлопчыкъ и каже: „плывъ тутъ у ранци млыновый каминь, а на ёму собака сыдивъ та муку злызувавъ“.—Оттого, каже, мени и треба! ходимъ, хлопче, зо мною“. Хлопець и пишовъ за нымъ. Выйшлы за слободу, той чоловикъ и каже: „оставайся ты тутъ, та шобъ знавъ, шо одвитыть, якъ тебе будуть пытаты, а я пиду людей дурыты“. Тай розійшлысь. Прыходе той чоловикъ у якыйсь городъ, ходе по базарю, а тамъ, капусту продають. Винъ похожа та сміетьця: „бачь, каже, шо за капуста! онъ якъ у мого батька у такимъ-то сели, такъ пидъ однымъ лыстомъ визъ сховаетьця“. Отъ перекупкы и заспорылы зъ нымъ, тай ударылы въ закладъ на сто цилковыхъ. Заразъ нарядылы верхового тай послалы у ту слободу. Той верховый недобигъ до слободы, стривъ того хлопця. „А шо, пыта, чы правда, шо у вашій слободи роде така капуста, шо пидъ однымъ лыстомъ визъ сховаетьця“?—О, каже, онъ у мого батька, того году, якъ зимувалысь чумакы, такъ пидъ однымъ лыстомъ тры возы стояло. Той повирывъ тай вернувсь, росказуе, шо усе правда, бо ше бильшь есть. Отъ забравъ той чоловикъ сто рублывъ тай подавсь у другый ше городъ. Выйшовъ на базарь, ажъ тамъ гарбузы продають. Винъ ходе та сміетьця: „хыба це гарбузы? онъ у мого батька у такому-то сели горбузы, якъ кабанъ урыетьця, то и ненайдешъ.“ Забылысь и тутъ у сто цилковыхъ, нарядылы зновъ верхового. Недойихавъ той верховый, перестрива ёго хлопець. „А шо, пыта, чы правда, шо у вашому сели таки гарбузы родятьця, шо якъ кабанъ урыетьця, то и ненай-

дешъ?"—Э, каже, у насъ якъ зарывсь разъ кабанъ, та маты тры дни шукалы, у сылу найшлы". Той повирывъ и вернувсь. Заплатылы и ци перекупкы сто цилковыхъ. Отъ подилылысь воны зъ тымъ хлопцемъ и розійшлись. Отъ той хлопець одійшовъ трохы, ажъ йиде панъ. „Доровъ тоби хлонче! а де ты бувъ?"—Та ходывъ, каже, людей дурыть. „А ну жъ одуры мене".—Е, каже, я самъ неодурю; якъ бы зъ дядькомъ! „Де жъ винъ"?—А онъ пишовъ оттымъ шляхомъ. „На каже, коня та дожены". Сивъ той хлопець на коня, одйихавъ трохы тай вертаетьця. „Чого ты?" пыта панъ.—Шо жъ, каже, хочъ я ёго и дожену, винъ пишкы, то нескоро вернемось. „Такъ беры и другого коня". Той узявъ. „Прощайте, каже, пане! отце уже и одурывъ".

Алексѣевка Александров. у).

Якъ мужыкъ пана дурывъ.

Иде чоловикъ зъ сокырою, а барыня сыдыть пидъ викномъ. „Чымъ ты, пыта, мужыкъ занимаешся?"—Та де дижку, каже, набью, де дровъ нарубаю. „Наймысь до мене".—Тай наймыть".—„Ось набый мени цю бочку" каже, и дае ёму уиередъ гроши. Винъ узявъ ту бочку порубавъ, у кругъ на дрова склавъ тай пишовъ соби. Прыйиздыть панъ, побачывъ ту бочку, „шо це, пыта, таке?"—Та це, душенька, мужыкъ надувъ. „Отъ я запряжу тройку коней, такъ я ёго дожину". Побигъ, скоро и догнавъ. А мужыкъ побачывъ ёго, та и ставъ у гречци пидъ дубомъ, наче держе того дуба". Панъ и пыта ёго: „шо ты небачывъ, пейшовъ тутъ мужыкъ зъ сокырою?" Ни, каже, бачывъ. „А шо я ёго дожену?"—Ни, вы, пане, недожeнете; якъ бы я, то я бъ вашымы киньмы догнавъ. „Такъ беры кони, дожены".—Давайте сто рублнвъ та постійте, отцёго дуба подержте. Отъ панъ ставъ пидъ дуба, ажъ пнетьця та держе ёго, а того чоловика и слыху нема. „Обманывъ, сякый-такый! постій же, я тоби гречку вытолочу, зкыну дуба". Одскочывъ зпидъ дуба: „отъ-отъ упаде!" а дубъ и незворухнетьця. „А надувъ! вернусь, ше возьму тройку коней, я ёго дожену". Наздоганя того чоловика вже на другін тройци. „Чы небачывъ ты, пыта, тутъ такого то чоловика"?—Ни, каже, бачывъ. „Шо жъ я ёго дожену".—Ни, вы не дожeнете, а якъ бы я вашымы киньмы, тобъ догнавъ. „Такъ беры та дожены".—Николы пане, треба соловъя стерегты. А винъ якъ отто забачывъ пана, накрывъ золото шапкою тай стойить. „На тоби сто рублнвъ, бижы дожены ёго, а я твого соловья постережу". Узявъ той и кони и гроши, тилько ёго и бачылы. А панъ ждавъ, ждавъ та: „надувъ и цей! отъ я ёму дамъ": Якъ учеше кулакомъ по шапци... „Тху!"Вернувсь, ше одного коня взявъ, знову наздоганя ёго, а винъ у дупло влизъ тай выглядa видтиля.

„Чы ты небачывъ, пыта, тутъ такого то чоловика“?—Бачывъ, каже. „Шо жъ я ёго дожену?“—Ни, пане, неназдожeнете; якъ бы я вашымъ конемъ, я бъ догнавъ; треба ось у дупли сыдиты. „Дожены, каже, я тоби заплатю и у дупли за тебе посыдю“. Полизъ панъ у дупло, а чоловикъ на коня тай подавсь. А панъ сыдивъ, сыдивъ у дупли та та тамъ и пропавъ.

(Ольшана Богодуховск. у.)

Брехня.

Захворивъ десь якыйсь-то царь тай наказуе усимъ панамъ, усимъ мужыкамъ, усимъ мищанамъ, шобъ зиходылысь ёго розважать та брехни казать, та такойи, шобъ у ній и словечка правды небуло. Отъ паны, шо не збрешуть, такъ одынъ одному завыдуе, тà и кажуть, хочь яка тамъ брехня, шо правда. Отъ обиськавсь одынъ мужыкъ, „я, каэ, можу“.—Ну брешы.—„Якъ жылы мы, каэ, ше зъ батькомъ та хазяйинувалы, такъ була у насъ пыва за трыдцять верстъ одъ нашойи осели, а одного году та така добра пшеныця зародыла, одразу носпила и сыплетьця. А насъ у батька було семеро бративъ; якъ пишлы жъ мы косыть, а хлиба и забулы узяты, та косылы безпересталь симъ день и симъ ночей нейившы й непывшы; а якъ прыйшла недиля, мы до дому вечеряты. Прыйшлы, а саме маты такыхъ гарячыхъ галушокъ подалы. Отъ посидалы мы коло порога, а тамъ та лежавъ у насъ каминь. Я якъ сивъ на той каминь якъ ухватывъ галушку, такъ вона кризь мене и проскочыла та ше и кризь той каминь пройшла та ажъ на симъ саженей у землю ввійшла!“ Тутъ паны заразъ: „це, кажуть, може буты: симъ день чоловикъ выжыве не йившы; а шо каминь галушка проняла, то може винъ млыновый; це, кажуть, ше не брехня. Отъ на другый день звуть ёго знову брехни казаты. Я, каже мужыкъ, якъ почавъ самъ хазяйинуваты, такъ усе ходывъ на охоту та бувъ у мене такый хортъ, шо я ёго николы негодувавъ. Отъ разъ пойихавъ я зъ нымъ на охоту тай зигнавъ зайця, тюкнувъ на хорта, хортъ за нымъ; якъ догнавъ же, такъ и ковтнувъ: тилко задни нижкы трошкы выдно. Я тоди зъ коня та до хорта; якъ устромывъ ёму руку у ротъ, такъ и вывернувъ, якъ рукавыцю, та писля того ше симъ годъ зъ тымъ хортомъ полювавъ. „Паны вньять: „це, кажуть, не брехня; це усе може статысь.“ -Звисно, панивъ завыдкы беруть, шо якъ же мугырь та покрыва йихъ передъ царемъ. Почалы царя розбалакуваты, почалы розбалакуваты тай завирылы, шо це правда. Отъ и на третій день иде винъ до царя. Царь сыдыть, а коло ёго увесь членъ, генералы, сенаторы уси. Отъ мужыкъ каэ: „якъ хозяйинувалы мы зъ батькомъ, такъ отцей панъ позычывъ у насъ сто тысячъ, а отцей пьядесятъ, а цей десять“, та такъ на усихъ, по менню зве и грошн выщытуе. Царь и пыта: „а

шо, чы правда?“ А панамъ же соромъ сказаты, шо мужыкъ краще за ныхъ збрехавъ, та: „правда, правда“. А колы правда, то й заплатить. Треба йимъ платыты. Той забравъ гроши, та ше и царь ёму щось давъ, тай пишовъ соби.

(сл. Покровское Александр. у).

Вченый вовкъ.

Вывчывъ разъ одынъ чоловикъ вовка у повозци ходыть. Отъ йиде, а а паны и перестривають ёго, здывувалысь тай кажуть: „продай намъ цёго вовка“.—„Купить, каже, та тилко шо вы зъ йимъ робытымете?“—„Винъ у насъ, кажуть, пысаремъ буде.“ Отто зторгувалысь, винъ забравъ гроши, а воны того вовка, и розийшлысь. Черезъ стилко тамъ годъ той чоловикъ и здумавъ: „пиду та одвидаю свого вовка“. Найшовъ того пана пыта, де воны того вовка дилы.—„А винъ, кажуть, у Петербурси генораломъ; колы хочешъ ёго побачыты, такъ пытай такого-то генорала“. Отъ винъ и пишовъ у Петербургъ. Заразъ допытавсь того генорала, „вызвить, каже, мени ёго“. Ось выходе геноралъ та до ёго такъ строго: „Чого тоби“? Такъ того чоловика ця груба ричь за сердце й узяла; якъ крыкне жъ винъ на генорала: „а у ярмо и забувъ?“

(Мануйловка Новомоск. у.)

Дыковына.

Бувъ соби чоловикъ та жинка. Отъ жинка все помыка чоловикомъ тай помыка, якъ хоче. И послала ёго разъ зимою у лисъ по дрова, а зима тоди саме була товста та люта. Отто пишовъ винъ у лисъ, злизъ на дуба тай цюка гилля. Колы це и упустывъ сокыру. Злизъ зъ дуба, шукавъ-шукавъ, плакавъ-плакавъ, вже ёму и рукы покляклы, ненайде сокыры. „Отце, каже, дыковына!“ Ажъ чуе, шось сміетьця ззади. Винъ оглянувсь, ажъ стойить за кущемъ дивчына така хороша, та такъ гарно сміетьця. „Хыба, каже, це дыковына? Колы хочешъ знаты дыковыну, такъ наняй въ Таганрогъ та спытай тамъ коваля и мирошныка Мыхайла, такъ винъ тоби роскаже дыковыны“. Оглядивсь винъ, ажъ и сокыра ось биля ёго, а дивчыны нема вже. Отъ прыйшовъ винъ до дому. „Печы, каже, жинко, паляныци, такъ-то и такъ загадано мени дыковыны пытаты“. Наготовыла ёму жинка, дала билу сорочку, винъ вбравсь и пишовъ. Чы скоро, чы нескоро, ставъ у Таганрози; „де той коваль та мирошныкъ Мыхайло“, роспытуе. Якъ допытавсь вже, тай упрохавсь до ёго ночуваты. Отъ якъ повечерялы, полягалы спаты, винъ и просе того коваля та мирошныка сказаты ёму дыковыны. „Довга, каже, чоловиче, моя дыковына, нехочу й казаты“. Той одно: „скажить тай скажить, бо такъ-то

и оттакъ мене до васъ дивчына послала".—Ну хай же, каже, якъ уси поснуть." Якъ поснулы уси, хазяинъ и почавъ: „Пойихавъ я разъ у дорогу и небувъ я дома може годъ симъ. Отъ и почалы до мене слыхы доходыть, що мій старшый сынъ та жыве зъ матирью, це бъ то зъ моею жинкою, та занимаетьця усякымъ знахурствомъ. Я и поспишывсь до дому, хотивъ довидатысь, чы то жъ такы правда, чы може брехня. Прыйихавъ додому, выпригъ волы, увийшовъ у хату тай давай йихъ лаяты. А сынъ пидийшовъ до мене, узявъ мене зза потылыци обернувъ до порога тай каже: „бувъ ты мени кормылцемъ-поилцемъ, бувъ мени ридпымъ отцемъ, побижы жъ теперъ кобелцемъ!" Сказавъ отто тай пхнувъ мене черезъ поригъ, а я и побигъ кобелемъ. Отъ бигавъ-бигавъ, плакавъ, що його робыты? То бувъ чоловикомъ, хазяиномъ добрымъ, а теперъ ставъ кобелемъ; де я динусь? Побигъ у степъ, ажъ дывлюсь пасетьця кумова отара, та ще и паслы йийи мойи хрещеныкы; я и прыставъ до йихъ. Такъ менший хлопьякъ каже: „прыманимъ, брате, цього Босого (а у мене нижкы били); винъ буде добрый собака". А старшый: „та цуръ ёму, каже, винъ може такый, що ще и насъ порве! дывысь, якый здоровый!". А я все пидходю та лащусь. Дывлятьця воны, що я йимъ ничого, и прыманылы мене; а я жъ то такый радый, що й Господы! Тилко отара трошкы розийдетьця, я заразъ и заверну, та стараюсь, якъ у свойихъ добримъ. Отъ женуть воны отару до дому, и я за нымы. Прыгналы, меншый и хвалытьця батькови: „дывитьця, тату, якого мы Босого прыманылы".—Ну, каже кумъ, якъ не ледачый, то буде добрый собака; дайте ёму йисты. Попойивъ я трохы тай лигъ на воротяхъ. „Ни, каже кумъ, ты, Босый, лягай на загати, а на воротяхъ и безъ тебе есть кому стерегты". Подывывсь я, така высока загата, у сылу я злизъ. Ажъ-ось у ночи прыходять два вовкы, продралы загату та въ кошару, а я и соби туды за нымы тай подавывъ обохъ. Тоди злизъ зновъ на загату тай лежу соби. А кумъ и почувъ, що щось у кошари есть, розбудывъ старшого хлопця тай каже: „пиды подывысь, бо наче щось у кошари йе". Той якъ побачывъ, що два вовкы задавлено, нерозлывывсь прыходе тай каже: „а тамъ Босый задавывъ двохъ нашыхъ собакъ, треба його вбыть".—Ну, каже кумъ, хай завтра по выдному. Прыйшлы у ранци, подывылысь, ажъ вовкы. Тутъ-то пишло мени, сталы мене годуваты и галушкамы, и борщемъ; оптомъ и самы нейидять, та мени дають. Отъ такъ я може года зъ тры прожывъ у кума. У день биля отары ходю, а у ночи отто на загату. Отъ разъ погналы мы отару, а на зустричъ намъ панъ зъ хортамы. Якъ побачывъ мене тай давай нымы цькуваты. А хлопци ёму: „эй, кажуть, пане, нецькуйте нашого Босого, бо винъ у насъ такый, що и васъ задавыть".—Што такое, куси его! „А ну, кажуть хлопци, озьмысь Босый". Я якъ узявсь, розметавъ, подавывъ усихъ хортивъ. „А що, пане, мы жъ вамъ казалы нерущте нашого Босого; теперъ самы бачыте, якый винъ у насъ".

Отъ на другый день требують кума у волость та и мене. А то панъ, бачъ заходывсь кума позываты. А волосни и прысудылы, шо панъ выпуватъ и шобъ кумови сто рубливъ заплатывъ. Отто панъ и давай кума прохаты: „продай тай продай мени цёго Босого, я тоби трыста рубливъ дамъ". Кумъ довго и нехотивъ, а дали узявъ тай продавъ мене ажъ за тысячу. „Иды жъ, каже, лягай у карету". Я пишовъ тай лигъ на подушкахъ, саме де панови сидаты, Отъ панъ кынувсь у карету, дывытьця шо я вси подушкы залигъ тай просе мене: „посунься, Босый, дай и мени одну подушку". Я й посунувсь. Отъ прыйихалы мы додому, а у того пана саме жинка розсыпалась. И вже стилко вона дитей не водыла, тилко яке народытьця, якъ вже ёго не стережуть, а въ ночи безпреминно чортъ и украде. И теперъ такъ. Позбыралы людей, поклалы йихъ по горныцяхъ, по дверяхъ, и мене туды жъ. Отъ тилко такъ у саму глупу ничь и навивъ дыяволъ на людей ману, люде и поснулы. А я несплю. Слухаю—пидъ поломъ тилко лусь, лусь, а я гррр! Дывлюсь, вылазе чортяка; я ёго заразъ за потылыцю, тай давай кудовчыты. Винъ уже и просытьця, и молытьця: „пусты мене." Та ни, непускаю я. Отъ винъ перекынувсь собакою, ажъ ось и люде позбигалысь, тай гарчыть до мене: „пусты мене, я зъ тебе зновъ зроблю чоловика".—Якъ же я, кажу, теперъ тебе пустю? хыба небачышъ, стилко людей найшло? „А ты мене, каже, кынь черезъ голову, а тамъ уже я самъ утечу". Отъ я якъ прыперъ ёго до стины та якъ кыну черезъ голову, такъ той чортъ и загувъ, незнать де и дився. Ну, пысля цёго мени уже такъ добре стало у того пана: сплю на подушкахъ, йимъ одъ паньського столу, де хотю, ходю. Жывъ я тамъ оттакъ, жывъ, тай заманулось мени додому, схотилось довидатысь та подывытысь на свое хазяйство. Отъ узявъ я тай утикъ одъ пана. Якъ утикъ та прямо у свою слободу, та у свий двиръ. Якъ глянувъ, ажъ тамъ таке пустыння! пообвалювалось, скотына реве, голодна. Пишовъ я у хату, ажъ нема никого; я й зализъ пидъ пичъ. Тилко сынъ у хату, заразъ и почувъ шо я прыйшовъ. „А, стара собака, вылазь, вылазь! тоби ше цёго мало? а иды сюды". Вылизъ я, хвистъ пидкорчывъ, йду до ёго Винъ тоди взявъ мене зновъ зза потылыци, повернувъ до порога та: „бувъ ты мени пойилцемъ-кормылцемъ, бувъ мени риднымъ отцемъ, бигавъ ты симъ годъ кобелцемъ, полеты жъ ше на симъ годъ горобцемъ". Я тилко порхъ у ёго зъ рукъ, тай подавсь. И такый зъ мене поганый горобець вдавсь, общыпаный та задрипаный, шо мене ниде горобци и непрыймають до себе, а ше бьють Отъ литавъ я, литавъ и прыбывсь до якогось хутора. А у тому хутори тилко и було, шо девьять горобцивъ: пьять горобчыхъ, а чотыри горобця, выходе, шо одний горобчыси нема пары. Вона мене и прыняла до себе. И литалы мы у комору усе красты проса. Такъ було воны уси девьять полетять у комору, а мене на сторожи коло диркы поставлять. Та отто якъ самы найидятьця, тоди вже и мени вынесуть по зерняты. Отъ я разъ не-

втерпивъ тай соби за нымы у ту дирку; упавъ на просо та такъ дзёбаю, такъ дзёбаю, а хазяйинъ и заткнувъ дирку. Отто прыйшовъ, половывъ пасъ, прынисъ у хату, тыхъ же девьятеро одразу зажарывъ, а мене найпослиднёго оскубъ тай укынувъ увъ одынъ окрипъ. А тамъ вытягъ тай пыта: „А шо, чы злякавсь? Оттакъ, каже и я злякавсь, якъ ты мене почавъ давыты“. А це та бувъ той саме чортъ, шо я трохы було коло папськон дытыны ёго не задавывъ. Отъ якъ укыне у другый окрипъ, вытягъ та: „А шо, чы злякавсь? Оттакъ и я злякавсь, якъ ты нехотивъ мене пустыты“. А дали якъ укыне у третий—я вже и ставъ чоловикомъ. „Ну, каэ той чортъ, я тоби обищавъ, отце и одбувъ; иды теперъ прямо у волость та объявысь“. Отъ пишовъ я у волость, ажъ тамъ вже и сынъ: допытують ёго де винъ батька заподивъ. Я якъ розсказавъ усе, заразъ сына у Сибирь, а я на хазяиствн и зоставсь. Отце тоби и дыковына“.

(Алексѣевка Александр. у.).

Калыточка.

Бувъ соби чоловикъ та жинка и була у ныхъ пара воливъ, а у йихъ сусиды—вызъ. Отто якъ прыйде недиля, або празныкъ, то хто небудь бере воливъ и воза тай йиде, чы до церквы, чы у гости, а на другу недилю—другый, та такъ и подилялысь. Отъ жинка того чоловика, чыйи волы, разъ ёму и каже: „поведы волы та продай, справымо соби коня та повозку, будемо самы що недили до церквы та до родычивъ йиздыты. Та ще, бачъ, сусида свого воза негодує, а намъ воливъ треба годуваты“. Чоловикъ налыгавъ волы и повивъ. Веде дорогою, ажъ ось доганя ёго чоловикъ конемъ. „Доровъ!“—Доровъ. „А куды це волы ведешъ?“—Продавать. „Проминяй мени на коня“.—Давай.

(Далѣе онъ промѣниваетъ коня на корову, корову на свинью на овцу, на гуску, на пивня, и наконецъ послѣдняго на калыточку, да и ту отдаетъ за перевозъ.).

А тамъ та стояла валка чумакивъ. Якъ роспыталы жъ воны ёго, за що винъ выминявъ калыточку, сміютьця зъ ёго. „Шо тоби, кажуть, жинка за це зробе“.—Ажъ ничого! Скаже слава Богу, що хочъ самъ жывый вернувся. Тай побылысь объ закладъ, коли скаже жинка такъ, то чумакы оддадуть ёму дванадцять мажъ хуры и зъ батижкамы. Заразъ обибралы одного зъ себе и послалы до ёго бабы. Отъ той прыходе. „Доровы“.—Доровъ! „А ты нечула про свого старого?“—Ни нечула. „Винъ волы на коня проминявъ“.—Отъ добре, возыкъ недорого стоить, якъ небудь зберемось. „Тай коня проминявъ на корову“.—Це ще й краще, буде у насъ молоко. „Тай корову проминявъ на свыню“.—И то добре, будуть у насъ поросятка а то, чы загивляты, чы

розгивлятьця, все треба купыть. „Тай свыню проминявъ на вивцю".—И се добре, будуть ягнятка та вовночка, буде шо мени у Спасивку прясты. „Тай вивцю проминявъ на гуску".—И се добре, будуть у насъ крашаночкы та пирья. „Тай гуску проминявъ на пивня".—О, це ще краще, пивень ранесенько спиватыме та насъ до роботы будытеме. „Тай пивня промынявъ на калыточку"—И це добре, буде-ло, де хто заробе, чы винъ, чы я, чы диты, въ калыточку складаты. „Та винъ и калыточку за перевизъ оддавъ". Ну шо жъ, слава Богу, шо хочъ самъ жывый вернувсь. Такъ тымъ чумакамъ ничого робыты, оддалы ёму дванадцятеро мажъ.

(Покровское Александр. у.).

Золотый постилъ.

Бувъ соби дидъ та баба. Отъ баба и каже дидови: „выплеты, старый, волочокъ та иды на ричку, може рыбкы впловышъ". Дидъ выпливъ волочокъ, пишовъ на ричку, закынувъ, и вытягъ золотый постилъ. Узявъ той постилъ и пишовъ до дому. Иде, ажъ стрича ёго чоловикъ зъ конемъ. „Доровъ тоби, диду!"—Доровъ! „А де-це ты бувъ?"—На ричци.—„А шо тоби Богъ давъ?"—Золотый постилъ. „Де жъ винъ?" Ажъ ось.—Проминяй мени на коня. Дидъ узявъ и проминявъ.

(Далѣе коня онъ промѣниваетъ на вола, на барана, „на пару цапивъ," на индыка, на качку и наконецъ послѣднюю на пару жолудивъ).

Отъ прынисъ винъ до дому ти жолуди тай посадывъ пидъ покуттямъ, а воны у-разъ и порослы. Давай ёго баба пытаты, шо ёму Богъ давъ. „Золотый постилъ".—„Де-жъ винъ?"—Проминявъ на коня.

Далѣе повторяется вся исторія мѣны.

Якъ сказавъ же дидъ, шо проминявъ качку на жолуди, баба за макогинъ та до дида, дидъ глянувъ на покуття ажъ зъ ёго жолудивъ таки два дубы выросли, шо ажъ пидъ саме небо. Винъ тоди на одного дубка, та тикать, а баба по другому, та за нымъ. Лизлы, лизлы та долизлы ажъ до неба. Дывлятьця, ажъ тамъ дирка, воны у ту дирку та и полизлы на небо. Злизлы, идуть-идуть, зострича ихъ святый Петро тай каже: „идить соби, та тамъ будуть золоти та срибни яблучка, такъ вы не рушите". Отъ одійшлы воны стилко тамъ, дивлятьця, ажъ справди стоить яблунька, а на ний золоти та срибни яблучка высять. Дидови жъ байдуже, а баби нетерпытьця, хочетьця йий тыхъ яблучокъ: вона и каже дидови: „ось лягай, я тоби поськаю". Дидъ лигъ тай заснувъ, а баба до яблунькы, тилко одно яблучко вырвала, а воны уси и осыпалысь. Прокынувсь дидъ, давай йихъ пидьвязувать, та ни, непомагаетьця. Прыходе святый Петро. „Шо це вы, каже, наробылы"?—Та це все бисова баба! виде я зъ нею невжывусь. „Ну идить

каже святый Петро, дали, та буде вамъ пичъ, сама сыряна, а коминъ масляный, такъ глядить, неколупайте". Пройшлы трохы ажъ такъ и есть: стоить сыряна пичь, а коминъ масляный. Дидови жъ байдуже, такъ баби неможетьця. Вона знову ёму каже: „лягай диду, я тоби у голови поськаю". Дидъ лигъ тай заснувъ, а вона схватылась та тилко тийи печи лызнула, якъ вона уся такъ и росплывлась. Давай воны ту пичъ мисыты та наизновъ класты, та ни. Прыходе святый Петро. „Шо це таке?" пыта.—Та це, каже дидъ, усе ця бисова баба".—Ну йдить, та будуть тамъ на васъ морськи коты гарчаты, такъ некажить тпру-тусь. Отъ ийдуть воны тай ийдуть, ажъ ось ти и коты. Дидови жъ байдуже, а баба на йихъ тпру-тусь! Такъ ти коты у махъ и порозбигалысь. Осидлавъ тоди дидъ бабу тай ну зганяты тыхъ котивъ. Такъ ничого непоробе, поразбигалысь по мори, шо и слиду незнать. Прыходе святый Петро. „Шо це вы наробылы"?—Та це не я, це усе отця бисова баба; ниде зъ нею невжывусь. „Йдить же, каже святый Петро, соби зъ неба". Отъ баба якъ упала, маслакы жъ розбылысь, а голова позолотылась. А ввечери поузъ нейи та йихавъ козакъ свататьця, побачывъ, шо шось блыщыть, пидиявъ тай сховавъ. Отъ прыйиздыть до дивчыны, силы вечеряты, винъ йисть вареныкы, а голова зъ кышени: „дай, козаче, и мени!" то винъ и укыне у кышеню вареныка". А ти бачуть, шо винъ у кышеню вареныкы хова тай думають: „бачь якый жаденный! тутъ йисть, тутъ и на дали хова". Отъ у ранци одъийздыть той козакъ тай укынувъ ту голову у горщыкъ за варывомъ, а дивчына и прыставыла ёго до вогню. Якъ закыпивъ горщыкъ, дивчына стала одставляты, а вона зъ горщыка: „по малу, бо переверпешъ!" Та дивчына якъ кыне той горщыкъ та зъ хаты. „Йдить, мамо, шось у горщыку озываетьця". Прыйшла маты, а вона зъ горщыка: „по малу, молодычко, необерны". А молодыця взяла тай вывернула той горщыкъ у корыто свыням. Отъ прыбиглы свыни до корыта, а вона: „уси, уси свыни йижте, а ты, ковганъ, нейижъ, тебе вовкъ зъисть". Той кабанъ тилко до корыта, а вона знову: „уси, уси, свыни йижте"....То той кабанъ и нейисть. Отъ прыбигъ туды у ночи вовкъ, сунувсь до корыта, ажъ тамъ та голова; винъ и ковтнувъ йийи. Отто бигавъ, бигавъ, проголодавсь, побигъ на чабарню. Отце тилько наткнетьця до ягняты, то вона: „чабаны, чабаны, бережитьця, бо вовкъ ягня озьме". То чабаны почують тай проженуть ёго. Побигъ винъ ше то свынарни; шо сикнетця до поросяты, то вона: „свынари, свынари, стережитьця, бо вовкъ порося изйисть". Той вовкъ метавсь, метавсь такъ, а дали побигъ ше до телятъ. Вона и тутъ своейи: „скотари, скотари, бережитьця, бо вовкъ теля задере". Такъ той вовкъ и забигъ чорзна куды тай пропавъ зъ голоду, и вона пропала.

(Алексѣевка Александровск. у.).

Иванъ Побыванъ (Ср. Рудч. № 45 и 46).

Упадывсь змій десь у слободу людей йисты, та выйивъ чисто усихъ, остаетьця одынъ тилько дидъ. „Ну, каэ, цымъ завтра поснидаю". А черезъ ту слободу та йшовъ цыганъ тай зайшовъ до того дида, просытьця ночуваты. „А хыба тоби, цыгане, жысть надойила"?—„Якъ"? каэ. Дидъ росказавъ ёму, якъ тутъ змій усихъ людей перейивъ а це завтра ёго зйисть. „Э, каэ цыганъ, подавытьця". Отъ у ранци прылита змій, побачывъ цыгана та: „О, це добре, каэ, кыдавъ одного, а теперъ, двое". А цыганъ: „гляды, неподавысь!" Змій и дывытьця. „Якъ, каэ, хыба бъ ты сыльнийшый за мене"?—Та вже жъ. „Якый же ты сыльный? я онъ, бачъ?" Та взявъ каминь, якъ здавывъ, такъ зъ ёго мука и посыпалась.—„Э, ты, каэ, здавы такъ, шобъ зъ ёго юшка потекла". Та взявъ зъ мысныка ворочокъ сыру, якъ давоне, а сыроватка и потекла. „Оттакъ, каэ, давы".—Ну ходимъ за товарыша. „Хыба, каэ, за старшого?" Отто и пишлы. Стало на обидъ, змій и каэ: „пиды жъ ты, цыгане, та прынесы вола, будемъ обидать варыты". Пишовъ цыганъ, такъ куды тоби, хочъ бы одну ногу донисъ. Отъ винъ ходе по череди тай зьязуе воливъ хвостамы до купы. А Змій ждавъ, ждавъ, побигъ самъ.—„Шо ты, цыгане, робышъ"?—Э, буду ще тоби по одному носытысь!" Та ну тебе къ бису, ты мени усю худобу переведешъ". Стягъ зъ вола шкуру и поволикъ. Отъ дае винъ цыганови шкуру. „Иды, каэ, воды прынесы. Усылу, у сылу, дотягъ цыганъ ту *кобку* до колодязя, та якъ упустывъ туды, вже и невытягне. Тоди зробывъ копышъ, онъ що диты на вулыци пичкы копають, тай ходе кругомъ крыныци, пидкопуе йийи. Прыбига Змій. „Шо це ты робышъ?"—Э, буду я тоби кобкою носытьця! зачеплю усю крыныцю тай поволочу. „И шобъ тебе! ты мене изъ воды зженешъ". Понисъ самъ.„ Пиды жъ, каэ, цыгане, дровъ прынесы; вырвы тамъ сухого дуба, тай буде".—Э, буду я тоби тришкы носыть! якъ бы дубивъ двадцять за разомъ, тобъ такъ"! Тай розсердывсь, непишовъ. Отъ змій наварывъ, сивъ и йисть, а цыганъ сердытьця и обидать нейде, а якъ зосталось зъ ложку, тоди сивъ и соби посьорбавъ. „Ну, каэ змій, ходимъ теперъ до моейи матери, вона намъ вареныкивъ наваре".—А пидемъ, то пидемъ. Отъ якъ почалы йисты, змій же йисть, уже й найидаетьця, а цыганъ усе въ штаны хова, усе хова. Вже казанивъ зъ двадцять подалы, а винъ одно хова. Якъ пойилы, „ходимъ же, каэ змій, на каминь крутытысь".—А ходимъ, то и ходимъ. Змій же якъ крутнувсь ажъ огонь пишовъ. „Ты такъ крутнысь, шобъ юшка потекла." Та якъ давоне ти вареныки.... „Отъ такъ, каэ, крутысь"! Та ще, та ще: „Отъ якъ давы!" Ну, постройивъ отто ёму змій хату на одныби, живе цыганъ соби тай жыве. Отъ змій и давай зъ матерью радытысь, якъ бы йимъ его звесты. „Давай, кажуть, ёго спалымъ". А цыганъ пид-

слухавъ та десь и сховавсь. Отъ якъ спалылы ту хату, цыганъ прыйшовъ, разгрибъ жаръ, вылывъ туды стилко бочокъ воды. тай качаетьця, пухка. Прыходе змій. „Шо ты, цыгане, хыба ще жывый"?—А шо хыба? Тилько шо попарывся: чы нехочешъ и ты"?—„Ну цуръ тоби, пойидьмо до тебе у гости. Де твій домъ"?—Де? а пойидьмо до табура. Запрягъ змій коляску, набравъ грошей. Тилко дойиздять до табура, а цыганчата повыскакувалы, якъ побачылы батька, бижать та крычать: „тату, тату".—„Шо це"? пыта Змій.—А це чорты по твою душу, тикай". Змій якъ скоче! покынувъ коляску и гроши.

(Ворожба Лебединскаго у.).

Якъ вовкы въ хати завелысь. (ср. Рудч. I № 61).

Бувъ соби чоловикъ та жинка, а до тіеи жинкы та ходывъ п . . . Отъ одынъ парубокъ усе те вызнавъ, прыходе до того чоловика та: „наймить мене, каже, дядьку."—А на якый строкъ? пыта.—„Та покы у васъ въ хати вовкы заведуться."—Колы жъ воно, дума, ти вовкы у хати заведутьця? Хыба якъ спустуе? А стилко жъ тоби дать?—„Та давайте сто рублив." Отто договорылысь, винъ и почавъ строкъ. Разъ выйихалы воны ораты, пооралы до обида, роботныкъ и каже: „пиду я, дядьку, до дому, бо забувъ чогось."—Та и йды. Отъ прыйшовъ винъ пидъ хату, а п . . . уже и тамъ; винъ усе те баче тай гука: титко, видчынить„—Ей, каже п . . . молодычко, де бъ ты мене дила?—Та лизьте онъ, батюшка, пидъ пичъ, мижъ гарбузы. П . . . пидъ пичъ, вона загорнула єго гарбузамы тай упустыла роботныка. „Чого тоби такъ загорилось?" Та казалы дядько, шобъ я онъ-ти гарбузы пидъ пиччю перебравъ „Таке выгадаютъ! Хыба я сама не переберу?"—Э, та вже якъ казалы, такъ треба и робыты. Якъ заходывсь ти гарбузы кочергою зъ-пидъ печи выгортаты та знову туды шпурляты, п . . . тилко крекче. Отто управывсь, пишовъ. Черезъ яке-тамъ времья сіють воны, наймытъ знову просытьця: „пиду я, дядьку, до дому, чогось треба."—Иды. Отъ винъ знову пидъ викно, а п . . . уже и тамъ. „Видчынить, титко!" А п . . . : „дебъ ты мене, молодычко, дила?"—Та идить, каже, я васъ мижъ вивци выпустю. Вывела єго зъ хаты, та у задни двери въ кошару, а роботникъ усе те и баче. Одчынила тоди наймытови, „чого тоби?"—Та казалы дядько, шобъ я вивци передывывся, чы нема у якойи червы.„ Хыба бъ я й сама не передывылась?"—Та вже, якъ воны казалы, такъ треба и робыты. Пишовъ у кошару, а дило було у почи, та шо пійма вивцю тай выкыне за двери. А п . . . узявъ та пидъ самого здорового валаха пидлизъ, узявъ єго на спыну тай лазе по комори. Отъ якъ налапавъ єго роботныкъ, „шо це, каже, за валахъ? це якыйсь упыряка:" Звалывъ єго, колипчывъ вже, колипчывъ, стилко єму захотилось, тоди выкынувъ за двери и пишовъ. Отъ незабаромъ просытьця у тре-

тѣ. Той пустывъ, винъ прыходе пидъ хату, баче шо п . . . уже тамъ, тай гука: „титко, видчыныть.“ А п . . . : „дебъ ты мене, молодычко, сховала?“ Вона взяла та у жлукто зъ вовною и посадыла ёго, а роботпыкъ усе те и баче. Одчынила вона, „чого тоби?“—„Та казалы дядько, шобъ я отту вовну у жлукти попарывъ.—Хыба я й сама непопарю? вамъ абы день гаяты.—„Та вже якъ воны казалы, такъ треба и робыть.“ Заразъ заходывсь, у пичи топе, казаны гріе; ось нагривъ казанъ, якъ шпуртоне у те жлукто, ошпарывъ п . . а икъ бису. Трохы отто ще повозывсь, тай пишовъ, наче у степъ, а самъ пидъ дверыма ставъ и слуха. Вылизъ п . . ., голый, якъ колино. „Це, каже п . . , неможна намъ тутъ черезъ ёго чорта и погуляты. Прыходь, каже, до мене у степъ, я тамъ завтра оратыму.“—А якъ же вашъ плугъ пизнаты?— „Дывысь, каже, де буде одынъ перыстый вилъ, по рудому билый.“ Отъ на другый день понесла вона п..ови обидаты, а роботныкъ взявъ та на свого колюшенного рудого вола и накынувъ штаны. Вона жъ выйшла у степъ, баче, оре шось перыстымъ воломъ; вона и пишла туды. Прыходе, ажъ свойи,ниде йий уже дитысь. „Отце, каже, жинко, спасыби, шо обидаты вынесла.“ „Отъ прыходе недиля, чы такъ праздныкъ якый упавъ, пишла вона у церкву, а роботныкъ и соби перебигъ йийи тай ставъ на крылоси за хрестомъ. Прыйшла вона у церкву, гріе передъ тымъ хрестомъ поклоны та просе: шо ій зъ тымъ роботныкомъ робыты? А винъ усе те чуе та зза хреста: „пиды, каже, тудыто у лисъ та знайдешъ тамъ Ивана Кущныка, то винъ тебе усёму научe.“ На другый день выпрохавсь винъ у хазяйина, пишовъ у лисъ, зализъ десь у дупло, штаны зпустывъ та гепаку зъ дупла вытрищывъ; ажъ ось и вона прыходе. Поставыла вона передъ йимъ свичечку тай розжалилась ёму. А винъ: „ты, каже, якъ повернутьця воны у вечери додому, та навары холодцю, вареныкивъ, та зажарь курку; отъ воны, якъ холодцю пойидять, то то заразъ и поглухнутъ, а якъ вареныкивъ, то послипнуть, а якъ зъидять вже курку, то одразу и повмераютъ.“—Спасыби жъ тоби, каже, Кущнычку! Поклонылась тай пишла. Заразъ вернулась до дому, заходылась поратысь, а работныкъ тымъ часомъ пидговорывъ хозяина, шо ось таке то и таке у ныхъ сёгодня буде, то шобъ той оттакъ-то и оттакъ зробывъ. „Добре,“ каже. Отъ прыйиздять воны у вечери до дому, вона така имъ рада! Заразъ передъ йимы холодецъ на стилъ. Отъ дойидають воны мыски, а вона: „може ще?“—Чого?; „Та я кажу, може ще податы?“—Та кажы дужчъ, бо нечуты. „Слава тоби! Господы, дума, вже поглухлы!“ Станове йимъ вареныкы. Упорезалы воны макитру, вона поставыла ще й у мысци, а воны тилко мацають по столу, ні-якъ непалапають тіейи мыски „Слава тоби, Господы, дума, уже и послиплы.“ Подала курку: воны йийи умнялы та беркыць обыдва пидъ лаву. „Ну це вже повмералы; теперъ, батюшка, вылазьте. А винъ десь уже тамъ бувъ захованый. Отъ одтаскалы тыхъ мертвякивъ икъ порогу, самы за стилъ, пьють та гуляють. Вже

чого, чого невытивалы, якъ нежартувалы, усяко обрыдло. „Давай, каже п..., ше по вовчому!“—Якъ же це воно? „А ты бижы до мене та ву-у-у! А я до тебе та гу-у!“ Отъ розійшлысь по куткамъ та й ну, вона до ёго: ву-у-у, а винъ до ней и обзываетьця: гу-у-у! А роботныкъ слухавъ, слухавъ та: „дядьку, а вставайте, давайте роцщотъ, бо уже въ хати вовкы завелысь.“ Якъ повставалы жъ воны, було тамъ!

(Харьковщина).

П..., молодыця та цыганъ.

Наглядивъ разъ п... гарненьку молодычку тай давай биля нейи захожуватысь. „Якъ бы, каже, зъ тобою переночуваты?“—А давайте сто рубливъ. Винъ и давъ. „Якъ же до тебе, пыта, прыйты?“—А въ ночи, каже, черезъ дымарь. Отъ у ночи злизъ винъ на крышу, ажъ тамъ цыганъ, а винъ та уси ти ихни речи пидслухавъ. „Ты чого тутъ?“ пыта п . . .—А хыба я за що сто карбованцивъ заплатывъ? „Ну такъ пусты жъ мене хочъ упер態.“—Давай одступного. П . . . ше шось прыплатывсь. „Ты жъ, каже п . . ., слухай, якъ я скажу *мыкъ*, такъ таскай мене угору.“ Отъ позьязувалы поясы, п . . . и полизъ, а та молодыця наготовыла добре жыгадло. Тилко пипъ ось уже на землю стане, вона ёго тымъ жыгадломъ, а винъ тоди „мыкъ!“ Цыганъ и вытягъ ёго. „Ну теперь, каже, я, та тилко гляды, тоди будешъ таскаты якъ я ажъ трыдцять разъ скажу „мыкъ.“ Отъ злизъ цыганъ, вона и ёго тымъ жыгадломъ, а винъ: мыкъ! П . . . нетягне, винъ тоди якъ коза: мыкъ, мыкъ, мыкъ... Отто позлазылысь и розійшлысь. П . . . и дума соби: „ну стій же, я тебе у ц . . . выстрамлю. Прыходе недиля, запопавъ винъ ту жинку, давай йий выговорюваты. „Та прыйдить теперъ хочъ у вечери!“ Отъ прыходе п..., тилко разпустывсь, а чоловикъ на двери: тпру! „Эй, молодычко, сховай мене швыдче де небудь.—„Та лизьте ось у скрыню.“ А у нейи та була нова ше и некрашена скрыня, такъ вона туды дёгтю набурыла тай прысоглаша отто. П...—нйде дитысь, та у скрыню, вона ёго и заперла. Отъ чоловикъ увійшовъ у хату, посыдивъ, побалакавъ, „треба, каже, жинко, отцю скрыню повезты, та окрасыты.“ Клыкнувъ роботныка, вынеслы ту скрыню, поставылы на воза, винъ и повизъ. Отъ прыйихавъ до якогось болота, улизъ туды тай бовтаетьця, ажъ йиде панъ.„ Што ты, мужикъ, тутъ дѣлаешь?“—Та ловлю, каже пане, чортивъ. „И поймалъ хочь одного?“—Та одного, каже, піймавъ. „Покажи-ка мнѣ!“—Такъ боюсь, утече. „Та ты немножко.“—А вы, пане, купить у мене ёго оптомъ. „Продай!“ Отто зторгувалысь, панъ забравъ ту скрыню, и пойихавъ. Прыйиздыть зновъ десь до озерця. „А давай, каже, кучерь, хочь посмотримъ, какой чортъ.“ Тилко то одхылывъ крышку, а п . . . якъ выскоче, обляпавъ ихъ дёгтомъ, залывъ й имъ очи та у те озерце. Эй кучерь, кры-

чыть панъ, поползъ скорѣй, соберемъ дома людей, мы его поймаемъ: тутъ небольшое болотце." Покы зибравъ людей, прыйихалы, ажъ того п . . . и слиду тамъ давно нема.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Якъ Ерусалымськи святи черезъ пичъ дорогу проложылы.

Бувъ соби чоловикъ та ходывъ у чумацтво, а жинка дома зоставалась, та прынадыла до себе и п . . ., и д . . . . . и дяка. Отто разъ прыходе дякъ, почалы воны гулять, ажъ иде д......—„Де б ты, каже дякъ, мене сховала?" — Та лизьте на пичъ. Зависыла вона ёго тамъ рядномъ, упустыла д....., знова гуляють, ажъ иде и п.... „Де бъ ты, каже, мене заховала?"—Та лизте на пичъ. Вже ййихъ тамъ двое. Отъ погуляла трохы зъ п . . . . . , ажъ чуе на двори: „тпру! жинко, видчины!"—Охъ, мени, каже, лыхо! цежъ чоловикъ зъ дорогы прыйшовъ! Лизьте, батюшка, швыдче на пичъ. Вже йихъ тамъ трое. Отъ чоловикъ знову: „одчыны, жинко!" А вона зробылась такою слабою та хворою, въ сылу-въ сылу одчыныла. „Чого це ты, пыта, такъ довго неодчыняла?"—Та тутъ, чоловиче, таке, шо и вымовыть ніякъ, та шо почи. Шо жъ воно тамъ таке?" А ти на пичи, якъ розизналысь, та давай, кажуть, тикать. Отъ одынъ заразъ: „благословы . . . . . .!" та зъ печи та въ двери, а другый: „благословенъ . . . .!" та за нымъ, а третій и соби шось та тежъ у двери. „Бачь, каже жинка, отъ такъ шо почи! Кажуть люде, шо це йерусалымськи святи черезъ нашу пичъ дорогу проложылы."—А подай, каже, каганець, я полизу подывлюсь, шо воно тамъ таке. Злизъ на пичь, ажъ тамъ въ кутку цвиркунъ та дирку прогрызъ. Винъ тоди: „бачъ, Господы твоя воля! сказано, святе! Яка маненька дирочка, а воно и пролазе. А дай каже, ножа я килочокъ застружу та забью."

(Мануйловка Новомоск. у.).

Якъ чоловикъ телывся.

Бувъ соби такый дурный чоловикъ та була у ёго и жинка. Отъ пидъ якый-то-тамъ празныкъ накывала жинка дякови, шобъ прыйшовъ. Той и прыйшовъ въ почи пидъ хату, ажъ чоловикъ дома. А у того чоловика та було шапча. Якъ напоназдрыло жъ воно того дяка, дзявъ тай дзявъ. А чоловикъ лежыть безъ штанивъ на полу та: „Кусы, Мусю, на двиръ боюся, и самъ непиду и жинкы непустю."—Ого, чоловиче, якый ты смилывый.—„Э, я же й до викна пиду!" та знову: „кусы, Мусю, на двиръ боюся, и самъ непиду, и жинкы непустю."—И ты жъ, чоловиче, небоисься?— „Эге, я ще и на двиръ пиду." Тилко винъ зъ хаты, а вона дяка упустыла тай сины засунула. Отъ чоловикъ походывъ, походывъ по надвирью,—у хату, ажъ сины засунути.

„Жинко, а пусты!“—Кый тамъ чортъ шляетьця? „Та це жъ я, чоловикъ твій!—Якый тамъ у биса чоловикъ? мій ось на полу спыть! А ну, чоловиче, озвысь до ёго. А дякъ: „Ось я якъ устану!..“—Шо за бисъ, дума чоловикъ. Выйшовъ на вулыцю: „отце жъ кумова хата, це кумына, а це жъ моя такы! та зновъ пидъ викно. А дякъ: „погарыкай тамъ, погарыкай, ось я тебе!“—Отце лыха годына, дума, пиду до кума. Прыйшовъ. „Чого це ты, куме, безъ штанивъ?“—Та такъ то и такъ, росказуе. „Та ты жъ змерзнешъ; сидай на мене, я тебе однесу. Отъ прыносе ёго пидъ викно. „Одчыны, кума!“—Хто тамъ? „Та це я, кумъ. „Чого вы?“—Та пусты свого чоловика у хату.—„Якого тамъ свого чоловика? мій ось на полу спыть.“—А це жъ шо? „А ты полапай за задъ, якъ голый, то тожъ чортяка:“ Винъ лапъ, ажъ голый. Якъ обенбере жъ винъ ёго та лыгы. Ходывъ той чоловикъ, ходывъ, ажъ змерзъ та пишовъ до свого бугая, зарывсь у солому тай лигъ. Отъ на ранокъ выпустыла вона дяка, порается, ажъ-ось и винъ иде у хату. „Це ты, чоловиче, и доси безъ штанивъ?“—Та ты жъ мене у хату непускала. „Господь зъ тобою! ты жъ коло мене спавъ.“—Це жъ, каже винъ, тебе шось обманыло. „Де жъ ты ночувавъ?“—А пидъ бугаемъ. „Колы пидъ бугаемъ, то йды геть зъ хаты! Безпрымынно ты теперъ теля прыведешъ, мени хату запаскудышь. Иды, де знаешъ телысь!“ Шо ёго, бидна головонька, робыты? треба йты. Набравъ винъ хлиба и пишовъ. Иде тай иде, колы це баче, зъилы чоловика вовкы, тилко одни ногы у чоботяхъ лежать замерзли. Винъ узявъ ти ногы, „понесу, дума, та десь розигрію, то чоботы озьму, а ногы выкыну.“ Отъ и упрохавсь винъ десь ночувать; пустылы ёго, винъ полизъ на пичъ и чоботы ти потаскавъ. А у тыхъ людей тіеи ночи та отелылась корова; воны, шобъ телятко незмерзло, узялы ёго въ хату тай ссадылы на пичъ. Отъ прокынувсь винъ у ночи, лапъ, лапъ, тай палапавъ те теля. „Слава жъ тоби, Господы, дума, отелывся, нечувъ и самъ, колы.“ Та зъ печи хамиль, хамиль, тай подався до дому, и ногы ти тамъ на пичи покынувъ. Прыходе, а жинка: „а шо, вже отелывся?“—Отелывся, спасыби Богу, и самъ нечувъ, колы. „То-то жъ, чоловиче, шо я не скажу, то усе на правду выйде.“ А ти люде повставалы у ранци, глянулы на пичъ, ажъ теля лежыть и ти ногы биля ёго. „Цуръ ёму, кажуть, дывысь, яке мале, та вже и чоловика изъило! Воно и насъ пойисть Та за ногы ёго, и убылы.

(Гупаловка Новомосковск. у.).

Якъ жинкы чоловикивъ дурять.

Ходывъ чоловикъ у чумацтво, а жинка тымъ часомъ зъ салдатомъ злягалась. Отъ разъ зійшлысь воны, колы це чоловикъ зъ дорогы у двиръ. Шо ёго робыты? Вона швыдче того солдата пидъ пилъ тай зависыла ряднomъ. Чоловикъ ось управывсь на двори, увійшовъ у хату, „а давай, жинко, вечеряты!“

Сказавъ та, звисно, якъ мужыкы, николы несяде, шобъ збоку, або на ослони, а лизе за стилъ, ажъ пидъ святи, до порога очыма: такъ отто и випъ. Подала вона, шо найшлося, ажъ ось сусида шасть у хату. Та и накывала йий шо таке тай таке, а сусида вже и догадалась, бо й сама не зъ тыхъ грошій. Заразъ пидсила до чоловика тай ну ѐго забалакуваты, шо якъ-то жинкы чоловикивъ дурять, покы ти у дорози. „Ну мене бъ, каже чоловикъ, чорта бъ зъ два одурыла."—Та хочешъ, я тебе ось заразъ у вичи одурю? Сміетьця той: „а ну, каже, ну!"—Ось дывысь. Та взяла зъ полу рядно, шо за нимъ салдатъ сыдивъ, разпиьяла на рукахъ ѐму передъ очыма та: „ось дывысь, куме, такъ и одурю." Розпына те рядно, а сама до порога, до порога, а салдатъ те жъ зухъ непослидній, догадавсь та по за рядномъ, по за рядномъ и соби до порога. Видчынила хазяйка двери, а салдатъ у сины, та хода. „А шо, куме, оттакъ якъ бачышъ, такъ и одурыла. На, кумо, твое рядно та зависъ зновъ квочку, хай вона свитла нежахаетьця, а мени пора до дому.

(Мануйловка Новомосковск. у.).

Якъ чоловикъ у коробку стукавъ.

Иде чумакъ тай набачывъ таку гарну молодычку та и каже йий: „шо ты, молодычко, озьмешъ, якъ зъ тобою переночуваты?"—Оддасы уси гроши, то и буде по твоему. Той согласывсь и прыходе у почи. А йийи чоловикъ дома. Отъ вона и розстогналась: така хвора, така хвора, шо хочъ ты йий и свичку становы. „Може, каже чоловикъ, шо поробыть, або по бабку сходыть?"—Та ни, каже, мени здаетьця, якъ бы ты узявъ коробку, ходывъ коло хаты та стукавъ у нейи, то бъ може полегшало. Той за коробку та зъ хаты, ходе, стука, а вона ну зъ тымъ чумакомъ гуляты. Отъ на другый день пишовъ чумакъ до церквы та то заплаче, то засміетьця. А чоловикъ тийи жинкы и пыта ѐго, чого це винъ такъ чудно богу молытьця.—„Нельзя, каже, сказаты, бо мене тутъ убьють."—Та скажы бо, я нездешній. Той довго и нехотивъ, а то и каже: „якъ згадаю, шо оддавъ за одну ничъ сорокъ тысячей, стане жалко, я и заплачу; а якъ згадаю, шо якъ чоловикъ у коробку стукавъ, то и засміюсь. Отъ той и догадавсь, на протывъ чого це, заклыкавъ ѐго до себе, одибравъ у жинкы гроши тай подилывъ поровну: половыну соби узявъ, а другу ѐму отдавъ.

(Алексѣевка Александровск. у.).

Старши жинкы.

Булы соби на сели два кума. Отъ разъ и загадують йимъ увъ обчество. Якъ одбулы воны тамъ, зайшлы у шынокъ, выпылы добре тай надумалы: „давай, каже одынъ, якъ будуть жинкы пытать, про шо у въ обчестви балачка була, то

скажемо, шо выйшовъ одъ царя вуказъ, шобъ жинкамъ надъ чоловикамы старшымъ буты."—Тай давай. А соцькому наказалы, шобъ завтра зараненько гукнувъ йихъ. наче зновъ увъ обчество. Отъ повертались додому таки понури; заразъ одна и пыта: „а шо, чоловиче, увъ обчестви було?"—Та таке, бодай ёму! прыйшовъ одъ царя вуказъ, шобъ жинкамъ старшымъ буты, а намъ шобъ васъ слухаты. „Э, такъ воно и буде, я вже давно це чула! Треба васъ лайдакивъ повчыть. На пляшку, та бижы прынесы долныка." Прынисъ винъ. „Заметы хату та давай вечеряты, сякый-такый!" Той и хату замивъ, и вечерю зибравъ, тилко сивъ, а вона: „нечуешъ, шо дытына плаче? заразъ мени колышы!" Колыше винъ, а вона сила за стилъ, горилку передъ собою поставыла и те, шо добрише. „Иды на, вышый чарку горилкы!" Дае ёму маненьку, а те усе сама выпыла. „Стелы подушкы!" Пославъ винъ, вона лягла та: „становысь прядыво мны!" Мне винъ, ажъ сопе." Ну теперъ, каже, лягай, та постой, вынесы мене на двиръ!" Сила на ёго верхы винъ и понисъ. Отъ на другый день: „топы, сякый-такый, хату!" А тутъ соцькый пидъ викно: дядьку, а дядьку, а идить увъ обчество!"—Шо жъ, каже, жинко, треба йты. „Та йды, волоцюго, та тилко ты мени у шинокъ зайдешъ, очи повыдераю."Отъ якъ мужыкы пишлы, а жинкы збылысь та: „а шо, кумо, чы ты чула вуказъ?"—Та чула; поздоровъ боже царя. „Шо жъ ты своему робыла?"—Та все: винъ и хату замита, и пичь топе, и вечеряты збера. „Э, кумонько, а я на своему такъ и на двиръ йиздыла."—Треба, каже и соби. А кумы позходылысь, похмелылысь добре, идуть ажъ выгукують. Тилко до воритъ, „эй жинко, видчыны!"—Охъ боже мій, вже мабуть вуказъ одминылы! треба бигты одчыняты. Чоловикъ у хату, „жинко, бижы по горилку!—А шо, чоловиче, хыба вуказъ одминылы?—А вы думалы, вамъ викъ пануваты? вже почалы на чоловикахъ и на двиръ йиздыты?—Та йийи за косы.

(Покровское Александровск. у.)

Якъ жинка чоловика квашу заставляла несты.

Побачыла разъ жинка, шо торговкы коло церквы буханци та коржи продають та добри грошi беруть, „дай, думае, и я." Отъ и каже чоловикови: „купы мени пудъ крупычатаго борошна, буду я булкы пекты та пидъ церквою продаваты." Той и купывъ. Якъ учынила жъ вона, то бодай тебе тилко! Баче, лыхо буде йий одъ чоловика, вона швыдче ти невдали булочки зновъ у дижу тай заквасыла. Отъ прыходе чоловикъ, вона ёму и каже: „знаешъ, чоловиче, шо я надумала? Адже-жъ пидъ церквою зъ булочкамы багато сыдять; а я вчыню лышень квашу, то такъ-то люде до хлиба мысочкамы розберуть!"—Робы, якъ сама знаешъ, каже. Отъ у ранци вона зновъ до ёго: „знесы, каже, мени дижу до церквы." А сама выбигла, выпсныла пьятака тай

кынула на воротяхъ, а тамъ увьязала ёму ту дижу за плечи, шапку надила, „йды, каже, я заразъ.“ Отъ тилко винъ на ворота, и побачывъ того пьятака, нахылывсь шобъ ёго узяты, а про дижу и байдуже... тилко нахылывся, а та вся кваша ёму на голову. Вона тоди якъ выскоче: „сякый-такый, занапастывъ борошна цилый пудъ!“

(Мануйловка Новомосковск. у.).

Б е ц ь.

Збираетьця чоловикъ до тестя у гости, а жинка и каже: „я, чоловиче, имъ паняньчку спечу.“—Та и спечы, каже, тай пишовъ зъ хаты. А вона тамъ така, шо сама и спекты некибитна. Узяла наколотыла сякого-такого, ажъ воно нiякого толку цема. Вона зновъ до чоловика: „чоловиче, я лучче хлибъ спечу.“—Тай печы. Втарабаныла вона у дижу и жытного—зновъ нема толку. „Чоловиче, я, каже, *беця* имъ спечу.“—Тай печы, каже. Навела вона повну дижу тай кличе чоловика: „иды поможы беця у пичь сажаты.“ Отъ вывернулы у двохъ ту дижу у пичь—тилко зашкварчало. Якъ спикся жъ той бець, „розбырай, каже, чоловиче, пичъ, бо такъ ёго невыймешъ.“ Розибравъ винъ, вытаскалы такъ-сякъ. Ссадылы того беця на воза и пойихалы. Отъ прыйиздять, „а я, каже, вамъ беця спекла.“—А ну, шо тамъ за бець? „Та невлизе у хату, треба одвирки вырывать.“ Вырвалы синешни, у хату непройде. „Ламайте, каже зять, и хатни.“ Розибралы и хатни, сякъ-такъ внеслы ёго у хату. Якъ сталы жъ йисты, а винъ якъ каминюка.

(сл. Павловка Александровск. у.).

Хвора жинка та дурный чоловикъ.

Захотилось одного разу жинци зъ чоловика посмiятысь та горилкы выпыты. Отъ вона и прыкынулась, наче бъ то хвора; лежыть, стогне, а чоловикъ сыдыть, люльку куре. Вона до ёго и озываетьця: „Мыкыто, чы ты то?“—Я. „Шо ты робышъ?“—Люльку курю. „Все люльку та люльку, а про *жинку* нема и думкы! Ты бъ пишовъ до кума та попрохавъ шобъ давъ чорного сiюго собакы поганять, то мени наче бъ полегшало.“ Пишовъ винъ до кума. „Доровъ, кумъ! чого я до тебе прыйшовъ?“—Скажешъ. „Дай мени свого чорного собакы поганять.“—Тай поганяй. Отъ винъ за тымъ собакою, а винъ на загату та якъ с ...., винъ забравъ те тай пишовъ. Прынисъ до дому, дае жинци. „Мм, ты такъ небудешъ; озьмы горщыкъ та поставъ у пичъ, та помишай моею ложкою, а помишай своею.“ Отъ винъ варе та помишуе. „А покуштуй, каже, може ёму солы треба?“ Винъ сёрбнувъ, „А шо яке, воно?“—Та погане. „Мм, колы вже тоби здоровому та погане, а мени хворiй и давно; выверны ёго геть та иды краще купы грушъ та меду.“ Купывъ винъ. „Да-

вай сюды, подай оттой глечыкъ." Винъ подавъ, вона посвладала усе те „Ну на теперъ звари та нокуштуй, а то и це переведешъ, якъ те." Винъ зварывъ йий. „Ну теперъ иды жъ поклычь бабу, та прынесы пивкварты." Клыкнувъ винъ бабу и пивкварты прынисъ; вона тоди сила зъ бабою гарненько тай выпылы ту и варену и горилку.

(Вербова Александровск. у.).

Дижа здижылась.

Була у чоловика жинка та така неохайна, шо ни коло себе, ни коло хлиба, ни коло чого рукъ педоложе. А дижу, якъ спече хлиба, то невыскромаде, необбане, та, такъ йийи запустыла, шо то выходыло пьятеро хлиба, а це всього тилко двое. Вона тоди до чоловика: „охъ мени лыхо, дижа здижылась, чоловиче, всього двое хлиба выходе; треба до попа, хай посвяте."—Та и хай. Отъ винъ прыйшовъ, роздывывсь, у чому тутъ сыла, ходе та прычытуе: „треба рукъ та ножа, такъ уньять буде дижа!" А той чоловикъ слухавъ-слухавъ, та якъ розибравъ вже и соби, каже: „треба, стерво, рукъ та ножа, то уньять буде дижа!" Та йийи за косы. Стала вона тоди знаты, шо дижи казаты, шобъ нездижувалась.

(Алексѣевка Александр. у.).

Якъ на печи вовны поменьша, то и полегша.

Це бъ то такъ ледача жинка казала, якъ нехотила вовны прясты. Каже: „шось мени, чоловиче, нездужаетьця; перечула я черезъ люде, шо якъ бы ты узявъ отцю вовну, шо на печи, та попалывъ, мени бъ полегшало." Чоловикови, звисно, шкода жинкы; пидпалывъ винъ у печи, и давай ту вовну шмалыты. Якъ попмалывъ вже зъ половыну, вона и каже: „бачъ, якъ на печи вовны поменьшало, то и полегшало! Годи вже, каже, чоловиче, шмалыты.

(Вербова Александровск. у.).

Чого вона нереве? бо йийи дома нема.

Купывъ чоловикъ корову, такъ жинка николы було йийи ни на пашу непожене, нестрине проты череды; якъ подойила, такъ и пишла соби. Отъ винъ баче, шо пропада корова, узявъ та и продавъ йийи, такъ шо и жинка не знала. Прыйшовъ вечиръ, винъ и пыта йийи: „А шо, здойила корову?"—Та здойила, каже. А йийи и блызько нечуты. На другый день зновъ пыта.—Та здойила, каже. И на третій тежъ. Эхъ, якъ ухвате жъ винъ йийи! „Якъ же ты, каже, дойила, шо я йийи уже третій день, якъ продавъ?" А вона дурна: „То-то я слухаю, чого вона нереве? бо йийи дома нема. [1])

(Мануйловка Новомосковск. у.).

[1]) Пословица: не въ чимъ (о чемъ) нереве? ажъ дома нема.

Святый Помотайло та Явдоха Святоха. (Ср. Рудч. II № 66).

Була така ледача жинка, шо й на сорочку чоловикови було ненапряде. „Я, каже, Явдоха-Святоха, мени грихъ прясты.“ То винъ було сердека справе соби кожуха та такъ лито и зиму у ёму и ходе. Отъ разъ выйихавъ, винъ косыты, ажъ иде пипъ, тай замитывъ, шо винъ безъ сорочкы. „Чому въ тебе, пыта, чоловиче, сорочкы нема?“ —Та у мене, каже, батюшка, жинка Явдоха-Святоха; каже, йий грихъ прясты. „А де ты жывешь?“ Той сказавъ. Отъ пипъ и подавсь до ёго. Увійшовъ у хату, а вона сыдыть на печи, трындыка та кабачкы луска. „Шо ты таке?“ пыта.—Я, каже, Явдоха-Святоха. „Чомъ же ты чоловикови на сорочку ненапрядешъ?“ —Та грихъ, каже; цилый тыждень у мене праздныкы. „Яки?“ —Въ понедилокъ родылася, у вивторокъ хрестылася, у середу на рукы злывалы, въ четверъ почеревыны пылы, у пьятныцю грихъ, субота—неробота, а тутъ недиля, отъ и тыждень увесь. „А я, каже, Святый Помотайло; ось я тебе розришу.“ Та йийи за косы та зъ печи, давай манижиты. „Въ понидилокъ, каже, пряды, у вивторокъ пряды, у середу пряды, у четверъ пряды, у пьятныцю помотай, а въ субботу поперы, пидмажъ тай спаты ляжъ.“ Та мотавъ вже йийи мотавъ, довго вона ёго згадувала. Було тилко загавкають собакы то вона: „а бижить, диткы, чи не несе чортъ того Помотайла?“

(Мануйловка Новомосковск. у.).

Жалислыва маты.

Выйихавъ чоловикъ зъ жинкою жаты и дытыну зъ нянькою узялы. Отъ та жинка и наказуе няньци: „гляды, якъ Иванька довго спатыме, такъ ты ёго вщыпны, а я прыбижу годуваты та трохы й спочыну.“ Отъ жнуть воны тай жнуть а дытына спыть тай спыть, колы це нянька гука: „маты, чы не пора Иванькы щыпаты?“ А чоловикъ почувъ та: „якого тамъ чорта щыпаты?“ Та якъ роспытавсь, влизло жъ тій матери.

(Мануйловка Новомосковск. у.).

Мачуха.

Оженывсь чоловикъ у друге, а у ёго та було двойко дитокъ. Отъ мачуха та такъ тыхъ сыритъ зненáвыдила, шо було, чы кишка шо переверне, чы сама, усе на дитей зверне, то батько йихъ и выбье. Отъ разъ и пидризавъ винъ вулыка, а мачуха пойила медъ та на дитей и звернула. Выбывъ йихъ батько, воны плачуть тай кажуть одне одному: „хочъ бы побачыты, якый тамъ медъ, шо за ёго насъ батько выбывъ; мабуть такый, якъ отце цяцька.—Ни, мабуть такый, якъ богы на покутти. Той чоловикъ почувъ та якъ розибравъ, та за мачуху.

(Черниговщина).

дeру стриху та те сало украду." Отъ той пишовъ у хату тай колядуе:

Сорока въ лиси,
Салдатъ на стриси,
Стриху дере,
Сало бере.

Хазяева слухають, шо якъ то винъ чудно колядуе. „А ну ше," кажуть. Винъ изновъ: „сорока въ лиси... Узявъ недохидъ тай пишовъ. Хватылысь люде сала, „це жъ, кажуть, колядныкы, бо винъ и казавъ, шо стриху дере, сало бере."

(Алексѣевка Александровск. у.).

Салдатъ танцюра.

Идуть два салдаты ярмаркомъ тай набачылы, шо жинкы полотна билять та сорочкы перуть. Заразъ и змовылысь покрасты. Отъ одынъ якъ майнувъ по ярмарку тай знайшовъ шапувала, ходе той зъ своею бруньквою. „Салдатъ до ёго: „пожалуста заграй минѣ."—Якъ же я тоби заграю? „Да вотъ какъ нибудь, я тебе приплачу." Прывивъ ёго до лисы, зачепывъ бруньку за пакилець та брунь, брунь, смыка йийи; оттакъ, каже. Той шапувалъ дава бруньказать, а салдатъ у бокы та:

Увесь свѣтъ проходилъ,
Такихъ музыкъ неводилъ.

Бабы дывлятьця и роты порозивлялы, а другый салдатъ уже пидлазе до полотенъ, такъ спыну выдно. Отъ танцюра ёму и гука пидъ танци наче:

Эй Ильку,
Прыгынай спынку!

А дали баче, шо тому Илькови уже никуды браты, бо повни рукы набравъ, винъ изнову:

А жиноча рубаха
Да не тотъ ли мѣшокъ?

Рукава завьяжи
Да что хочъ положи.

Дае тому на догадъ. Той тоди убгавъ усе въ жиночу сорочку, рукава завьязавъ, бувъ такый та и нема.

(Алексѣевка Александровск. у.).

Салдатъ молебенъ заказуе.

Заказуе салдатъ молебенъ, а дякъ и пыта: „якый тоби, зъ акахвыстомъ?" —Да недюже закатистой, такъ копѣекъ на десять.

(Алексѣевка Александровск. у.).

Беры зъ тыну.

Ишло двое салдатъ тай наглядилы, шо на тыну полотно высить. Хотять воны ёго узять, такъ ніякъ, скризь люде. „Пидожды, каже одынъ, я пиду ихъ закгавлю, та якъ крыкну, „беры зъ тыну," ты и беры." Отъ прыходе до чоловика, а чоловикъ теше. „Шо це ты тешешъ?" Берестыну, каже. Той салдатъ у бокы, ну танцюваты та выкрыкуваты: „беры зъ тыну, беры зъ тыну." Та забавлявъ, ажъ покы той и полотно поволикъ. Кынулысь до полотна.—А сякый такый, винъ и казавъ: „беры зъ тыну".

(Алексѣевка Александр. у.).

Салдатъ на исповѣди.

Сповидаетьця салдатъ и чуе, шо у батюшкы часы дзенькають. Винъ взявъ тай укравъ йихъ. „Отъ, чымъ ты гришенъ, пыта батюшка."—Та часы укравъ."—А ты оддай. „Звольтесь, каже.—Та ни, не мени, а тому у кого укравъ. „Та я дававъ, такъ небере."—Ну такъ прощаетьця, каже, и розришаетьця. Та якъ довидавсь до часивъ, „винъ же, и казавъ, шо я дававъ, а винъ небере!"

(Алексѣевка Александр. у.).

Салдата чортъ посылаетъ.

Хотивъ салдатъ у чоловика сало украсты, полизъ на бантыну тай обирвавсь зъ лантухомъ, а хазяйинъ почувъ тай выйшовъ. „Хто тутъ такый?"—Да вотъ, хозяинъ, прислалъ чортъ тебѣ сало. „Шо ты, крый мене боже! хыба я зъ чортамы знаюсь? несы ёго геть, де й узявъ."—Ну такъ поддай. Хазяйинъ ще ёму и пиддавъ.

(Алексѣевка Александр. у.).

Догадливый салдатъ.

Прыйшовъ салдатъ на постой, далы ёму вечеряты, усёго, шо й самы йилы, тилко вареныкивъ недалы. Винъ и заглядивъ, шо воны на полыци стоять тай давай плесты. „Отъ якъ у насъ строять хаты, такъ и сюда перегородка, и туда перегородка, и оттакъ, якъ поузъ вареныкы", та махъ на ти вареныкы. А баба зъ печи: „чы вы жъ давалы служывому вареныкивъ?" Треба було даты.

(Алексѣевка Александр. у.).

То въ ротъ, то въ лобъ.

Довелось салдатови на кватырю до старойи бабы, а чыейи та бувъ сынъ у службы. Вона ёго и розпытуе, якъ тамъ у ныхъ на служеніи. „Да какъ,

сть пуля у лобъ, одскочить, а въ ротъ, такъ проскочитъ."—Дай же же, шобъ моему сыночку, то въ ротъ, то въ лобъ, то въ ротъ, то въ лобъ.

(Большой Токмакъ Бердянскаго у.).

Салдатъ пшено толчетъ.

Идуть два салдаты базаремъ, а баба пшоно продае. Якъ бы йимъ того пшона украсты? Отъ одынъ пидходе до нейи та: „и какъ это пшано дѣлается?" А другый: „у, куракъ, вотъ какъ: та кулакомъ у пшано талкниц!"—Набравъ у рукавъ, та шобъ за пазуху пройшло, пиднявъ до горы руку та „та на-на-на!" Та знову: „талкниц, та на-на!" Набралы отто и пишлы. А баба вернулась додому та ще и хвалытьця: „а тамъ на базари таки дурни салдаты, що незнають, якъ и пшоно шеретуеться!"

(Алексѣевка Александр. у.).

Салдатъ Богу молится.

„Салдатъ, молысь Богу!"—На што? „Та шобъ Богъ здоровья давъ."—А дохторъ на што? „Ну такъ шобъ хлиба пославъ."—А царь на што? „Ну такъ шобъ гарну дивчину давъ."—А, вотъ за это, такъ стоитъ помолиться.

(Алексѣевка Александр. у.).

Городъ ушолъ.

Стоявъ салдатъ на часахъ, зайшовъ у свою будку тай заснувъ. А въ ночи якись шалтайи нийшлы тай затаскалы его зъ будкою, винъ и нечувъ колы, верстовъ за тры. Отъ винъ прокынувся, зыркъ, зыркъ, ажъ нема города, геть тилко мріє. „Що за бисъ, каже, и прыказу небуло, а городъ увойшовъ!"

(Екатеринославъ).

Салдатъ борщъ солитъ.

Прыйшовъ салдатъ на кватырю, дае ёму баба борщу, винъ и почавъ вередуваты. „Що у тебе, бабко, борщъ несолоный!"—Та ось, служывый, заразъ пошукаю солы. Тилко одвернулась, винъ доставъ зъ кишени солы тай посолывъ, ажъ-ось и баба прыносе. „Нетреба, каже, я уже посолывъ".—Чымъ? пыта. „Та це у мене така ложка."—Продай бо мени ийи. „Давай сто рубливъ." Зторгувалысь, заплатыла баба гроши. „Ну теперъ, каже, навчить, якъ нею орудоваты."—А ты поминай та кажы: „салены, малены, прыйде дидъ зъ стену, будуть баби бухапы." Адже жъ и булы буханы.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Будемо йисты та не вси.

Иде салдатъ, ажъ чоловикъ кашу варе. Винъ и прымостывс. каже, кипи, кипи, кашка та будемъ тебе ѣсть." А хазяйинъ ёму: „буд не вси".—А хыба ты нехочешъ?" каже салдатъ. Отъ силы йисты, чоло. и каже: „роскажы, служывый, якъ у васъ тамъ на войни".—Э, каже, ка. ѣдятъ, неговорятъ." Отъ уже и попойилы, той чоловикъ знову: „ну теперъ роскажы".—Э, каже, поѣдятъ, пестоятъ. Тай подавсь соби.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Салдатъ та пьятныця.

Поставылы салдата до мужыка, а саме упала пьятныця, винъ и давай вередуваты: подай ёму скоромыны. „Та теперъ же, кажуть ёму, у насъ пьятинка, грихъ скоромного!" Какая тамъ пьятинка, покажъ мени йийи. А на той танець та стоялы у сели цыганы зъ ведмедямы, чоловикъ йихъ намовывъ, тай повивъ салдата туды. Прыводе до ямы, де саме главный ведмидь седивъ та и каже: „Ось, каже, оттутъ дывитьця." Салдатъ до ямы, „эй, крычыть, пьятинка, выходи!" Колы це ведмидь якъ дряпоне ёго, а винъ навтикы. Вижыть, ажъ иде свыня зъ поросятьмы, винъ картузъ зъ себе та кланяетьця йий. „Здрастуй, каже, пьятинка зъ маленькыми пьятенятками." Тай шапкуе передъ нею. Отъ прыйшовъ на кватырю. „А шо, служывый, чы бачывъ пьятинку?"—Ну да и сердитая, говоре; давай, хозяйка, што Богъ послалъ.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Не прозивавъ, а продримавъ.

Найшлы цыганъ съ батюшкою гроши, тай неподилятьця. „Давайте, цыганъ каэ, хто кого перезива, того и гроши." Отъ заходылысь, зивалы, зивалы, перезивавъ батюшка цыгана. „Э, ни, каэ цыганъ, давайте, хто кого передрима, того и гроши." Отъ батюшка заплющывъ очи тай справди дрима. а цыганъ зыркъ, баче шо батюшка заплющывъ очи, за гроши тай подавсь; Оглядивсь батюшка, „оттакъ, каэ, непрозивавъ, такъ продримавъ!"

(Алексѣевка Александров. у.).

Цыганъ дѣтей морозитъ.

Було у цыгана багато дитей, а годуваты ничымъ, отъ винъ одягсь добре тай каже: „а йдить диткы за мною." Вывивъ йихъ на лидъ, самъ лигъ на лёду та до ныхъ: „давить мене, каже, диткы, вси, хай я тутъ пропаду, бо немаю, чымъ васъ годуваты." А диты жъ голи, звисно плащувати, позлазылы на ёго, давылы, давылы ажъ покы и самы подубилы. Винъ тоди уставъ, поскыдавъ йихъ геть, пишовъ соби.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Цыганъ та поварь.

. поварь, де бъ до пана статы, тай стрива цыгана. „А куда ты йдешъ?“ .цыганъ.—Та шукаю миста; я поварь. „Та и я, братику поварь; хоу мисти.“ Отъ прыходять до одного пана. „Хто вы, пыта, таки?“—Я, поварь.—А колы ты поварь, такъ скажы, шо у поросяты смачнише?“—Якъ добре прыпечешъ, такъ шкурочка, пане. „Такъ,“ каэ, тай нанявъ ёго. А цыганъ: „э, теперъ я знаю, шо казаты“, тай пишовъ до другого пана. „Найміть мене, каэ, я поварь. „А колы ты поварь, такъ скажы, шо у зайця смашнише?“—Шкурочка, пане, якъ добре прыпечешъ.

(Алексѣевка Александр. у.).

Цыганъ та осы.

Покумавсь цыганъ изъ пасишныкомъ, той нагодувавъ ёго медомъ, цыганъ и упадывсь. Тилко забажаетьця ёму меду, винъ заразъ за дытыну та до кума. „Погодуй, спасыби тоби, ёго медомъ, а то усю ничъ усе кавчало: ме тай ме, а къ свитови вже сказало меду.“ А тій дытыни може тилко третій день. Тому пасишныкови вже и набрыдло. Отъ разъ цыганъ прыходе, просе меду, а кумъ ему: „та николы, полизь бо, будь ласка, самъ на горище тай пиддерешъ, тилко гляды нелыхословъ.“ А у того чоловика на горищи та завелысь осы. Отъ полизъ цыганъ, а кумъ и драбыну одставывъ. Винъ до того осыща, ажъ осы тилко дзз! „Богъ зъ вамы, Богъ зъ вамы.“ Отъ одна якъ джолкгоне ёго, винъ тоди „Господь зъ вамы, Господь зъ вамы.“ Воны дужче, винъ: „а розтакъ-перетакъ!“ та до драбыны. „Подай, крычыть, куме, те!“ Цыганы жъ незнають, якъ драбына зветьця, бо йийи йимъ у шатри, то не треба.—Та шо податы? пыта кумъ, тай подае дрючокъ. „Та ни, отте!“ Отъ якъ вже добре допеклы ему, кумъ и пидставывъ драбыну.—Хыба, каже, драбыну?—Та драбыну, сякый-такый! Тай недождавсь драбыны такъ и бехнувъ зъ горища.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Цыганъ та бджолы.

Каже разъ чоловикъ цыганови: „колы хочешъ меду, такъ полизь, онъ тамъ я у верби бджолы пазнавъ, то пиддерешъ; тилко пообищай шо небудь Богови, шобъ Богъ помигъ.“ Отъ цыганъ заразъ: „святый Мыколай, поможы мени, я тоби свичку таку поставлю, якъ киньська нога.“ Отъ зливъ, а бджолы якъ обаранылы ёго, летыть винъ зъ вербы. Бебехнувъ тай каже: „жды теперъ, Мыколаю, свичкы хочь тры годы.“

(Мануйловка Новомоск. у.).

Цыганъ батька хова.

Вмеръ у цыгана батько, винъ и пишовъ до попа. „Поховайте, батюшка, мого тата, лежыть на лавци, якъ Спасъ, и бороду розпасъ, бровы його хвалировани, на бумаги намальовани, жовтый якъ воскъ, ладаномъ и пахне." Запросывъ зъ его пинъ десять карбованцивъ. „За що? За те стерво, за ту падлюку? Лежыть на лави, якъ головешка, вытрищывъ зубы якъ скажена собака! Отъ що, батюшка, я тоби батькивське тягло оддамъ." Пинъ же дума, що воно може хочъ яка скверна шкапынячка, тай поховавъ. Отъ и требуе плату. Выносе ему цыганъ таку здоровенну люлу. „Отце, батюшка, його найлучче тягло було: усе тягъ, сердешный, ажъ щокы и зубы защипывъ."

(Гупаловка Новомоск. у.).

Цыганъ та журавли

Пославъ панъ цыгана однесты пару журавлыкивъ до другого пана, та дае ему ще и пысьмо. Отъ цыганъ вынишовъ у степъ, ажъ у гори десь крякають журавли, а цыганъ що у его въ рукахъ и соби до ныхъ озываютьця. „А що, хыба у тебе тамъ батько е?" А журавлы дужче. „Ну такъ леты погуляй та не барысь." И пустывъ одного. Вже винъ ждавъ, ждавъ того журавля, нема его, пишовъ винъ зъ однымъ. Прыходе и оддае панови те пысьмо и журавля. Панъ прочытавъ пысьмо, „А де жъ, цыгане, другый журавель?" — А у пысьми, пане. „Якъ такъ?" — Та це жъ вамъ ось одынъ, а другый у пысьми записаный, отъ вамъ и двое.

(Мануиловка Новомоск. у.).

Цыганъ та панъ.

Стоитъ панъ у церкви, а мужыкъ и побачывъ, що по пановий лыси воша лизе; знявъ йии тай показуе панови мовчкы: той и тыцъ ему рубля. А цыганъ усе те побачывъ, та зараз ийимавъ у себе вошу, показуе панови та ище пошептомъ: „Пане, воша!" А вси и чують. „Ну, каже панъ, прыходь до мене у двиръ." Панъ же винъ тамъ [illegible].

(Мануйловка Новомосковск. у.).

Цыганъ старшыною захотивъ буты.

Бувъ у однией жинкы сынъ, та такый неввважытелный, що треба йии йиты у волость прохаты, щобъ його выбылы. Отъ якъ попросыла, тай стало йии сына шкода; йде вона журытьця, ажъ иде цыганенко. „Чого ты, бабо, журышся?" — Та якъ же мени не журытьця, що мий сынъ неумие ни чытать, ни пысать, а хотять його старшыною наставлять. „Э, бабо, я жъ умию и чы-

тать и пысать, скажы, спасыби тоби, що я твій сынъ." —Такъ ходимъ до волосты. Отъ прыйшлы, старшыны и пытають: „[illegible] твій сынъ?" — Мій, мій, каже. „А це твоя маты?"—Моя, батечкы, моя. „А ну хлопцы!" Тутъ пидскочылы соцьки та десяцьки, розтяглы его. Якъ розтяглы, выбылы добре, цыганенко уставъ та: „це мени не маты, а скажена собака."—Бачте люде добри, каже баба, винъ и пры васъ, та якъ мене понесе. „Кладить ще!" Та былы, покы неночавъ голосыты: „ой ненько моя ридненька!"

(Тр[illegible]мсынивка Александр. у.).

Якъ цыганъ оправдывся.

Завивсь цыганъ зъ чоловикомъ бытысь, чоловикъ же его цыпомъ, а цыганъ его батогомъ, та такъ той чоловикъ цыгана уходывъ, що й двирь нымъ увесь зволочывъ. Отъ люде и давай цыганови смиятысь. „О, батечкы, винъ мене колы-неколы цыпомъ улуче, а я его батогомъ тилко шасть та попасть."—Та, кажуть, винъ тобою увесь двирь зволочывъ? „Де тамъ, батечкы, увесь двирь! потягны тай заверны, потягны тай заверны."—Та ще й бывъ, ажъ цилисинькій день! „Колы жъ тамъ, батечкы, цилисинькій день! тутъ и свитае, тутъ и смеркае, тутъ и свитае, тутъ и смеркае."

(Тр[illegible]мсынивка Александровск. у.).

П р ы к а з к ы.

1. Гріється, якъ цыганськи диты: викно одсуне, [illegible] та и [illegible]

2. Цыганови у литку хата глыняною гоня.

3. Казала цыганка на сына: „я жъ тобе, сыночку, [illegible] серпомъ посыла!" А винъ ій: „[illegible] мене у [illegible], а тебе [illegible]."

4. „Хочъ дзюрь та не капъ" казавъ цыганъ, якъ заховався видъ дощу пидъ дерево.

5. „Даде, даде, грімъ кобылу убывъ!"—А маты де була? „Та по шматкы ходыла."—Чомъ же ты, суко, шиин въ шатеръ не затаскала? хай бы винъ тоди попогрикавъ.

(Новомосковскій у.).

ЖЫДЫ.

П р ы к а з к ы.

1. „Якъ було насъ сорокъ чоловика, вси парни хороси, а мижъ намы одно Иванце. Посидалы мы увъ одынъ возъ, то то насъ цилый обозъ, та поїихалы у Билого Царя городъ Аравану брать. Якъ почалы-жъ брать, якъ почалы-жъ брать, та набралы красаноцъ [illegible] ярмолке, ажъ цилыхъ пьятеро.

Якъ сталы-зъ вертатысь до дому, та въ лиси боиимося, шобъ насъ велыкый вовкъ невкусывъ. Цилу дорогу такъ и неспалы, бо нихто нехоче зкраю лягать, а Иванце взяло та докупы насъ головамы поклало, нестало крайнього, мы и поснулы. Прыходе у ранци Иванце. „Со, пыта, невкусывъ вовкъ?"-Ни, каземъ, тилко маненьки вовцыкы добре кусалы. (А винъ йихъ та поклавъ головамы у муравныкъ.) „Отъ якъ сталы йихаты дали, та захватыла насъ ницъ, мы заразъ наклалы гогоття, сыдымо, гріемось, а рабанъ намъ и кгыкглю (библію) пыта. А воно прыходе зъ лису таке голе, босе й простоволосе та до насого гогоття лапку и гріе. А рабанъ ему и казе: „цого ты таке голе, босе й простоволосе? На тоби сокырку та вырубай лыпку та попарь, обдеры та зплеты соби лапту." А воно пишло, та невырубало лыпку, та вырубало дубыпку, прыйшло до насого вогню та и паре. А рабанъ ёму: „та не вдересъ, казе."—Ни вдеру. „Та невдересъ."—Ни вдеру. Та якъ удрало насого рабана по пыци, такъ ёму и очи на кыкглю повыскакувалы."

2. „Охъ пакъ, якъ було-зъ я смилеве та дузе та возыло скризь крамъ! Отъ пойихало я у городъ. а назустрицъ мени музыкъ. Я ёму крыцу: „звертай!" А воно неслуха. Отъ я ёго батогомъ ба-ахъ! А воно зняло зъ воза лусню та мене цвохъ! Я такъ и поправылось. Со-зъ, воно якъ це побацыло, такъ побигло, якъ сказена собака, а мене повезлы у городъ, якъ пана."

3. „Якъ пойихало я въ Калапузово, та була у мене спра лосадь занедузала. Охъ тамъ я промоталось: вси спыцки, серныцки розгубыло, сами пацкы зосталысь".

4. „Якъ писло-зъ я на ярмарокъ зъ крамомъ тай засло у лисъ, а воно стойитъ у лису. Я-зъ думавъ, со то вовкъ, та санке на руку, ярмолке на другу та: „стій, нестій, насъ трое, мы небойимось." А воно все стойитъ, та такъ я стояло, ажъ покы ставъ билый день; роздывывсь, ажъ то горилый пень."

5. „Борохате, борохате, неходы коло моейи хаты, бо ты мени гроши вынувате. Якъ ты мени вынувате, то оддай, я буду багате; а якъ я тоби вынувате, то нехай тебе чортъ озьме, а я буду багате!

6. „Хто йиде?"—Гыдь (жидъ) „Шо везе?"—Стрямъ (крамъ).

(Александровскій у.).

Дурный жыдъ.

Вывизъ чоловикъ на базарь гарбузы, жыдъ побачывъ та заразъ до ёго „Со це воно?—Та це, каже, дрохвыни крашанкы. „А со зъ йихъ вылупытьця?" —А це хочъ самъ сядь, хочъ наймы кого, такъ лоша вылупытьця. „А со воно стое?"—Та давай пьять рублывъ. Отъ жыдъ и купывъ одынъ гарбузъ, а той чоловикъ ёму и каже: „гляды жъ, якъ прыйдешъ до дому, звелы жинци пичъ добре натопыты, та поклады на черини, тоди и сидай."—Отъ вернувсь

винъ до дому, наказавъ жинци топыты, а якъ розпеклась чыринь, винъ стаскавъ туды гарбуза тай сивъ на ёго. Сыдивъ, сыдивъ, ажъ покы той гарбузъ изникся тай осивъ пидъ жыдомъ. „Э, каже, це жъ воно запоротокъ, треба закынуты.“ Вынисъ на двиръ та якъ пошпуре у пустый погрибъ, а тамъ на той часъ та сыдивъ заець. Отъ якъ выскоче той заець, а жыдъ за йимъ: „Гы, гы, я твоя маты! гы, гы, я твоя маты!“ Дума, шо лоша. Гнавсь, гнавсь, набигъ на орачивъ, скынувъ сертукъ. „Хай, каже, цей сертукъ коло васъ полеже, а я побижу лоша доганяты.“ А у тому сертуци та булы гроши, ти орачи и забралы йихъ. Отъ бигавъ винъ, бигавъ, нездогнавъ, вернувсь по сертукъ, хватывсь, ажъ нема грошей. Винъ до людей, люде непрызнаютьця. „Такъ ходимъ, каже, до пана, панъ насъ розсуде.“ Пишлы до пана, панъ розпытавъ дило тай каже: „посады ты цего мужыка у тачку та повезы по рилли, винъ прызнаетьця.“ Отъ жидъ запригсь у тачку, потаскавъ ёго. Возывъ-возывъ, „а шо, каже, непрызнаешся?“—Та ни, каже, я небравъ. „Ой прызнайся, бо бачь онъ яка велыка гора, такъ и туды зтаскаю.“—Ни, каже, небравъ. Зтаскавъ жыдъ ёго и на ту гору, непрызнаетьця той. Повизъ винъ ёго до пана. „Ни, каже, пане, мабуть винъ исправди небравъ, бо бачте яка онъ высока гора, и туды ёго таскавъ, непрызнаетьця.“

(Алексѣевка Александр. у.).

Мужыкъ квочка.

То пропывсь чоловикъ такъ, шо ни-на-вишо я похмелытьця. Прыходе винъ до жыда тай просе стаканчыкъ. „А вылупы-зъ мени курцатъ,“ каже жыдъ.—Давай. Отъ жыдъ похмелывъ ёго и дае ёму сотню крашанокъ. „На, каже, та ходимъ до сарая, сядешъ тамъ и вылупышъ.“ Той чоловикъ ти крашанкы чы пойивъ, чы позакыдавъ, а тоди сарай запалывъ, бига навкругы та кр-кр-р! А жыдъ: „охъ, люде добри, дерзить квока, а то и квокъ згорыть!“

(Алексѣевка Александровск. у.).

Якъ жыдъ бороду позолотывъ.

Одынъ жыдъ та такъ розбагатывъ, шо незна вже, шо й выгадувать. „Хто бъ, каэ, мени бороду позолотывъ?“ А тутъ и найшовсь одынъ.—Я, каэ, позолотю. Отто договорылысь за стилко тамъ, той заразъ ростопывъ олыва у горщыку тай каэ: „стромляй сюды бороду.“ Жыдъ устромывъ, той майстеръ тоди и каэ: „ще забувъ одного прыпасу, пиду у лавку куплю, а ты, якъ мене довго небуде, такъ пытай тамъ, чы небачылы Такого, це мене такъ звуть.“ Отъ якъ пишовъ, тай по си поры, а жыдъ ждавъ-ждавъ, розбывъ горщыка, ажъ борода уся ёму у олыви зкыпилась. Тоди винъ держе

обома рукамы, бо якъ пусте, то скубетьця, ходе по лавка мъта: „чы небачылы Такого?“ Та тіею бородою до ныхъ.

(Алексѣевка Александровск. у.).

Якъ салдатъ жыда квачемъ ризавъ.

Набачывъ десь салдатъ жыда. „Я тебе, крычыть, зарижу.“ Та выхватывъ зъ мазныци квача тай пыля его по горлянци. Пылявъ-пылявъ тай кынувъ, бо вже жыдъ и мертвымъ прыкынувсь. Отъ якъ жыдъ уже очунявъ, та и хвалытьця: „ризавъ-ризавъ, недоризавъ; полапаю—кровъ тепе, понюхаю—смолъ воня.“

(Алексѣевка Александровск. у.).

Про нимцивъ.

1. Сыдыть нимець та воши бье, а чоловикъ его и пыта: „шо це ты робышь?“—Плехы (блохы) пью. „Чого жъ воны били?“—Та ще млади. „А чомъ же вочы нескачуть?“—Та ще глюпи.

2. Загулявъ нимець та такъ, шо ажъ два млыны пропывъ, а тоди на похмилля прыходе до дохторя та: „дывысь, каже, у мене у глотка болыть.“ Дохторь подывывсь, каже, невыдно ничого. „А ты дывысь лучче, може хочь одно крыло выдно?“

(Алексѣевка Александровск. у.).

Про руськыхъ.

1. Сыдыть у руського дытына въ колысци, а винъ люльку куре. Отъ воно: „тятя, дай и минѣ!“—Грѣхъ, стерва! „А Илюшка вонъ куритъ!“—Илюшка, слава Богу, самъ уже и аганьку выбьетъ, а ты што?“

2. Навчылысь руськи парни по херамъ балакаты. Отъ и змовляютьця: „Херъ-братъ!“—Херъ-чаво? „Херъ-над мъ.“—Херъ-куда? „Херъ-до дѣвокъ. А батько лежыть на печи та: „ахъ, сукины дѣти, а херъ-плети?“

3. Пыта руськый батька: „а когда, батя, тотъ вечеръ будетъ, што ни съ лавки слѣзть, ни на лавку влѣзть?“ А винъ якъ обжерся на Святъ-вечиръ кутти, тай доси згадуе.

4. Прыйшовъ руськый у церкву, купуе свичку. „По чомъ свѣчка?“—Пытакъ. „Настанишъ, настанишъ та и за три капѣйки аддашъ.“ Ему все одно, шо на базари.

(Мануиловка Новомосковск. у.).

Якъ руськи по нашому балакать вчылись.

Пишло трое руськыхъ по хохлецьки вчытысь. Отъ одынъ побигъ пидъ викно тай почувъ, шо сказалы „мы.“ А другый побигъ та почувъ: „ни за

се, ни за те." Третій же: „такъ ему и слидувало." Отъ идуть дорогою, ажъ чоловикъ зарizаной лежить. Поставалы воны, дывлятьця. ажъ-осъ бижыть становый; заразъ до ныхъ: „Хто убывъ?" А воны торкъ одынъ одного: балакай ты, мовъ, съ нимъ по хохлацьки. Отъ одынъ каже: мы. „За што?" А другый: ни за се, ни за те. „Якъ же вы смилы?" Такъ ему и слидувало, вже третій каже. Позабыралы йихъ.

(Гупаловка Новомосковск. у.).

Малая вина.

„Здрастуй!"—Здрастуй! „А дѣ ты былъ?"—На Дону. „Што жъ ты тамъ нашево Гришку видѣлъ?"—Нѣтъ, невидалъ. „А про ево слыхалъ?"—Слыхалъ. „Што жъ ты слыхалъ?"—А што ево повѣсили. „За што?"—За шею. „Да за што?"—Да я жъ тебѣ говорю за шею. „Да я спрашиваю за какую провинность."—А такъ бы ты и говорилъ! Укралъ у хахловъ захальницу (кадило), да большую клопотальницу (книгу), да ту ложку, што попъ хахловъ кормить. „Ишь за што! Вотъ мой батюшка укралъ семь паръ лаптей плетёныхъ, да семь заведёныхъ, да и то неповѣсили; а тебѣ видишь ты за што!"

(Алексѣевка Александровск. у.).

Икона Масляница.

Загулялы руськи на масляну та такъ-то, що и у пистъ увалылысь, та вже ажъ на третимъ, чы що, тыжни и схаменулысь. „Согрѣшили, кажуть: давай икону въ церкву справимъ."—Какую жъ икону? „Да икону Масляницу." Отъ де вже воны не ходылы по малярахъ, нихто не зробыть имъ тии масляныци спысаты. „Пойдёмъ, кажуть, до хахловъ." Отъ [illegible] ходе зъ ковызкою. „Чого вы?" пыта.—Да вотъ хотѣли икону масляницу укупить, да незнаемъ дѣ. „Та я вамъ продамъ." Сѣлы и [illegible]. Сторгувалысь, дидъ выбравъ чыстеньке на леду мистечко, якъ учеше [illegible], такъ селезень и [illegible]. „Ось, каже, явылась: вырубуйте тии берегъ, та глядить, щобъ невтекла." Забравъ гроши, пишовъ. А воны-то дывуютъ, яка та масляныця квитчаста. Отъ вырубалы, положылы у мишокъ, несуть. И упало десь имъ ночуваты. „Ну дѣ жъ ее положить?" одинъ говоритъ, „что у [illegible]." Уклалы тай старабанылы [illegible] на ничь. Повставалы у ранци, ажъ тилько мокренько.

(Алексѣевка Александров. у.).

Касилъ, чортъ меня насилъ.

Иде руськый на косовыцю, дви косы несе и сопилка за [illegible]. Отъ стрива его чоловикъ та: „де це ты идешь?" Косить. „А дви косы на

шо песешъ?"—Да одна утомится, я другую возьму. „А собачка чого?"— Буду обѣдать, будетъ кому косточки збирать. Отъ и косовыця ще неодійшла, тягне винъ назадъ, всылу ногы волоче. Перестрива знову ёго той чоловикъ. „Де це ты, пыта, бувъ?"—Да косилъ, чортъ меня носилъ. „А собачка де?"—Да зъѣлъ.

(Алексѣевка Александров. у.).

Панъ та мирошныкъ.

Зайихавъ панъ у млынъ та: „Здрастуй, мирошныкъ!"—Здрастуйте, пане. „А чья это мельница?"—Та чые, пане. засыпано, того и мелетьця. „Да нѣтъ, я спрашиваю, какая это деревня."—Та усяка, пане: есть и дубына, есть и осычына. „Да нѣтъ, я спрашиваю, хто у васъ старшій."—А, вамъ старшого? паняйте жъ на край села, то тамъ вамъ буде нова хата, а стари ворота и собака Жучка, а у тій хати жыве баба; одъ нейи у насъ нема никого старишого. „Да нѣтъ, я спрашиваю, хто у васъ выщій."—А, вамъ выщого? ажъ-айгонъ стойить тополя, одъ нейи у насъ нема выщойи. „Эхъ дуракъ, я тебѣ по уху заѣду!"—Зайидьте, зайидте, пане, маты и вареныкивъ наварять. Плюнувъ панъ и подавсь. Отъ на другый день набравъ той мирошныкъ вивса, вывизъ на ярмарокъ, та порозставлявъ лантухы скризь по колоди. Набига на ёго знову той панъ. „Што это ты продаешъ, авесъ?"—Ни, пане, не увесь, ще и дома есть. „Да нѣтъ, я спрашиваю, почомъ онъ?"—Та онъ, бачте, каже, по колоди. „Да ты дуракъ не вчерашній?"—Ни, пане, маты казалы, шо ось скоро мени вже трыдцять два годы буде. „Ну, каже панъ, зъ тобою зчепысь, то и ярмарокъ пробалакаешъ."

(Алексѣевка Александр. у.).

Якъ сукно выйшло.

Набравъ панъ тры аршыны сукна тай пыта кравцивъ, чы выйде зъ ёго чумарка, штаны та жылетка? Кравци кажуть, невыйде; ажъ ось одынъ йиде зъ аршыномъ, панъ и цього пыта.—Выйде, каже, ще й аршынъ вамъ зостанетьця. Отъ договорывъ винъ того кравця. „Теперъ, каже, йды спочынь, а завтра и за роботу." Той закусывъ, спочывъ, сукно те гарненько зложывъ, узявъ пидъ полу, пишовъ соби, а аршынъ панови покынувъ. Хватывсь панъ— ни кравця, ни сукна, лежыть тилко одынъ аршынъ. „А бодай тебе, каже. Винъ же й казавъ, шо сукно выйде, а аршынъ останетьця."

(Алексѣевка Александр. у.).

Ткачъ у пекли.

Прыйшовъ ткачъ у пекло та якъ почавъ свій верстатъ таскаты та складаты! Носывъ вже, носывъ, отъ чорты и пытають: „чы все, чы ще е?" —Та

ше не все, забувъ, каже, *цвака* та *блята*. А чортамъ учулось, шо винъ каже, свата та брата. „Геть же, кажуть, зъ пекла, бо ше якъ и у свата та у брата стилко прыпасу, то и намъ у пекли миста небуде.“ Тай прогналы ёго. (*Цвакъ*. палочка въ ткацкомъ челнокѣ, на которую надѣвается шпулька (цивка) съ нитками, а *блять*, рѣшетка въ лядѣ, которой прибивается пидтканння.)

(Алексѣевка Александр. у.).

Якъ стрыжій чоловикови вуха пообризувавъ.

Стрыже стрыжій чоловика, достры́гъ до вуха тай пыта: „чы тоби вуха треба?“—Треба, каже. Стрыжій одризавъ те вухо тай дае ему: „на, колы треба.“ Отъ достры́гъ до другого. „А цёго, каже, треба?“ Той вже боитьця казаты, шо треба, та: „нетреба,“ каже.—А колы нетреба, такъ оттамъ ёму мисто!“ Одризавъ тай кынувъ до порога.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Баба розйихалась.

Йиде чоловикъ тай наздоганя бабу. „Сидайте, каже, я васъ пидвезу.“—Та николы, сыну, сидаты, треба йты. „Та сидайте, намъ по дорози.“ Посадывъ винъ йийи, ось прыйихалы. „Вставайте, бабо, вже дома!—Ой та и розйихалася я, шо и невстану. Яка, каже дали, чудасія! наче й на однимъ мисти сыдила, а де треба и выспила.

(Алексѣевка Александр. у.).

Чоловикъ та чортъ.

Поставывъ чоловикъ пидъ Велыкдень вершу, а у нейи та утаскавсь чортъ. Отъ прыйшовъ той чоловикъ трусыты, а чортъ ёму: „пусты мене, каже, я чортъ.“—Ничого, каже, зйидятъ диты зъ хлибомъ. „Та я нечыстый.“—Жинка, каже, побане, то усе борщъ ласнишый буде. Такъ чортъ и давъ ёму мишокъ грошей.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Школяръ та мужыкъ.

Йиде чоловикъ воламы а школяръ бижыть „Пидвезы, дядьку.“—Сидай. Отъ треба йимъ десь черезъ дуже калну балку йихаты, волы й загрюзылысь, та такъ, шо тилко одно ярмо на сухому. „Полизь, винъ каже школяреви, по війямъ та скочышъ на сухе и волы выведешъ.“ А той школяръ уже у ёго и сокыру укравъ, та якъ злизъ на сухе, каблучку перерубавъ, волы жъ зъ ярмомъ выйшлы, а той чоловикъ такъ у калюци й зостався. Отъ треба

тому школяреви ночуваты, винъ и упрохавсь до того жъ чоловика. Той и пизнавъ ёго. „Пидожды жъ, дума, я тоби дамъ.“ Отъ и пыта ёго: „чы ты грамотный?“ — Грамотный, каже. „А колы грамотный, такъ скажы що це?“ Тай показуе на книжку. „Кныжка, каже.“ — Брешешъ, каже, чыстота, чыстота (бигота), та ёго за чуба. „А це що?“ показуе на стелю. — Стеля. „Брешешъ, высота, высота,“ та знову ёго за чуба. „А це що?“ показуе на вогонь. — Вогонь, каже. „Брешешъ, красота, красота,“ та ще за чуба. „А це що?“ показуе на кендюхъ. — Кендюхъ. „Брешешъ, богъ,“ та знову скубе. „А це що?“ показуе на ковбасы. — Ковбасы. „Брешешъ, святи.“ Та ёго добре наскубсь, повечерялы тай полягалы спаты. Отъ школяръ уставъ, кыцци до хвоста головешку укрутывъ тай пустывъ на горище, кендюха забравъ тай гукае: „прощай, хазяинъ, оставайсь ты зъ святымы, а я пиду зъ богомъ; та гляды, узяла чыстота красоту та понесла на высоту.“ Тай пишовъ собі. Прокынувсь той хазяинъ, ажъ хата горыть и кендюхъ забрато.

(Мануйловка Новомоск. у.).

По другому пересказу:

(Когда положылысь спать,) хазяинъ якъ репне. „Отце, каже, постелы.“ — Спасыби. А дали у друге. „А це, каже, тоби у головы.“ — Спасыби. Колы це и у третѣ, „а цымъ, каже, укрыйсь.“ — Спасыби. — Вставши школяръ кромѣ предъидущихъ продѣлокъ еще и накоститъ ему на покути и говорить: „а одежу я на покути склавъ“ и уходитъ.

(Мануиловка Новомоск. у.).

Жыдъ та роботныкъ.

Пойихавъ жыдъ у дорогу, соби харчивъ набравъ, а роботныкови ни. Отъ каже жыдъ: „я буду спидаты.“ — А я, каже роботныкъ, буду с..ты. „Хиба жъ ты неперетерпышъ?“ — А ты хиба нехочешъ терпиты? Отъ жыдъ булку йисть, а той валя. „Я тебе, каже жыдъ, буду позываты.“ Тай позывай. Пишлы у волость, жыдъ и жалиеться: „слухайте бо мене, винъ с..е, а я йимъ, винъ с..е, а я йимъ.“

(Мануйловка Новомоск. у.)

Жыдивська вира.

Прызсогласыла шынкарь нашого, шобъ той перейшовъ у ихню виру. „Та я, каже, не знаю, якъ зъ вашимъ рабаномъ и балакаты.“ — А ты кажы: „пане рабанъ, наверны мене на жыдивську виру.“ „Добре,“ каже. Отъ пишлы до рабана, той и каже: „не..въ бы я, навернувъ бы я на жыдивську виру.“

(Мануиловка Новомоск. у.).

Нимци.

1. Хотивъ нимець сказаты: „барынъ мій барынъ, я тебе люблю, а ты на мене сердышся,“ та: „баранъ мій, баранъ, я тебе лупыть, а ты на мене с.. шъ.“

2. Бувъ у нимця яструбъ, такъ винъ нескаже яструбъ, та ясравъ. Отъ десь той яструбъ и залетивъ, ходе нимець шука. Ось иде мымо току, молоте чоловикъ, а тому чоловикови та тіейи ночи шось на току напаскудыло. Нимець ёго и пыта: „чы небачывъ ты тутъ ясравъ.“— А сякый-такый, такъ це ты мени напаскудывъ? Та за йимъ.

(Мануйловка Новомоск. у.).

а) Прыйшлы люде дивчины свататы тай пытають: „де батько?“—Та прыходывъ, каже, Чортъ зъ Лукошкомъ та взялы батька до Пидкупнёго на хрестыны. Ти слухають; а воно у тимъ сели булы таки мужыки: Чортъ, Лукошко та Пидкупній.

б) Везе чоловикъ огиркы, а панъ и пыта: „што це у тебе огиркы, штоли?“—Та зверху, пане, огиркы, а насподи штали.

(Александровскій у.).

Якъ мы зъ дидомъ багатилы, а батька ше на свити небуло.

Якъ жылы мы у двохъ зъ дидомъ, а батька ше на свити небуло, та була у насъ кобыла симъ верстъ довга та тры дни лыса (а на пьять локтивъ с...а запала). Отце я поведу йийи на Рогозянку пастысь, тилко за недоуздокъ а вона вже тамъ и пасеться. Та була у насъ корова (v. индычка) зъ однымъ, рогомъ и зъ одніею дійкою, та така була дійна, що мы зъ дидомъ выкопалы дука та такъ у дукъ и дойилы. Отъ наша корова тай упала у той дукъ, та якъ почала колотытысь, та наколотыла повенъ дукъ сметаны. Давай мы тоди ту сметану на возы класты та везты у Крымъ продавать. Якъ повезлы, та проминялы у Крыму на силь; почалы жъ вертатысь, якъ пишовъ дожчъ, пидмочывъ нашу силь, та якъ завелась у йий черва! а люде намъ и параллы збыраты ти сосульки, що якъ съ крышъ капа та замерзають, сушыты на колини, тоди товкты та ту силь пересыпаты. Зробылы мы такъ, пропала черва. Якъ вывезлы жъ мы ту силь на ярмарокъ та якъ продалы, та такого грошей набралы, що самы лычылы-лычылы та ше и людей наймалы. Отъ якъ сталы йихаты до дому, я жъ несу важныцю, роботныкъ мазныцю, а дидъ кобылу веде, та такъ и идемъ. И унало намъ у одніей бабы ночуваты, я жъ де спавъ, тамъ и важныцю забувъ. Кынувсь дидъ у вечери воза мазаты, ажъ чортма важныци: пославъ винъ мене йийи одшукуваты: „колы, каже, не найдешъ, то и до дому нейды.“ Отъ якъ пишовъ я йийи шукаты, знайшовъ

та якъ ставъ вертатысь, и захватыла мене ничъ. Я дывлюсь, стойить хатка на курячій нижци. Я въ ту хатку, ажъ тамъ Баба Яга Костяна Нога, а у нейи дочка, якъ картына. „Шо, кажу, бабо, можна зъ твоею дочкою переночуваты?"—Можна, каже, тилко я покуту наложу. „Яку?"—Выскочь, каже, на кочерзи голый зъ хаты. Я заразъ халатъ зъ себе, тай выскочывъ, ше якъ упавъ, такъ и дали трохы провизъ. А вона скурва баба зачынила хату тай непуска. Оставсь я на двори голый, и важныця тамъ, та шкода и халата, бо то бувъ такый халатъ, шо на ёму симдесятъ симъ латъ, дванадцять разъ перелыцёваный и було у ёму тры полкы вошей, на спыни стежку убылы, якъ до с....ы пыть ходылы. Отъ якъ пишовъ я, ишовъ-ишовъ, прыходю до кузни. Обійшовъ кругомъ. заперто, я взявъ та у дымарь и влизъ, а коваль якъ злакаетьця та одъ мене, а я: „постой, постой, чоловиче, роспытаймось." Вернувсь винъ. Розсказавъ я ёму про свое горе, винъ и каже: „ну, я нагрію клищв, а ты беры вершлягъ та пидемо халата выручаты." Отъ прыйшлы мы, „дай, кажу, бабо, я хочъ дочку на прощання поцилую."—Можна, каже, сынку. Тай выставыла у викно гепаку, а коваль йийи клищамы, а я вершлягомъ якъ огрію: „оддай, суча дочко, мій халатъ та важныцю." Вона взяла тай выкынула мени те все. Я забравъ и пишовъ. Ишовъ, ишовъ та вже третёго дня нагнавъ дида. Отъ вернулысь до дому, а батько саме народывсь и счисткы по двору волоче. Якъ почалы жъ мы ёго зъ дидомъ хрестыты, дидъ шыломъ у лобъ, а я макогономъ по потылыци, по потылыци, та такъ людей упойилы, шо у сылу до дому дійшлы.

(Ольшана; Богодуховскаго у.).

Небылыця.

Якъ було соби тры браты та поихалы у поле ораты, та забулы вогню узяты, посылають третёго дурного: „пиды ты до такого-то-онъ дида, попросы вогню." Прыйшовъ винъ. „Дай, диду, вогню."—Дай ногу загну. „Такъ болитеме."—Ну такъ давай казкы казаты; хто кому скаже, брешешъ, такъ тому одъ с...ы до потылякы вырызаты на тры пальци изъ шкуры кваціякы." „Давай, каже." Отъ дидъ брехавъ-брехавъ, некаже ёму дурень брешешъ. Почавъ дурень. „Якъ полизъ я, каже, на той свитъ, дывлюсь ажъ мій батько на твоему батькови йизде." Дидъ мовчыть. „Та наглядивъ я тамъ дви верби, полизъ я на ти вербы, ажъ тамъ два глечыкы сметаны. Заглянувъ я въ глечыкы, увъ одному ничого, а у другому богъ; я взявъ бога за бороду, выкынувъ, а смытану пойивъ, та ставъ думаты якъ мени на цей свитъ злизты. Піймавъ вошу. зсукавъ-коротко; я ше блоху доточывъ—ще коротко: прыточывъ ше маненьку гныду—саме у пору; я й полизъ. Та якъ обирвався, та на тры сажни у землю убывся. Вылизъ, дывлюсь, ажъ у бальци ведмидь

зъ чмелемъ бьютьця. Ведмидь каже: „поможы мини чмеля убыты, такъ повна балка меду набижыть.“ А чмиль каже: „поможы ведмедя убыть, то чоботы будуть.“ Подывывсь я, чобиткы у мене добри. Якъ заходылысь мы вдвохъ зъ ведмедемъ, въ сылу-въ сылу вбылы того чмеля. Якъ убылы, набигла повна балка меду; отъ я найивсь та захотилось мени пыты, ажъ, ось и озерце. Я взявъ черепокъ зъ головы знявъ, набравъ воды, напывсь, та коло себе ёго и положывъ. Колы оглядывсь, ажъ качка у ёму на крашанкахъ вже сыдыть. Я качку вбывъ, а крашанкы полетилы. Надивъ я черепокъ... Тутъ дидъ и невыдержавъ, „та брешешъ!“ каже. Знявъ ёму дурень на тры пальци квашіякы, набравъ вогню и пишовъ.

(Ивановка Павлоградск. у.).

Прыказкы.

1. Послухайте, паны, мою новыну, невишайте юпокъ на тыну, бо є въ мене дядько Мартынъ, тяга юпочкы кризь тынъ. Та була у мене титуся Марына та по мыру ходыла, та суслычкы-бублычкы збырала та мене молодця годувала. Якъ бувъ соби чоловикъ пророка, купывъ соби кобылу безъ ока та повивъ до жытнього стога сина йисты, а дитей пославъ кобылы глядиты. Прыйшлы диты, колы нема кобылы, тилко хвистъ та грыва та кобылы половына. Якъ йихала Хыма зъ Ерусалыма на рябій кобыли, а драбынастый хвистъ, та йихала вона черезъ мистъ, а мистъ обломывсь, а паска къ божій матери въ очеретъ покотылась. „Скыдай, матушка, запаску, лизь въ очеретъ по паску, а ты сыну надивай червони чобота та злизай на ворота та чытай божественни слова.“ Якъ летивъ шпакъ, казавъ такъ, якъ летила сыныця и то премудра птыця; летивъ горобець и то премудрый стрилець. Якъ летила сова та вздовжъ села, сила вона на гори, а въ долыни пивни бьютьця за сорокъ сорокъ, за сорокъ воронъ, за сорокъ горобцивъ та за тыхъ пьять, шо въ соломи сплять, та за тыхъ шисть, шо въ соломи есть, та за тыхъ чотыри, шо горохъ молотылы, та за тыхъ два, шо йихалы до млына. Туды йихалы воламы, а видтиль сырыми одудамы. Стоить ракъ небуракъ суслычкомъ пидперся, хустыною втерся, саломъ зарядывъ, а ковбасою выстрелывъ.

(Одинковка Новомоск. у.).

2. Якъ бувъ соби та немавъ соби, та взявъ соби затесавъ соби сына Свырыдона, та пойихавъ у поле ораты, та выоравъ тры опругы кваши, та посіявъ гирбули, та вродылы полуныци; по тры покрышкы продавалы та купылы въ тры погыбели сукна, та пошылы рантовый кожухъ та на тры ласточкы чоботы, та прышылы до подушкы видлогу.

(Трёмсынивка Александр. у.).

3. Якъ бувъ соби, та немавъ соби, та взявъ соби, затесавъ соби тесаного тесана, та пойихавъ у поле ораты, та забувъ тесаного тесана узяты. Та якъ посіявъ я коноплп, та зацвилы ракы, та пишлы бабы конопель браты та набралы симъ кипъ гречкы, та навьязалы папушу табаку, та насыпалы въ невшытый визъ сметаны, та рублемъ прытягнулы, та повезлы на базарь продаваты. Крычать: „по чоботы, по чоботы!“ та продалы хунтъ меду та гречанойи вовны за тры копійкы серебра.

(Трёмсыннвка Александр. у.).

4. „Скажы казкы!“—Не знаю. „Скажы прыказкы.“—Не вмію. „Скажы небылыци!“—Якъ бувъ соби, та немавъ соби, затесавъ соби нетесаного тесана. Якъ пойихавъ я сывымъ плугомъ ораты, та посіявъ семысаженнойи квашп, а вродылы вербы. Якъ полизъ я трусыты зъ ныхъ грушп, а посыпалысь ракы. Я жъ думавъ, шо то табакъ, та якъ узявъ тютюнъ вьязать голова въ голову, та продавъ по тры копійкы руно вовны, та пошывъ зъ папирныка воротныкъ, та такп выйшлы штаны-шаравары, шо насылу натягъ

(Ивановка Павлоградск. у.).

Докучныя сказки.

1. Просывсь подорожній чоловикъ зимою, де бъ пидночуваты; такъ де не попросытьця, усе заставляють казкы казаты. Усю слободу обійшовъ, а дали и дума: „дай скажу, шо знаю.“ Сказавъ, шо знае, его заразъ и пустылы. Далы повечеряты, „ну теперъ кажы казкы.“ Тилко, каже, неперебывайте, а хто перебье, тому и доказувать.—Добре, кажуть. Отъ винъ и почавъ: „Ходывъ я ходывъ, та прыйшовъ у вашу слободу, ставъ на ничъ просытысь, ажъ нигде непускають. Проказавъ це та зновъ: „Ходывъ я, ходывъ... А та хазяйка слухала-слухала тай каже: „шо це ты все однп та однiв, кажы ше другу.“—Э, титко, вы перебылы, вамъ и доказуваты. Та и почала: „носывъ десь катъ гостя, носывъ, тай до насъ занисъ; носывъ десь катъ гостя... А дочка: „та годи вамъ, мамо, вже скоро свитъ.“—Э, ты перебыла, тоби и доказувать. „Та шо, мени спаты хочетьця.“ Та якъ заспорылысь, та до свита спорылы, а той чоловикъ выспавсь тай пишовъ.

(Трёмсыннвка Александр. у.).

2. „Сказать тоби казку про тилькы?“—Скажы. „Отце жъ тоби и стилькы.“

(Вербова Александр. у.).

3. „Сказать тоби казку про дидуся?“—Скажы. „Отце жъ тоби и уся.“

4. Якъ бувъ соби царь Картавусъ та надивъ винъ картузъ, на картузъ гарбузъ, на гарбузъ дыню, а на дыню огурець, тай всій казци конець.

(Харьковщина).

Якъ чортъ одслужувавъ шматочокъ хлиба.

Бувъ соби убогый-преубогый чоловикъ и була у ёго маты старенька. Отъ разъ выйшовъ винъ у поле, чы на косовыцю, чы на другу яку работу, та взявъ соби тилко маненькый шматочокъ хлибця. Отъ люде снидають, и винъ поснидавъ, ще трохы й на обидъ зоставывъ, а чортъ прыйшовъ тай укравъ. Кынувсь чоловикъ обидаты, ажъ нема хлиба: плаче винъ, та такъ не йивши и дня доробывъ. А чорты якъ позлитались у вечери, давай хвалытысь. „Я, казъ одынъ, хвылею судно перекынувъ;“ другый: „а я багачеви у городи домъ спалывъ.“ „А я у бидного чоловика посл ндній шматочокъ хлиба укравъ.“ Тутъ чорты якъ напустятьця на ёго: „що це ты наробывъ? иды сякый-такый, заразъ одслужы ёму той шматочокъ. Такъ ёго нашпынялы, що треба ёму йиты. Прыходе винъ до того чоловика, „наймы мене, казъ.“—Та мени и самому ничого йисты; чымъ я тоби заплатю? „Та ничого, казъ, я тоби отъ за те бувало, це бъ то жлукто, буду служыты, а ты йды до пана та ставай на жыто, шобъ скосыты, перевезты и змолотыты; та неставай за гроши, або зъ коробкы, а ставай на вьязку, яку наберешъ та до дому донесешъ.“ Отъ пишовъ той чоловикъ до пана. „Давайте, казъ, пане, я на жыто до васъ стану.“— Та я, казъ, тебе давно жду; що жъ тоби дать? „Та давайте, пане, вьязку, яку я зъ роботныкомъ здужаю набрать та до дому донесты.“—Яку жъ ты тамъ вьязку наберешъ? ставай, краще зъ коробкы. „Ни, зъ коробкы нехочу, а такъ, якъ кажу, стану.“ Отъ и зробылы бумагу. Якъ пишлы жъ воны зъ чортомъ косыты, такъ тому чоловикови косытьця легко, утрое само лягa, само и згрибаетьця, само и вьяжетьця; за день и управылы ти пьятдесять, чы що, десятынъ. Отъ чортъ ёму и казъ: „Иды жъ ты на шляхъ та буде тамъ иты валка чумакивъ, везтымуть канаты, такъ забырай уси, кажы, тамъ гроши оддамо. „Пишовъ винъ на шляхъ, колы такъ, суне валка. „Кому це, пыта, канаты?“—Та тутъ, сказалы, хтось братыме (а тожъ чорты саме и булы) „Це, казъ, я.“ Воны повезлы за нимъ и звалылы, а гроши, кажуть, оддасы тоди, якъ будемо вертатысь. Отъ якъ почавъ чортъ вьязаты ту вьязку, якъ почавъ, такъ снопы, де якый не лежавъ, до ёго и летять. Якъ увьязавъ вже усе, „ну, казъ, дядьку, хочъ трохы пиддайте.“ Чоловикъ тилко за канаты, чортъ якъ ухопе ту вьязку, потырывъ и зъ чоловикомъ. А панъ дывытьця та: що це, що це, куды це ты усе жыто забравъ?“—Та у насъ же пане уговиръ такый, стилко я зъ роботныкомъ здужаю знесты, те и мени. Сказавъ та подавсь. Отъ сталы до слободы доносыты, сикнулысь у вулыцю, ажъ тисно, не влазе та вьязка. „Давай, казъ чортъ, тутъ за слободою выстружемо та наллемо тикъ, тутъ и змолотымъ.“ Якъ узявсь же чортъ, за день усе жыто и змолотывъ; тоди и казъ: „це вамъ, дядьку, за той шматочокъ хлиба, що я у васъ тамъ-то укравъ; давайте теперь мени мое бувало.“—Тай бери, казъ. А

у те бувало та улизла видъ мухъ ёго маты. Отъ чортъ якъ почувъ, що вже одслужывъ, якъ ухвате те жлукто такъ кризь землю и загувъ, и матирь ёго затаскавъ. Отъ и почавъ той чоловикъ по матери журытысь, ходе плаче, а чортъ узнавъ та и объявывсь до ёго. „Шо, каэ, жаль тоби матери?"—Та якъ же не жаль, що маты одна зроду. Тутъ ёму и явылась маты, а те усе, якъ жыто, якъ солома, якъ полова, все одразу де й подилось.

(Алексѣевка Александровск. у.).

Шисть разъ и одно. (Ср. Рудч. II № 11.)

Бубъ соби убогый чоловикъ та пишовъ десь на заробиткы. И ходыты неходывъ, и лежаты нележавъ, а ничого незаробывъ. Иде винъ до дому, журытьця. Колы це чортъ перекынувсь чоловикомъ, занявъ десь семеро свыней тай жене ёму назустричъ. Поздоровкалысь, розбалакалысь, чортъ и каже ему: „дай мени те, чого ты у своему доми незнаешъ, а я тоби отци свыни."—Шожъ, дума, таке у мене дома? жинка та кишка; добре, каже, давай свыни. Оддавъ чортъ ёму свыни, винъ и погнавъ йихъ. Вернувсь до дому, ажъ у ёго дома вже сынъ найшовсь. Ось черезъ годъ, такъ саме у глупу ничъ, прыбига той чортъ та пидъ викно: „Здоровъ тоби, одынъ!"—Одному худо жыть, той одказуе. „Здоровъ тоби, два!"—У двохъ посидаты та добре балакаты. „Здоровъ тоби, тры!"—У трёхъ за цинъ та на тикъ, добре саме молотыты. „Здоровъ, чотыри!"—Четверо пидъ возомъ колисъ, то добре було йиздыты. „Здоровъ тоби, пьять!"—Було у чоловика пьятеро дочокъ, свойи досвиткы, добре було спиваты. „Здоровъ тоби, шисть!"—Було у чоловика шисть паръ воливъ, то добре було ораты. „Здоровъ тоби симъ!"—Було у чорта семеро свыней та я й ти забравъ. Чортъ тоди и.....въ тай подавсь.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Чого чорты чорни.

Зпрежде вику чорты булы били, якъ цапы А то разъ чортъ и штырывъ (гнавъ) свыню; та въ барлигъ, а винъ за нею, та зпиткнувсь, упавъ и выкачавсь въ барлози. Тоди зхопывсь, побигъ. Ажъ, ось иде ёму назустричъ якыйсь святый чоловикъ. „Де це ты бижышъ?" пыта.—Та побижу, чы незнайду де глечыка, або водянкы ненакрытойи та незахрещенойи, та оббанюсь. Тоди той чоловикъ побигъ попередъ ёго та скризь хресты понапысувавъ, ажъ по усёму свитови. Отъ чортъ де не поткнетьця, усе захрещене, та такъ чорнымъ на викы и зоставсь.

(Ново-Григорьевка Александр. у.).

Премудрый Салыминъ та чорты.

Разъ Богъ та Святый Петро та Премудрый Салыминъ проходылы поузъ пекло. Отъ Премудрый Салыминъ и каже: „дай, Господы, я зайду у пекло, бо я тамъ зроду небувъ."—Иды, каже Богъ, та негайсь, бшоъ насъ не зоставсь. Отъ прыходе винъ у пекло и давай скрызь хресты пысаты, та до того допысавсь, що усихъ чортивъ увъ одынъ кутокъ збывъ. Давай ёго тоди чорты просыты, щобъ помылувавъ. „Поробитьця, каже, муравкамы та лизьте у пляшку". Воны уси поперекыдалысь тай поулазылы у ту пляшку, тилко одного Премудрый Салыминъ соби зоставывъ, щобъ на ёму Бога та Святого Петра догнаты. Отъ якъ поулазылы воны, винъ узявъ тай закопавъ йихъ у землю, та ще якъ? землею прытрусе та соломьяни хресты робе та кладе: шаръ землы и хрестъ, шаръ землы и хрестъ. Якъ захрестывъ, тоди якъ сивъ на того чорта, та якъ подавсь, то ще и йихъ перегнавъ. А той крывый, якъ вернувсь, заразъ нанявъ салдата. „Наймысь, каже, до мене хрестивъ зниматы." То чортъ землю одгорта, а салдатъ хресты знима. Та якъ одкопавъ, затычку вытягъ, воны такъ и загулы, якый куды улуче.

(Ново-Григорьевка Александр. у.).

Домовый.

1.

Гулялы разъ хлопци та дивчата у одніейи дивчины на досвиткахъ, а до тіейи дивчины та ходывъ парубокъ и вона ёго все у викно пускала. Отъ сыдять, гуляють, колы це щось и застукотило у викно. Та дивчина выбигла, ажъ йийи парубокъ; вона ёго и увела у хату тай посадыла биля себе. Винъ сыдыть, гостынцивъ йий дае та обнима йийи. Ось вона и лапнула ёго за задъ, а винъ у ёго холодный якъ лидъ. Вона змовчала та у друге лапнула, а дали давай у крыкъ, а винъ у викно, выскочывъ та и каже: „ну щастя твое, що рано хватылась, а то якъ бы полягалы спаты, такъ я бъ тоби давъ знаты, якъ до себе домового прыйматы.

2.

А то разъ попралы бабы панамъ сорочкы тай полизлы на горище вишаты. Дывлятьця, ажъ тамъ якыйсь-то панъ, та такъ хороше одитый; пидійшовъ до одніейи, балака зъ нею ласково, а дали и хотивъ поцилуваты, а вона злякалась, якъ крыкне, тай упала. Якъ знеслы жъ йийи, такъ вона ни слова непромове.

3.

А то у одного хазяйина та рубавъ салдатъ дрова, а домовый усе пидійде до ёго тай роскazуе або про войну, або про гарныхъ дивчатъ. То це якъ хазяйинъ выйде, подывытьця, то винъ и заховаетьця.

4.

А то у одниии хазяйкы, якъ ничъ, то усе на горищи шось стука та гуркотыть, а якъ непрыберуть на ничъ зъ столу чого, то усе шось и пойисть. Отъ разъ прыйиздять до ней гости. А кучерь у ныхъ та пидпывъ добре. Далы ёму вечеряты, винъ такъ надъ вечерею за столомъ и заснувъ. Колы це прокынувсь у ночи, хотивъ коней провидаты, лапнувъ коло себе, ажъ, коло ёго шось спыть, ажъ сопе. Ставъ винъ облапуваты та прыглядатысь, та тоди вже догадавсь що це винъ у печи. Винъ тоди найшовъ челюсты тай вылизъ.

5.

У тийи-жъ-такы хазяйкы та попрала разъ дивчына сорочкы, та якъ на двори нияќъ було ихъ розвишаты, вона взяла тай протягла верёвку у горныци, а сама лягла. Колы це хтось увійшовъ, а вона высыть мижъ верёвкамы.

(Ново-Григорьевка (Канкрина) Александровск. у.).

Упырь.

Це цыганъ росказувавъ. Йиздывъ я, каже, зъ своею старою у базарь. Тилко отто сталы вертатысь, якъ пиднялась хукга! лыне жъ тоби, що й Господы! Вже я, каже, ризавсь - ризавсь, хочь бы, Господы, швыдче, де добытысь, думаю. Колы це дывлюсь: свититьця: я й поправывъ на те свитло. Прыйиздю, стойить хатка така обихидчаста, якъ то кажуть, що и возомъ ниде обернутысь, и нема жъ тоби ни хлывця, ни повиточкы! Заглянувъ я у викно, звисно, викна забуртыло, ничого невыдко, шо тамъ у хати, а выдко тилко що свитытьця. Розпригъ я коняку, прывьязавъ до повозкы; до дверей — незаперто. Ввійшлы мы зъ старою у хату, ажъ дывымся, лежыть на лави такый здоровенный луцаняга мертвый; передъ иконою лампадка горыть и ставныкъ такы чы малый. Глянувъ я по хати—всёго понапикано й понаварено: и пырогы, и кныши, и баранына въ горшкахъ поскладена стойить, а нема никого, ажъ ни духа, а ни тоби лялечкы. Це жъ, думаю, мабуть пишлы люде у слободу повистыты. Роздяглысь мы зъ старою, ажъ йисты такъ хочетьця! воно бъ и байдуже, та все передъ очыма стойить, манить. Отъ я взявъ поламавъ бараныны, доставъ пырижкивъ, сталы мы зъ старою вечеряты; що жъ, думаю, все одно, люде за для людей наготовылы. Отто пидвечерялы, помолылысь Богу тай полизлы зъ старою на пичъ. Тилко добре задрималось, дывлюсь я, ажъ мертвякъ встае, встае... А дали сивъ на лаву обводе хату очыма. Чы винъ тамъ жывый, чы мертвый, а мы вже зъ старою й готови. Отто обдывывсь, уставъ, походывъ-походывъ по хати тай пишовъ на двиръ. Тилко чую, що якъ побачывъ же винъ мою коняку, якъ сивъ на

нейи, вже винъ нею пырявъ-пырявъ, пырявъ-пырявъ, ажъ якъ ставъ, такъ вона и репнула. Чую иде въ хату. „Це, кажу, стара, и намъ такъ; молысь Богу". А винъ тилко у двери, а тутъ пивень кукурику! Винъ такъ ныць и репнувсь. Стало розвиднятысь, ажь ось почалы и люде сходытысь. Чую, балакають на двори: „бачъ, такы устававъ, ше и коняку видкилясь прытаскавъ!" Уходять у хату, а винъ розплатавсь коло порога. „Де жъ це, кажуть, винъ коняку запопавъ?" А мы тутъ зъ печи: „та це наша коняка". Розпыталысь, воны намъ и кажуть: „ну, щастя ваше! це васъ Богъ хранувъ. Це нашъ батько, такъ винъ якъ тилко почувъ, шо вже ёго смерть прыходе, и каже намъ: „глядить диткы, якъ я на якый часъ помру, то зходте зъ хаты уси, шобъ ни однои душечкы пры мени небуло", та такъ наказувавъ, такъ наказувавъ! ажъ воно такъ и е". Такъ, каже той цыганъ, йиже ты Богу, правда.

(Мануйловка Новомосковск. у.).

Л у п ы р я к а.

Бубъ соби одынъ чабанъ, тоди ше, якъ паньськи булы, тай покумавсь зъ отаманомъ. Отъ захворивъ той чабанъ тай каже жинци: „цю ничъ, жинко, я вмру, такъ ты навары усякойи стравы, напечы пырогивъ, прыготовъ усе якъ слидъ, та йды до сусиды ночувать и ни сама надо мною несыды, ни сусидъ неклычъ, бо я все одно у ночи васъ порозгоню." Сказавъ тай умеръ. Отъ жинка усе те понаготовлювала, упоралась и пишла соби до сусиды. А тійи жъ самойи ночи ёго кумъ, отаманъ, та здумавъ объижджаты чабарни. „Це пообйиждЖу, дума, въ день, а ночуваты до кума. „Такъ и зробывъ. Прыйиздыть у ночи, а кумъ вже на лави, и на столи всёго наготовлено. Зализъ винъ за стилъ, давай пыты та закусюваты. „Це, дума, кума сама побоялась та десь пишла. „Отъ закусывъ добре, гляне на кума, ажъ кумъ пидводытьця... Винъ зъ хаты, а кумъ за нымъ, тай піймавъ ёго на порози. Отаманъ же по той бикъ порога, у синяхъ, а чабанъ по цей бикъ, у хати; той пнетьця та тягне того у сины, а цей у хату, та такъ черезъ поригъ волочылысь, ажъ покы пивень не крыкнувъ. Тоди чабанъ упавъ тай каэ: „щастя твое, кумъ, шо я неперетягъ тебе у хату, а то бъ ты знавъ, якъ пойисты мою вечерю".

(Алексѣевка Александр. у.).

Якъ кума куму за рябу корову доглядала.

Померла одна така сыльна кгалдовныця, шо и Боже твоя воля! Помера тай каже кумы: „А шо, кума, будешъ, мене доглядаты, якъ я помру, незлякаешься?"—Ни, каже, незлякаюсь; тилко есть у тебе отто ряба корова, одкажы йийи мени, такъ певно вже догляну. „Добре, каже." Отъ у ночи вмерла та кгалдовныця, а кума прыбрала йийи, сила тай стереже йийи. Тилко

о пивночи вона двыгъ-двыгъ плечыма, хотила зъ лавы устаты, та ба! Та кума и соби щось знала. Отто непидведетьця тай пыта йийи: „А що, кума, чы ты сыдыгь?“ —Та сыдю, каже. „За рябу корову?“—За рябу корову. Та кгалдовылыця и посунется до нейи на спыни, а та дали. Отъ вона зновъ тежъ пыта та усе и посунетьця до нейи, а та видъ нейи усе дали та дали, а тамъ вже и на полу опынылась, а то уже и на пичь злизла: а та видьма за нею на пичь на спыни лизе. Отъ кума вже й на коминъ, и та за нею спынкуе. Вже тій куми зъ комина и до долу пора стрыбаты, вона и каже: „прощай кума!“—А та: „ни, постій кума!“—Тилко хотила зхватыты йийи, а та якъ стрыбоне зъ комина до долу, а вона и соби, а тутъ пивень кукуряку! Тутъ вона якъ упала, такъ и заклякла.

(Мануйловка Новомосковск. у.).

Утопленникъ.

Пойихавъ я разъ на Донецъ у вечери, поставывъ крючкы, прывьязавъ човенъ, а самъ и лигъ у му спаты. Тилко ставъ дрімаmы, слухаю, щось лизе на мене. Я якъ прокынусь, а воно у воду тилко булькъ! „Пидожды жъ ты, думаю, я тебе піймаю: якъ полизе ще, то я его кризь свыту и зхватю“, тай лигъ, наче сплю. Отъ слухаю, лизе зновъ та таке важке: я якъ кынувсь, хотивъ піймаmы, а воно у воду зновъ, тилко булькъ! Сыдю я самъ соби та думаю, чы не лукавый? ажъ слухаю, балака до мене: „Зийдь, каже, зъ цего миста, бо це мисто мое, а я Харько.“ Балака оттакъ до мене, а я ничого й небачу. Отъ я зъйихавъ та якъ вернувсь до дому, и хвалюсь батькови. „А де ты кажуть, ловывъ?“—А тамъ то, кажу, стоявъ. „О, кажуть, тамъ колысь утопъ Богородычанськый Харько, а теперь того миста лукави стережуть: добре що зйихавъ, а то втарабанылы-бъ у воду.

(Банное Изюмскаго у.).

Наказанный скупецъ.

Бувъ соби одынъ багачъ та такый вже скупый, що якъ було дае жинци борошно на замисъ, то за висомъ: за висомъ дае, за висомъ и прыйма. Отъ разъ жинка спекла хлиба, а зъ дижи выходыло семеро хлиба, а восьмый невелычкый буханецъ. Тутъ де не взявся у Бога старецъ, просе мылостыни. Вона взяла тай оддала ёму той буханецъ. Прыйиздыть той багачъ зъ степу. „А що, пыта, стилко хлиба спекла?“—Та симъ, каэ. „Брешешъ, прызнайсь, ще мабуть буханець бувъ?“—Та ни, небуло, божытьця. Винъ уже и бывъ йийи, що не робывъ, та божытьця, що тилко семеро хлиба було. „Ну, каже, якъ непрызнаешься, то я заразъ умру“, тай лигъ на лави. Побигла вона до сусидъ, кличе: „идить чоловика на смерть убыраты.“ Посходылысь

бабы, обмылы его и вже въ домовыну положылы: жинка нахылылась до его та голосе, а винъ: „прызнайся, стилько хлиба було?"—Та семеро, чоловиче, семеро, наче голосячы одрика ему. „Ну такъ иды по попа". Ось и пипъ прыйшовъ, чыта та прасе: вона выьять до его прыпада. „А прызнайсь, каже, стилько хлиба було?"—Та семеро, чоловиче, семеро. „Ну, такъ несить до ямы". Понеслы вже и на гробкы, поставылы коло ямы, выьять вона до ёго прыпада „А прызнайсь, стилько хлиба було?" Та семеро, чоловиче, семеро. „Ну такъ закопуйте."—Тилько зпустылы его у яму, а вона тоди: „О, обманыла; було семеро хлиба, а восьмый буханець. „Винъ тоди устае. Тутъ давай винъ та люде розпытуваты, що воно таке: вона и росказала. Винъ и каже: „такъ ему и слидъ, закопуйте ёго жывцемъ.

(Покровское Александр. у.).

Кладъ въ Святыхъ Горахъ.

Разъ моему прадидови, якъ винъ бувъ на Лыпійи, запорожець и сказавъ, якъ дознавсь, що винъ зъ Святыхъ Гиръ, що у такій то бальци есть куща, а пидъ тымъ кущемъ каминь, а пидъ каменемъ кладъ, и давъ ему на те росныску. Запорожци, котори клалы клады, самы ихъ небралы, бо у ныхъ була така прысяга, щобъ самымъ небрать, а людей можна було направлять. Отъ прадидъ усе те познаходывъ, та пишовъ у шынокъ тай похвалывся, а люде и прыметылы. Винъ же выпывъ, пишовъ до дому тай лигъ спаты. Колы це чуе, гука пидъ викномъ хлопчыкъ: „вставай, диду, та ходимъ туды, де ты найшовъ: я тоби поможу, то озьменнъ соби, а не людямъ."—Добре, дума прадидъ, озьму къ ночи бабу тай выкопаю. Тилько зибравсь иты, а хлопчыкъ зновъ пидъ викномъ: „О, вже, диду, неходы, бо люде забралы." Пишовъ винъ, подывывсь, акъ тилько мисто знать, де ёго выбрато.

(Святогоры Изюмскаго у.).

Преданіе о запорожцахъ.

Запорожци паслы отутъ по Самари въ лисахъ скотъ тай одризнылысь одъ свойихъ и осталысь тутъ. Тоди и давай до себе намановаты людей та грабуваты. Якъ иде було чумакъ, то воны простелють повсть, то той и кладе, чы рыбу, чы пшоно, що тамъ у ёго таке есть: а якъ недасть, то винъ (запорожець) заразъ зъ пыщоли вола и бахне. А людей небылы, тилько отто оббыралы. Тутъ и городокъ ихній на Самари есть. (Усть-Самарскій ретраншементъ, построенный уже при Екатеринѣ). И грошвы жъ у ныхъ було, бо страшенно воювалы. Якъ ихъ зганялы видсиль, то стриляють було у ныхъ, а воны, якъ мнячи, кули ловлять та назадъ себе кыдають. А то простелють повсть на Самари, кошдають, въ карть грають тай плывуть соби. Та такъ, кажуть, у чужу землю десь и зійшлы.

(Мануйловка Новомосковск. у.).

Судебная ошибка.

Зарizавъ чоловикъ ягня, тилко шо зибравсь билуваты, ажъ чуе шось крычыть: калавуръ! Винъ якъ бувъ у крови зъ ножемъ, такъ и побигъ на той крыкъ. Прыбигъ, ажъ чоловикъ заризаный, и никого нема. Тутъ люде зибралысь „Ты тай ты заризавъ, бо ось у тебе и нижъ и одежа у крови“. Той божитьця „Я, каже, це тилко шо ягня заризавъ, та прыбигъ на крыкъ.“ Пишлы до ёго свидительствувать, ажъ собакы десь уже и ягня затаскалы. Такъ и пишовъ чоловикъ на поселення за невынного Бога.

(Мануйловка Новомосковск. у.).

Вѣдьма прячетъ зори.

Була соби одна видьма, а у нейи дочка, тежъ видьма. И було у ныхъ на правимъ покутти у глеку закопано тры зиркы, а вподовжъ стины управлена зъ коровьячого рога рулка. Отъ якъ зайде сонце, такъ у ту рулку бижыть молоко зъ коровъ, зъ жабъ, зъ гадюкъ, зъ усякого звиру, который молошный; и бижыть такъ, ажъ покы свитови пивни заспивають. Стара молоко наклыка, а дочка посуду пидставля. Отъ и здумалы воны покаятысь тай пишлы у Кыйивъ, а зъ ными ще дви жинкы. Сталы ось доходыты до Кыйива, воны обыдви и покамьянилы, порозивлялы роты, ревуть якъ волы та все въ землю уходять. Ти жинкы, шо зъ ными йшлы, побиглы заразъ у село та прывелы трёхъ попивъ. Попы почалы Бога просыты, молебствоваты за ныхъ,— ничого непомагаетьця. Давай воны тоди допытуваты, якый воны такый велыкый грихъ изробылы. „Та у насъ, кажуть, на правимъ покутти тры зиркы у глеку закопани; мы есть видьмы“. Такъ попы йихъ шей чобитьмы прыбылы: „оттутъ вамъ пощезать, зли люде!“ А жинкамъ тымъ сказалы шобъ биглы та повыпускалы ти зирочкы. Якъ выпустылы жъ йихъ, такъ ти праведни зирочкы и полетилы на небо.

(Благовѣщенка Александровск. у.).

Видёмська роса.

Выйшовъ разъ у ранци чоловикъ за ворота зъ уздечкою и баче, шо ёго кума ходе та росу збера. „На шо ты, пыта йийи, цю росу збераешъ?“—А ось помочы у нiй свою уздечку, то й узнаешъ. „Винъ и повозывъ тiею уздечкою по трави, та прыйшовъ до дому и повисывъ йийи десь у синяхъ. Колы це якось выйшовъ та глянувъ, ажъ зъ нейи молоко такъ и дзюрыть. Винъ зрадивъ, пидставывъ яка тамъ пидъ рукою посуда була, а дали вже и посуды нехвата, а молоко усе быжить. Винъ злякавсь та до кумы; шо мени, каже, зъ тiею уздечкою робыты?“—Иды каже, до дому, небiйсь ничого. Вернувсь винъ, такъ того молока хочъ бы тоби крапля де зосталась, усе де й подилось.

(Сл. Мануйловка Новомоск. у.).

Неумѣлая вѣдьма.

Разъ жинка побачыла, шо у кумы сыръ такый билый та гарный, а мас ло жовте-жовте: вона и давай йийи прохаты, шобъ навчыла, якъ вона ц робе. А ты, каэ, якъ выженешъ корову у череду, озьмы йийи за хвистъ т кажы: „Иды няня по густе молоко, по билый сыръ, по жовте масло.“ От та жинка такъ и робыла, такъ усе масло нежовте. „Чого це, пыта: аджеж я роблю усе, якъ ты казала?“—А прыйды, каэ, опивночы та подывысь, шо роблю. Та и прыйшла, дывытьця, а кума стойить коло сохы та якъ наче з дійкы беретьця до нейи, а зъ сохы молоко такъ и лье. Вона тоди швыдч до дому та й соби такъ. Надойила дійныцю, надойила и видра, вже и водянк повна, и яки булы дижечкы, то повни, а молоко усе бижить, вже и до дол лье. Вона баче, шо лыхо, та до кумы, такъ та прыбигла та замовыла. „Шо ц ты, каэ, наробыла? Це ты потягла молоко и зъ собакъ, и зъ кишокъ, и з людей“. То, бачъ, якъ молодыця ляга спаты та нехресте на ничъ виконъ, т у раньци немае чымъ и дытыну погодуваты. Такъ пислѧ цёго та жинка і заклялась и забожылась, шо и унукамъ закаже такъ робыты.

(Алексѣевка Александр. у.).

Узнать, кто корову испортитъ и какъ ей помочъ.

Якъ здойишъ корову, та буде таке молоко якъ зъ кровью, то озьмы тог молока палый на сковороду, укынь туды бруса тай прыставъ до вогню, т якъ молоко закыпыть, вынна видьма прыйде. А у коровы буде у дійци таке, якъ тернына, такъ озьмы страстну свичку та свячене (остатки пасхи, свяченыхъ яицъ и т. п.), запалы тай пидкуры, а мишкомъ, саме гузыремъ, та чоловиковыми штаньмы, саме матнею, подавы, то Богъ помылуе.

(Алексѣевка Александр. у.).

Порча вѣдьмою коровъ.

Видьма здое такъ корову, шо ажъ кровъ зъ дійкъ пиде. Тоди вона бере ту кровъ та робе зъ нейи червони ныткы, та тымы ныткамы и перевьязуе дійкы: якъ перевьяже, то корова и буде вже кровью дойитысь. Тоди, якъ хазяйка зна, то озьме надое тійи кровы у покрышку та у пичъ, а якъ зкыпыть, то и вылье на глуху воритныцю (столбъ къ которому привязаны ворота), ось воно все и мынетьця.

(Сл. Каменка Новомосков. у.).

Вѣдьма въ видѣ лошади.

Налаявъ разъ салдатъ перекупку, а та ёму: „пидожды жъ ты, будешъ мене знаты!“ А салдатъ та лучче знавъ, взявъ тай лигъ бкля викна. Отъ у ночи прыходе вона вже кобылою тай деретьця у викно. Винъ заразъ піймавъ йийи, до столу *штанамы* прывьязавъ тай пидкувавъ на вси чотыри. Вона просытьця у ёго: „пусты мене!“ — Ни, каэ, непустю, звозы мене ажъ до дому, до свойихъ, та такъ шобъ до свита й на учення выспиты. „Добре, каэ, звезу“. Отъ зъиздывъ винъ до свойихъ, побеседувавъ трохы, вернувсь та тилко задни розкувавъ и пустывъ такъ. Ввечери жъ якъ управывся, пишовъ до йийи старого та: „колы жъ ты мени, дядьку, пидковы оддасы?“ — Яки пидковы? „А ходимъ я пошукаю.“ Колы въ хату, а вона лежыть на печи. Винъ тоди розкувавъ йийи тай простывъ.

(Алексѣевка Александр. у.).

Смитныкъ видёмське мисто.

Видьма може перекынутысь клубкомъ, конынцею, собакою, свынею, та тилко на смитныку. Разъ ишлы хлопци зъ вулыци тай зійшлы на смитныкъ: „давай, кажуть, покурымо. А одынъ: „зійдимо, каже, зъ цёго смитныка, шобъ часомъ видьма не покачала.“ — Отъ дурный, чого тамъ! Тилко зробылы по цыгарци, колы це такый клубокъ котытьця, та одному пидъ ногы; той тилко брязь; а дали другому. Воны тикаты, позлазылы на лису, не жыви, ни мертви сыдять, а вона перекынулась свынею тай соби до ныхъ на лису деретьця. Та такъ сердешни просыдилы, ажъ покы пивни заспивалы.

(Каменка Новомосков. у.).

Вѣдьма неоставляетъ слѣдовъ даже и на снѣгу.

Разъ качала видьма хлопця по заметахъ та сугробахъ, такъ винъ на другый день водывъ туды людей показуваты. Такъ де саме падавъ, усе выдко, и выдко, шо снигъ згарцёваный, а йийи хочъ бы де тоби слидочокъ.

(Каменка Новомосков. у.).

Видьма.

Була соби одна дивчына видьма. Отъ йийи шось замордувало, вона и вмерла. А якъ умерла, такъ наказала батькови, шобъ йийи такый та такый парубокъ тры ночы одчытувавъ, а тоди вже шобъ и поховалы, та поховалы пидъ хатнимъ порогомъ. А вона та любыла того хлопця. Отъ якъ вмерла вона, батько и пишовъ ёго найматы одчытуваты. Той бойитьця, нехоче, бо знавъ, шо вона видьма и шо ёму буде лыхо, такъ батько ёго жъ прынево-

лывъ: ставай, каже. Винъ и ставъ за сто рублывъ. Отто прыходе вечиръ, иде винъ и плаче, ажъ ось назустричъ йде ёму дидъ. „Чого ты, пыта, нарубче, плачешъ?“ Та боюсь, диду; таке то й оттаке мени лыхо. „Небійсь, каже, ось купы соби канативъ та свердедецъ, проверны у головахъ у труни дирку, та добре увьяжы труну канатамы, та тоди озьмы отцю книжку и чытай, а якъ устане вона, то ты и сядь у кочергы.“ А то не дидъ бувъ, а самъ Богъ. Отъ купывъ винъ канативъ, поробывъ усе якъ ёму було казано, ставъ тай чыта. Колы це у глупу ничъ полопалысь ти канаты, розсилась труна, встала вона, а винъ и сивъ у кочергы. Давай вона ёго шукаты; шукала-шукала, а дали давай зваты своихъ подругъ, шобъ помоглы одшукаты ёго. Злетилысь воны, а одна найстарша кыйивська видьма и каэ: „Я й бачу ёго, такъ неможна тоби ёго показаты.“ Сказала, а тутъ саме пивень, кукуріку! Вона въ труну, а та нечысть и зныкла. Отъ на другу ничъ иде винъ вже за двисти рублывъ. Впьять о пивночи тилко лусь, лусь! Труна розсилась, встала вона, а винъ у кочергы и сивъ. Давай вона зновъ зклыкаты свою сылу, позлиталось вона, былысь-былысь; хочъ та стара видьма и баче ёго, такъ неможе показаты, та такъ покы и пивень заспивавъ, ничого ёму и незробылы. Отъ на третю ничъ вынеслы йийи у церкву; договоря той йийи батько того парубка и на третю ничъ чытаты: ставъ той уже за трыста рублывъ. Отто согласывсь, иде тай плаче, ажъ ось назустричъ ёму зновъ той дидъ. „Чого ты, пыта, плачешъ?“—Та це, диду, мени цю ничъ мабуть шабашъ: треба у церкви одчытуваты. „Небійсь, каэ, на тоби ось яблучко, положы передъ себе, та дывысь, якъ почне воно котытысь, то лизь швыдче на Трейцю.“ А те ёму яблучко дадене на те, шобъ показало, колы вона тилко прокынетьця, шобъ винъ, покы вона зъ труны вылизе, вспивъ вже и на Тройцю злизты. Отъ у глупу ничъ, стало яблучко котытысь, винъ скоришъ и злизъ на Тройцю, а вона якъ прокынулась та якъ гукне! позлиталысь тіи нечисти, ажъ церква якъ невалытьця. Тутъ та стара и каэ: „онъ винъ, на Тройци! треба по смитныкахъ зобераты деркачивъ та робыты до ёго драбыну зъ ныхъ“. Отъ якъ назбералы, зробылы ту драбыну, вона и полизла до ёго. Заразъ якъ долизла, якъ ухвате ёго за патлы, а винъ йийи, якъ почалы водытысь... А Богъ баче, шо парневи лыхо, тай посыла ангола: „полеты, каэ, та скажи пивневи шобъ спивавъ.“ Анголъ до пивня, а той ёму: „а тоби яке дило? я самъ знаю, колы непора.“ Полетивъ анголъ до Бога, „неслуха, каэ, Господы“. „Смыкны ёго за хвистъ“, каже Богъ Анголъ прылетивъ, смыкнувъ пивня за хвистъ, той и заспивавъ, а воны обое и попадалы неживи. Такъ той парень же очунявъ а вона такъ и пропала. Тоди той парень и каэ йийи батькови „неховайте йийи пидъ порогомъ, бо вона васъ усыхъ передуше.“

(Трёмсыпивка Александр. у.).

Чудесные угольки.

Упрохавсь разъ чоловикъ десь ночуваты, а у тій хати було тры хазяйкы и уси тры видьмы. Отъ полягалы спаты, дывытьця той чоловикъ з-пидъ полы, колы це одна устала та до комина, шасть у коминъ рукою, та сажею помазала соби по пидъ плечыма, встромыла голову у коминъ, такъ йийи и вынесло у дымарь. А за нею друга, а тамъ дали и третя. Винъ тоди и соби вставъ, помазавъ, и ёго нечестывый духъ поперъ зъ хаты. А тамъ на хати та лежалы лозынки; отто яка не вылите, на лозыну тай гайда, куды йий треба. Винъ и соби, скоро зхватывъ таку лозыну, вразъ йихъ и догнавъ. „Чого ты тутъ?" пытають. „Та того, чого и вы."— На тоби, кажуть, швыдче отцёго коня та вертайсь до дому, бо горе тоби буде. Дывытьця винъ, кинь хочъ куды тоби: винъ сивъ и подавсь. Прыбигъ до дому, поставывъ того коня биля сина тай лигъ спаты. Отъ у ранци уставъ, „пиду, дума, та подывлюсь, шо мій кинь пороблян". Прыходе до сина, ажъ замисто коня лежить лозына. Та винъ мабуть и соби шось знавъ, заразъ узявъ ту лозыну поламавъ та за халявы и постромлявъ. Отъ попростывсь винъ и пишовъ соби. Заразъ якъ прыйшовъ до дому, спалывъ ту лозыну, угилля зибравъ, розтеръ тай усыпавъ у пляшечку. Може ёго тамъ у пляшечци на денци було, а то якъ почало росты, стае вже пидъ шыйку, а то доросло вже и пидъ саму затычку. Колы це прыбигають до ёго ти саме видьмы: то йихъ такъ те вугилля тягне. Прыбиглы, давай ёго прохаты: „оддай тай оддай намъ те вугилля". А скажить, каэ, де вы литаете? Довго воны непрызнавалысь, а дали и кажуть, шо есть у такимъ то сели баба та дочка, тилко баба така жъ якъ и воны видьма, а дочка ше ненавернена, такъ мы тамъ збераемось, окропы гріемо та у шаплыкъ злываемо, а дали накрыемо рядномъ тай ждемо, бо трохы згодомъ являетьця нашъ хазяинъ, то мы зъ нимъ поздоровкаемось та тоди вже йдемо на разни дила. „Отъ винъ оддавъ йимъ той порохъ та не увесь, на яку годыну и соби зоставывъ, тай пишовъ тіи бабы шукаты. Заразъ якъ знайшовъ, дае тій бабиній дочци, шо ше ненавернена була, тры дробочкы свяченойи солы. „Це, каэ, якъ будешъ окропы у шаплыкъ лыты, то укынь туды ци дробочкы." Наказавъ тай пишовъ соби. Отъ прыйшовъ вечирь, давай воны окропы гриты та у шаплыкъ злываты, а та дивка и укынь туды ти тры дрибочкы. Налылы вже повнисинькый шаплыкъ, накрылы рядномъ, вже и прыказувалы, и спивалы, невылазе винъ. „Шо це, кажуть одна одній, чого *воны* неявляютьця?" Велычають, бачъ, якъ батька. Ждалы, ждалы, нема. Вывернулы воны той шаплыкъ, выбанылы, знову налылы, нема, бо той (sі) силь то у пазахъ, то такъ де позастрявавъ. Такъ до самого свиту и недиждалы, неходылы и на роботу. На другый день изновъ зибралысь, изновъ за свое. На цей разъ лизе, такый гыдкый, кышкы ззаду волочутьця, а воны ёго ци-

лують та павкольки передъ нымъ падають. „Чого вы, кажуть, намъ неявлялысь учора?“ Та мене, каже, якась нечыста сыла трома каминямы прыдавыла, такъ що мени и пидвестысь неможна було. Отто простылысь зъ нымъ тай подалысь кожна по своему дилови.

(Сл. Каменка Новомоск. у.).

По другому пересказу:

Солдатъ подмѣчаетъ, какъ хозяйка улетаетъ въ трубу; тѣмъ же пріемомъ и онъ за нею. Тамъ она даетъ ему коня, оказавшагося на утро „лозыною.“ Солдатъ эту „лозыну“ сжигаетъ.

Тилко спалывъ, ставъ ти жарынки выгрибаты, та одну якось упустывъ до долу тай роздавывъ ногою. Зиркъ, колы ось биля ёго и хазяйка, кланяеться та просе ёго, „пусты мене, вже небуду никому ничого скверного робыты.“ Давай винъ йийи тоди пытаты, вона и росказала ёму: „озьмы ты, каже, ци вуглынки та ввійды де въ хату, розтопчы хочъ одну крыхту, то якъ есть у тій хати видьма, вона тоби тійи жъ ночи сама объявыться; тоди що хочъ те зъ нею и робы.“ Отъ салдатъ чы простывъ, чы ни, забравъ ти вуглынки тай пишовъ соби. Прыходе увъ одну слободу, заразъ зкраю и зайшовъ по хатахъ, тамъ того, тамъ того, тамъ воды напытысь, тамъ про дорогу роспытатысь, та шо не увійде у хату, и роздаве вугылынку, та такъ у кодній. Отъ якъ смерклось, винъ ставъ десь ночуваты, жде що буде. Колы це о пивночи лизуть до ёго вси, яки булы на сели, видьмы и одынъ *кулакъ* (вовкулакъ) мижъ йимы. Давай просытысь у ёго, щобъ винъ ихъ одпустывъ. Отъ винъ и положывъ на ныхъ запретъ, znявъ прысягу, що небудуть вже людимъ пакосты робыты, тай порозпускавъ, а того *кулака* маниживъ-маниживъ, стилко ему зхотилось, та тоди вже тилко пустывъ. Та такъ винъ багато шось слобидъ обійшовъ, ажъ покы того вугилля хватыло, и багато, кажуть, сократывъ йихъ на билому свити.

(Мануйловка Новомоск. у.).

Новобранецъ и вѣдьма.

Гналы разъ новобранцивъ тай поставылы до однієйи жинкы. Отъ винъ чы спыть, чы неспыть, дывыться, у глупу ничь встала ёго хазяйка, помазала соби по пидъ плечыма *маёвымъ масломъ* тай вылетила у верхъ. Винъ тоди и соби помазавъ, та за нею. Вылетивъ, а вона сыдыть на дымари, товарышокъ дожыда. Побачыла ёго та: „на, каже, тоби цёго коня, винъ тебе, куды тоби треба, донесе, та тилко гляды, ни тпру, ни но некажы, а то стане. Сивъ винъ на того коня тай подавсь. Бигъ-бигъ, колы це зхотилось ёму на двиръ, винъ и крыкнувъ тпру! Дывыться, ничого нема и стоиitъ винъ у лиси. Дождавсь винъ свиту, розпытавсь, та якъ почавъ ийты до дому, такъ тры годы йшовъ.

(Мануйловка, Новомоск. у.)

Вовкулакъ старше вѣдьмы.

Разъ видьмы зибралысь у шынокъ, ажъ тамъ чоловикъ сыдивъ. Воны и прыспкалысь до его. „Чого тоби тутъ мижъ бабамы сыдиты? иды геть до хаты! ты знаешь, що мы тоби поробымо?“ „Цытте, каже, цытте, бо я усю вашу и думку знаю, де вы и змовляетесь.“ Та якъ почавъ кожный выкладаты, що вона замышля, такъ воны давай его прохаты, шобъ неказавъ никому. А то ихний самый вовкулакъ и бувъ.

Каменка, Новомоск. у.)

Знахарка и лихорадка.

Була соби одна дуже велыка шептуха; шептала вона видъ пропасныци и багато людямъ помочы давала, хочь и заставляла людей то вошп зъ хлибомъ йисты, то кинську сечь пыты. Отъ и вздумала вона разъ пийты помолытысь у Святи Горы, та дорогою захворила, а товарышкы, изъ нею булы, и покинулы йийи десь. Полежала вона, полегшало йий трохы, вона и пишла назадъ до дому. Йде тай йде, дывыться-хатка, вона и зайшла въ ту хатку, колы тамъ баба за столомъ сыдыть. Знахурка поздоровкалась, „пустить, каже перегриться“—Грійсь, каже. Перегрилась вона, хоче йты дали, а баба: постій, каже, я тоби дамъ повечеряты. Вытягла зъ печи казанъ мяса и дае знахурци. Колы та гляне, ажъ того мяса за червамы и незнать, такъ и кышать. Наклала баба того мяса въ полумысокъ, взяла ломаку тай стала надъ знахуркою: „йижъ, каже.“ Та одмагаеться, давай иийи баба тымъ патыромъ почыщаты; выбыла добре,—йижъ, каже знову. Знахурка йисть, заразомъ и блюе, и йисть. Выйила полумысокъ, баба и каже: „отце тоби навука: негодуй видъ пропасныци людей вошамы. Я сама пропасныця, насъ симдесятъ симъ сестеръ, и которій що понаравиться, иншій яблуко, иншій рыба, иншій друге що, та дасы, тоди и покыне чоловика.“ Прыйшла та баба до дому та черезъ три дни и померла.

(Благовѣщенка, Александр. у.)

Н е р о д а.

Бувъ соби салдатъ, а у его жинка, тай бездитни. Отъ наказалы имъ люде пойихаты до якогось знахура: кажуть, винъ не одній вже жинци помигъ. Пойихалы воны. Отъ тилко що до знахура на пориг, а винъ: „знаю, знаю чого вамъ треба; теперъ лагайте спать, а у ранци я вамъ средство дамъ.“ А той салдатъ и дума: „хочь усю ничь неносплю, а такы довидаюсь що винъ буде робыты.“ Колы це о пивночи знахуръ рыпъ зъ хаты, салдатъ и соби за нымъ. Прыходять пидъ таку страшенну скелю; знахуръ заразъ выйнявъ зъ

кынечи пляшечку,поставывъ йийи, та якъ свысне. А вокы (чорты) летять зъ усихъ крайивъ та жоденъ у пляшечку сцыкъ, сцыкъ, якъ собакы, та и насцялы повну. Знахурь ту пляшечку узявъ та у ранци и оддае тій жинци. А салдатъ йий ще раньшь сказавъ, щобъ вона зразу непыла. Отъ якъ одйихалы уже, салдатъ узявъ ту пляшечку тай вылывъ у маточыну, а самъ коня погнавъ добре. Такъ зъ маточыны такъ дымъ и пишовъ, а воны пыщать. А що кае жинци, бачышь? тобъ и тоби було. Та зъ того часу и годи по знахурамъ йиздыты.

(Алексѣевка. Александр. у.)

Склянна гора на тимъ свити.

На тимъ свити коло раю есть склянна гора: йийи жинкы зъ глыны змисылы, якъ имъ заказавъ Моисей, якъ ходывъ по заповиди. И на ту гору усе лизуть ти жинкы що на цимъ свити нерозродылысь. Усе лизуть та назадъ падають, и такъ мучатьця, ажъ покы нерозродятьця стилко разъ, скилко имъ на цёму свити треба було рожаты. А якъ розродятьця, тоди ихъ пускають и у рай.

(Александровскій у.)

Человѣкъ подъ водой.

Ходывъ разъ чоловикъ на заробиткы тай ставъ десь коло Днипра косыты, такъ росказуе: „бувъ у насъ одынъ такый, що отце пообидаемъ, пицемъ на Днипръ купатысь, то винъ якъ пирне тай нема его часивъ два. Мы и выкупаемось, и спочынемъ, тилко станемъ покисъ заходыть, ажъ ось и винъ иде. Отъ я, кае, дай довидаюсь, куды винъ пирне. Разъ, тилко що винъ пирнувъ, а я за нымъ. Дывлюсь, ажъ тамъ таке, вода надъ йимъ такъ якъ пузырь стойить и такый тамъ добрый холодокъ, що кращого и нетреба. „Ну, каэ, колы утрапывъ, такъ лягай спочывай". Винъ же заснувъ, а мени не спытьця. Дывлюсь я, а така здорова щука прыплывла, стала надъ пузыремъ та ротомъ и зива. Отъ я хотивъ йийи злякаты та палцемъ якъ штрыкну, а вода якъ рыне, той якъ зхватытьця та швыдче за мене, въ сылу вырятувавъ. „Не слиды, кае тоди, за мною, бо якъ незнаешъ, то колысь утопышся".

(Покровское, Александр. у.)

Проклятый самарськый поповычъ.

Тутъ у насъ на Мирошнысковій бальци колысь зимувалы запорожци, давно не було; выкопалы землянку и жывуть. Тилко замичають, що якъ що въ казанахъ звечера яка йижа зостанетьця, за ничъ щось и выйисть. Воны одынъ на одного, а дали и кажуть: „давай заляжемо". Отъ и заляглы. Колы це о пивночи щось рыпъ дверьмы. Воны и бачуть, проты мисяця выдко: такый ру-

сявый соби чоловикъ и боридочка. „А шо це ты, до казанивъ?“ пытаютъ ёго. —Еге жъ, каже. „Шожъ ты таке?—Зійдить, каже, зъ цёго миста, бо це мисто мое. „Та ты то хто такый?“—А я, каже, поповычъ зъ Самари; мене маты, якъ була вагитною, такъ ше у череви проклала; це я такъ и скытаюсь, а мени, до рукъ дано на пропытаніе дванадцять млынивъ та дванадцять шынкивъ. Колы хочете. я вамъ и боклагъ горилкы принесу, а тилко вы зъ цёго миста зійдить. Прынисъ винъ йимъ горилки, такъ воны ёго цилу зиму харчувалы. Кажуть, „въ ночи проты свиту выдно, а якъ засвитымъ свитло, ничого и нема“.

(Александровскій у.)

Заклятые волосы.

Бувъ соби одынъ бурлака, та такый було, шо за тыждень заробе, усе у недилю прогуля. Отъ разъ, саме въ косовыцю, узявъ винъ у хазяйина плату, та якъ закрутывъ! Обпывсь тай заснувъ у трахтыри. Прокыдаетьця, ажъ воно ничъ, трахтырщыкъ геть жене. Отъ винъ, куды йты? Пиду, дума, до хазяйина. Прыйшовъ, а тамъ уже вси спаты позлягалы. „Дежъ я, каже хазяйинъ, тебе прымостю? скризь позанято; а якъ хочъ то иды ты у той онъ мій домъ“.—Добре, каэ, дайте тилко свичку. А той хазяинъ та выстройивъ соби здоровый домъ пидъ наёмъ, такъ нихто тамъ невжыве, бо шось у почи ходе та дверыма рыпа. Отъ прыходе бурлака у той домъ, поставывъ свичку на столи, послався и лигъ, такъ шось неспытьця ёму. Колы це о пивночи чуе, шось рыпъ дверыма, а дали другымы та йде до ёго. Дывытьця винъ— панъ, а волосся ёму й на бороди, й на голови, и на бровахъ, ажъ до земли, и черезъ плече у ёго сумочка. Заразъ той панъ сивъ за стилъ, вынявъ зъ сумочкы реминь, брытвы тай ну гострыты. Якъ нагострывъ добре, тоди и кыва на того бурлаку, шобъ ийшовъ до ёго; той пидійшовъ. Панъ узявъ посадывъ ёго на стуло, давай брыты. Обрывъ начисто и бороду, и вуса, и бровы, и голову. Тоди сивъ самъ тай показуе, шобъ и винъ ёго такъ обрывъ. Бурлака якъ заходывсь, обголывъ и ёго такъ. Якъ обголывъ, тоди винъ и забалакавъ. „Спасыби тоби, каже, чоловиче, шо це ты меме послухавъ та зарятувавъ. Я, каже, матирью заклятый на волосся: неможна мени ни попросыты языкомъ, ни самому обрытысь, а жыты мени по пустыхъ домахъ, якъ отъ тутъ, ажъ покы хто небудь не догадаетьця та необрые мене; це вже теперъ я буду чоловикомъ: прыходь завтра у таке-то мисто, я тоби грошей дамъ. „Сказавъ тай пишовъ соби. Отъ у вечери пишовъ бурлака на те мисто, ходывъ винъ-ходывъ, ждавъ-ждавъ, нема никого, сыдыть тилко одынъ старець. „Чого ты, чоловиче, пыта, тутъ ждешъ?“—Такъ-то и такъ, каэ. „Э, це я той самый и есть.“ Тай давъ ёму торбу грошей.

(Покровское Александр. у.)

Неложись голый спать.

Лягла разъ гола жинка спаты, а воно шось прыходе у ночи та: „геть! бачъ, мое мисто залягла“. Та тилко хотило до тiейи жинкы, ажъ почуло шо, кваша на печи доходе. Воно на пичъ, та якъ почало ту квашу лыгаты, та ажъ покы пивни заспивалы усе лыгало, та тамъ коло квашп и зуба загубыло, выпавъ.

(Сл. Мануйловка Новомоск. у.)

Машыныстый.

Отто есть машыны бигають, то ти машынныкы, шо на йихъ издять, зловлюють зори та стрыжуть де е чорни собакы, кишкы, пивни, такъ шо и хазяйинъ незна, та усе те збырають та ховають. Разъ розхворився одынъ такый машыннык, прыклыкавъ ажъ двохъ попивъ, ти и давай ёго пытаты, чымъ винъ гришный. „Я, каэ, велыкый гришнык, я знимавъ зъ неба звизды та запыравъ, шобъ машына швыдче бигала, та ще стрыгъ де есть чорни пивни, кишкы та собакы. „Такъ поны ёго тилко высповидалы, а прычастя недалы.

(Банное и Богородичное Изюмскаго у.)

Какъ перестали стариковъ убивать.

И теперъ ще цыганы, якъ буде у табури старый цыганъ, такый шо ёму тры дни вику вже, возьмутъ ёго, вывезутъ де у проваллям, тамъ винъ и пропада. И у насъ було колысь такъ; якъ уже старый, такый шо негодытьця никуды, заразъ ёго и убьють. Отъ разъ однымъ сынамъ та стало жаль свого батька; воны, якъ прыйшло те времня, шо его убывать, узялы сховалы ёго у погрибъ та тамъ и содержувалы. Отъ черезъ стилко годъ та наставъ тамъ голодъ та неврожай: ни йисты, ни сiяты, ни зерна. Ти сыны и пишлы до батька, чы непораде. Винъ йимъ и каэ: здерить зъ хаты крышу, перемолотить, шо вытрусыте, те и сiйте: та орить, каэ, шляхы, то може Богъ и уроде. Отъ воны все такъ и поробылы. Якъ уродыло жъ у йихъ, давай тоди йихъ люде пытаты, хто це йимъ такъ параявъ. Тоди сыны усе и розсказалы. Зъ того часу и годи вже убываты старыкивъ.

(Алексѣевка Александровск. у).

Баба та морозъ.

Була у одного сына маты, та така стара, шо изъ печи нездужа, а зима була товста та люта. „Повезу йийи, каэ той сынъ самъ соби, та зморозю. Запригъ кобылу, посадывъ матирь у саны, повизъ тай вывернувъ десь пидъ стогомъ. Сыдыть баба *радie* (дрожитъ), ажъ, ось иде Морозъ. „А шо, пыта,

бабко, Морозъ?"—Морожъ, Богъ ёго помножъ. Винъ узявъ тай давъ йий кожуха. Прыйиздыть сынъ у ранци, ажъ маты жыва и въ кожуси. „Якъ же не вы, мамо, ныта, незмерзлы?—Та такъ-то, шыну, и такъ. Совисно ёму стало, забравъ винъ йийи до дому, а другый чоловикъ прочувъ тай дума: „повезу я свою, чы недасть Морозъ и мойій матери кожуха." Одигъ добре йийи, тай вывизъ. Ажъ-ось иде Марозъ. „А шо, ныта, бабко, давыть Морозъ?"—Та давыть, бодай ёму очи повыдавлювало! Такъ винъ йийи якъ давонувъ, такъ очи и выдавывъ.

(Александровскаго у).

Чого вивци душаться, а скотъ дрочыться.

Якъ ходылы Богъ та святый Петро по земли, такъ тоди було такъ, шо скотъ душывся, а вивци дрочылысь. Отъ разъ прыходять воны до скотаря, а той сыдыть и чоботы шые. „Чы нема у тебе, пытають, чоловиче, чого попойисты?"—Эге, такъ я и дамъ! идить соби, бачыте шо николы. Пишлы воны, прыходять до чабана, а той сердекга бига зъ кгерлыкгою, ніякъ отары незаверне. „Чы нема, пытають, у тебе чого попойисты?—Та ось, каже, казанокъ, йижте: я бъ и самъ зъ вамы посыдивъ, такъ бачыте, шо николы. Попойилы воны тай радятьця, шобъ тому чабанови даты. „Хай, каэ Петро, Господы, буде такъ, шобъ скотъ дрочывся, а вивци душылысь, хай чабанъ спочыне." Колы такъ и сталось: скотъ якъ задрочывсь, такъ той скотарь и стилець зпидъ себе загубывъ.

(Сл. Алексѣевка Александровск. у).

Воши.

Була соби така стара та хвора баба, шо за старистью та хвористью нездужа вже ничого робыты, а безъ дила йий нудно сыдиты. Отъ вона и давай Бога просыты: „дай, каэ, Господы, мени яку небудь работу!" Богъ узявъ тай давъ йий воши, отъ вона и давай ихъ тодиськаты.

(Сл. Алексѣевка Александровск. у).

Цыбуля та Воши.

Воши берутьця зъ тила. Разъ росказують, нарубокъ накравъ цыбули, а ёго люде и піймалы. „Шо ёму робыть? Хай усю пойисть." Такъ винъ якъ пойивъ йийи усю, такъ ёму у два кулакы кгунадзу (гуглю) на потылыци нагнало. Та якъ разрізалы жъ йийи, ажъ тамъ повно вошей!

(Мануйловка Новомоск. у.)

Табакъ, хринъ, цыбуля та часныкъ.

Це все выросло зъ тила якогось-то велыкого гришныка, не то царя Ирода, не то зъ Іуды. Такъ табакъ пошовъ зъ толуба, цыбуля зъ очей, часныкъ зъ зубей, а хринъ ось зъ цёго (фалла).

(Мануйловка Новомоск. у.)

Табакъ.

Се дило давно було, якъ ще людей мало було, тоди жъ-то цёго чортового тютюну небуло. Отъ той куцый, що въ болоти сыдыть та ломакою болото колоте, йде дорогою тай куре люльку, а чоловикъ ёму назустричъ; побачывъ що чортъ куре, тай каже: „а дай и мени потягнуты хочъ разъ!“ Чортъ и давъ. Чоловикъ выкурывъ люльку та шей на дорогу выпросывъ; а якъ покурывъ вже и той, тоди и каже: „дороге це дило тютюнъ, и сылу пиддержыть и нагріе.“ Пишовъ до чорта, выпрохавъ насиння тай розвивъ на огороди.

(Благовѣщенка Александр. у.)

Викна.

Якъ Богъ та святый Петро ходылы по земли, такъ люде постройилы соби хату та тилко безъ виконъ. Такъ одчынять двери та решетомъ и ловлять сонце, шобъ у хату свитъ унесты. Покы жъ дверей незачыняють, то и выдко трохы, а зачынять, и поночи. Такъ Богъ и сказавъ йимъ, шобъ викна прорубалы.

(Алексѣевка Александр. у.)

Серпъ.

А то идуть воны дали, колы чоловикъ робе шось на ныви. Роздывылысь ажъ винъ зколюе жадну жытыну шыломъ, та улуча-улуча та и невлуче. Такъ Богъ и давъ ёму серпъ.

(Алексѣевка Александр. у.)

Чого китъ вурчить.

Китъ колысь хотивъ хазяйина задавыть; винъ и теперъ все такъ дума, такъ Богъ давъ ёму таку писню, що якъ тилко задума задавыты, заразъ и прыйде ёму на думку писня та, винъ и забуде, тай ну вурчаты.

(Алексѣевка Александр. у.)

Каинъ.

Якъ хто кого стрине та пыта: „чы не бачывъ ты тамъ такого-то?“ Такъ дурный скаже: „я бъ и тебе небачывъ, колы бъ ты мене нестривъ.“ Такъ казаты негодытьця, бо такъ одвитывъ Богови Каинъ, якъ Той спытавъ ёго: „де твій братъ Авель?“ За те Богъ и положывъ на ёго проклятіе, а винъ пишовъ у лисъ та наплодывъ всякоии нечысты: ведмедивъ, собакъ, кишокъ и таке инше.

(Алексѣевка Александр. у.)

Не грихъ божытысь, колы продаешъ.

Бувъ у святого Петра оселъ, та такый ледащо: хочь ты ёго печы такъ нейде. Отъ винъ и вывивъ ёго на ярмарокъ. То хто не пидийде торгуваты, пыта чы добрый, то святый Петро всю правду и скаже, а люде и одходять. Водывъ винъ ёго по ярмаркамъ, водывъ, а дали и давай Бога просыть: „шо зъ тымъ осломъ робыть?“ Такъ Богъ ему и каэ: „якъ пытатымуть, чы добрый, такъ ты прыхвалы та ще й забожысь“. Колы такъ, вывивъ, давай прыхвалюваты та божитысь; люде и купылы заразъ.

(Сл. Большой Токмакъ Бердянскаго у.),

Зинське щеня.

Зинське щеня, якъ бы ёму очи, то скаженишого бъ и небуло. Воно якъ укусе, такъ одъ ёго и шептуна нема. Такъ Богъ и недавъ ёму очей. „Якъ накыдаешъ, каже, стилко купокъ, якъ у мене зирокъ, такъ дамъ тоби очи. Отто жъ воны и рыють все купкы.

(Сл. Алексѣевка Александр. у.).

Выхресты.

Якъ буде страшный судъ, такъ на воротяхъ тамъ стоятымуть двое святыхъ: нашъ и вашъ (православный и жидовскій). Отъ якъ иде вашъ, то вашъ святый и бере ёго; а якъ иде нашъ, то нашъ бере; а якъ иде выхрестъ, нашъ подывыться шо хрестъ, тай каже: „мій,“ а вашъ до себе тягне „ни, мій, каже, це обризанъ.“ Та заведуться спорытысь, а шобъ воны не спорылысь, то Богъ выхрестивъ оптомъ и до суду небуде пускаты.

(Сл. Алексѣевка Александр. у.).

Круглый перець.

Якъ узялы жыдякы Суса Хрыста на муку, та якъ мучилы ёго, то Маты Божа недалеко стояла и дуже горко плакала. А де ти слёзы падалы, тамъ такъ и захолонулы, а люде теперъ беруть та у лавкахъ продають: якъ выймуть одну перчыну, заразъ и друга натомисть выросте.

(Благовѣщенка Александр. у.).

Вечеря.

Якъ хто бувъ въ Ерусалыми, такъ розсказують: тамъ, де жыды Хрыста мучылы, осталось два жидёнкы. Якъ мисяць молодый, той воны молоди, а якъ мисяць старый, той воны стари. И тамъ пры дорози стоить гробъ Господень, а пры ёму ти два жидёнкы зъ вилыкамы та все обмитають ту

полову, шо якъ хто въ недилю віе, а вона и сида на гробъ. Такъ кажуть, все пытають: „А шо, чы ше кумъ до кума носе вечерю?"—Носе, одвитять. „Ну ше, кажуть, далеко страшный судъ: а якъ перестане кумъ до кума вечерю носыты, тоди и страшный судъ буде." Хрещеныця або хрещеныкъ, якъ прынесе батькови вечерю, то на тимъ свити може ёму воды податы.

(Алексѣевка Александров. у.).

Св. Юрій та вовкы.

Йиде разъ чоловикъ верхы, а на ёго та напалы вовкы. Винъ такъ-сякъ видбывся видъ ныхъ, а дали побачывъ у лиси вогоныкъ блыма, винъ и пойихавъ на той вогоныкъ. Прыбига, ажъ тамъ Святый Юрій вовкамъ йисты варе. Той чоловикъ жаліеться, шо ёго вовкы непропускають. „А ты, каже Святый Юрій, вырижъ коневи ляжкы тай оддай йимъ, бо одъ Бога положено покорыстуватысь йимъ одъ твоейи конякы. Выризавъ винъ коневи ляжкы, оддавъ вовкамъ, тоди воны ёго и пропустыли.

(Алексѣевка Александр. у.).

Комаръ

Комаръ та просывъ Бога, шобъ ёго, якъ и усяку дыку тварь, люде зъ ружжа былы. „А то, каже, якъ долонею ляпне, той маслакы уси розвезе".—Прыходь же, каже Богъ, пisля Покровы (Пречистои). „Э, каже, я тоди пиду говиты", тай подавсь десь. А пиcля Покровы (Пречистои) воны пропадають. Комаръ усе хворый та тощый, тымъ то винъ и стогне: „ку-у-умъ, дай кровы напытысь, одужаю—прыйду покосытысь."

(Минуйловка Новомосков. у.)

Комаръ та оводъ.

Оводъ та клыкавъ комаря литаты у день. „Такъ боюся, каже комаръ, розтопытысь; давай краще у ночи."—А въ ночи я боюсь ока де небудь выштрыкнуты. Тай розлетилысь. Тымъ то теперъ скотына видъ ныхъ немае спокою: одынъ тне у день, а другый у ночи; а якъ бы литалы сумисно, то або въ день, або у ночи, все бъ скотына спочыла.

(Мануйловка Новомосков. у.)

Орелъ та муравка.

Заспорылысь орелъ та муравка, хто дужчый. „Ты, каже муравка, непиднимешъ грудкы свынцю удвое за себе билшойи, а я пидниму." Такъ муравка таки пидняла, а орелъ ни.

(Мануйловка Новомосков. у.).

Чорногузъ

Чорногузъ безъ грошей гнизда невье небуде дитей лупыты. Оттожъ по весни наши шукають по ййихъ гниздахъ грошей Нимци, якъ прилетыть чорногузъ, кажуть: „уже чорногузъ полудень прынисъ,“ тай почынають полуднуваты; а якъ пиде у вырій, то и полудень кыдають.

(Мануйловка Новомосков. у.).

Просеренъ (Crocus).

Усімъ зиллямъ земля ридна маты, а просеренови мачуха; тымъ-то вона ёго и выганя заранѣ, ще якъ снигъ зъ землы незійшовъ.

Александровскій у.

Небо.

Зирокъ на неби неличено, а *зорь*—дви: свитова та вечирня: воны сталы, вже якъ Хрыстосъ народывся. Николы на неби бува *митла* (комета) и *оказія* (сѣверное сіяніе)—це передъ войною, або передъ моромъ. *Зори на дожчъ*, якъ подывысся, набрякають та такъ и пляшуть (мыгтять). Якъ *зирка пада*, то йийи видьма зловлюе. *Дорога* (млечный путь) веде въ Ерусалымъ и на Крымъ: якъ бигалы видъ панивъ, то по йий и йшлы. По *дорози*, саме въ *розсохахъ*, есть *крыныця*—чотыри зиркы, а видъ нейи пишла *дивка зъ видрамы*—тры зиркы. Ще есть *Визъ*—четверо колисъ та трое коней у простяжъ. Мижъ крайнимъ переднимъ и другымъ конемъ е маненька зирочка *вудыла*: колы воны перейидяться, тоди и конецъ вику. *Визъ*, якъ зиходе середъ лита, то киньмы стоить у гору, а къ свитови киньмы повертаеться у-пызъ. *Борона*—въ однимъ обороти тры зиркы, а въ другимъ чотыри, и війце до нейи зъ трёхъ зирокъ. Ще есть: *Чепигы*, *Квочка* (стожары). *Весела* (радуга) тягне воду зъ земли на небо; якъ добижышъ та пайдешъ те мисто, то вона дасть тоби мишокъ грошей або зъ собою втягне.

Дождь и вѣтры.

Сѣверный.—Зъ Россіи: руськи дышуть. На Днѣпрѣ—*горишній*

Южный.—Нызовый, пызовка.

Восточный.—Зъ пидъ сонця, суховій.

Западный.—Зъ моря, зъ теплого краю.

На Днѣпрѣ еще вѣтры различаются по пригодности для плаванія, такъ: ходовый—попутный, супрутній—противный и боковый.

Дождь бываетъ: лывный (проливной), громовый, облоговый (обложной) кризь сонце. Такый якъ кризь сыто (мѣлкій), крапчатый (крупный).

(Александровскій и Новомоск. у.).

Мочка—иде зъ **Мая миеяца**. Попереду *водяна*—зъ нины, за нею *шелюгова*—зъ шелюгу (sic)—зъ осыкы, а тоди вже саме уйидлыва та дрибненька береста.

Весела ничъ.—Це колы пивни звечера спивають. Такойи ночи де хочъ иды—ни шо тебе незайме и незляка.

Гримъ—Це Св. Илля йиздыть зъ Варнавою на колесныци, а до нейи прывьязана довга дошка. Варнава прыказуе Илли зкатуваты отту дошку, якъ сталну пылку, або пружыну, та тоди якъ пусте, одъ того и гримъ.

(Александровскій и Новомоск. у.)

Ужака той, шо корову сце.

Винъ товстый та куцый, а голова якъ у дытыны, и пыщыть, якъ быи его. Его и убыты можно, такъ корова пропаде, бо вона за нымъ, якъ за телямъ, побываеться. Такъ, кажуть, обвьеться кругомъ заднейи ногы та и сце: а выбера винъ саме вже де путня корова и порчи йий ніякойи неробе, а ще така корова усе гладша та сытча.

(Сл. Мануйловка Новомоск. у.)

Жаба.

Нема сердытишойи твари одъ жабы. Разъ чоловикъ якъ роздратувавъ иипи, а вона за нымъ: винъ хода, бижыть, стилко захвате, и вона неодстае. А близько десь бувъ шынокъ, винъ и ускочывъ у шынокъ тай зачыныв ся. Такъ вона якъ плыгонула у двери, такъ уся у ныхъ и вгрюзылась.

(Сл. Мануйловка Новомоск. у.)

Якъ Богъ показавъ, шо усе можно йисты.

Разъ ишлы Святый Петро та Святый Павелъ и захотилось имъ йисты, а понавкругы ниде ничого невыдно и блызько. Отъ Павелъ и каже: „отче Петре, мени вже дуже йисты хочетьця.“—Та и мени, каже Св. Петро, хочеться. Тилко воны отце промовылы, ажъ ось иде до ныхъ самъ Богъ „Про шо це вы, пыта, балакаете?“—Та це радымось, шо йисты обомъ хочетьця, та ничого; може у тебе, чоловиче добрый, шо есть?“ Богъ подывывсь навкругы тай каже: „у мене нема, а опъ свыня ходе, заржмо та зйимо.“—Якъ же йийи йисты, шо вона услку нечысть жере? Тай незхотивъ. А Павелъ заразъ заходывсь, піймавъ ту свыню, заколовъ тай пу розбыраты, а Богъ пишовъ по воду. Якъ Богъ пишовъ, Павелъ и каже: „це, Петре, самъ Богъ; теперъ будешъ йисты?“—Ни, небуду. Отъ прынисъ Богъ воды, зварылы и почалы транезуватъ у двохъ, бо Петро нехоче. „Йижъ, Петре, бо бачышъ, я самъ йимъ, каже Богъ. Тутъ вже и Св. Петро ухватывъ крышечку. Якъ закусылы, Богъ

и каже: „О маловирный! Отъ я покажу тоби, шо можна йисты; пидожды тута.“ Сказавъ, а самъ и пиднявсь на небеса тай зпустывъ видтиль на чотырёхъ цепахъ ящыкъ, а тамъ була усичына, и свынына.

(Благовѣщенка Александровск. у.)

ЗАГОВОРЫ, МОЛИТВЫ.

Отъ крови.

а) Летивъ орелъ зъ Чорного моря и нисъ руно зъ чорнойи вовны нарожденному, молытвенному и хрещеному (имр.) заткнуты кровавее джерело.

(Купянскій у.)

б) Ишло тры калики черезъ тры рикы, тамъ седило тры баби: одна шыла, друга запошывала, а третяя молытвен. нарожден. и хрещеному (имр.) кровъ замовляла.

(Купянскій у.)

в) Ишла дивка Марія по воду, дивка впала, видра впалы, дивка впала кровъ перестала. Трижды.

(Трёмсынивка Александр. у.)

Кровъ (нутряну), бильмо и прыстритъ замовыть.

Ишла дивка Марія золотымъ мостомъ зъ золотымъ хрестомъ, за нею бигло тры псы: первый чорный, другый червоный, третій билый. Чорный одъ прыстриту, червоный одъ кровы, билый одъ бильма; зъ 77 суставивъ раба божого (имр.) чоловичойи косты. (Заговоръ этотъ дѣйствителенъ для человѣка и скотины. Шепча скотинѣ, вмѣсто имени вставляютъ масть шерсти „одъ сирои шерсты.“ Если читать его для лошади, то онъ недѣйствителенъ для человѣка и скота.)

(Трёмсынивка Александр. у.)

Отъ бѣльма.

Йихавъ пресвятый Юрій на вороному кони, на золотому сидли, золотою нагайкою поганя. За нымъ бигло тры псы: одынъ билый, другый червоный, третій чорный. Билый бижыть бильма зобаты, червоный кровы хлоптаты, а чорный бижыть чоловичка въ око вставляты.

(Купянскій у.)

Отъ гадюкы.

а) Господы мылостывый, Господы праведный! На мори на окіяни, на гори на Осіяни стойить дубъ гилчастый, на тому дубу сорокъ сорокивъ гиливъ, на тому гилли зміёве гниздо, и Маруся тамъ. Уставай, Маруся, и пи-

диймайся, и збырай свои війська лисовіи, луговіи и писковіи, и пиднокутни, и изъ ныхъ зуба вынимай. (Дуны и плюнь.)

(Купянскій у.)

б) На мори на лукомори стоявъ дубъ дупчастый, а въ тимъ дуби Авелъ. Авелъ, Авелъ, мылуй опухъ; мени одъ тебе пешептаты, тоби самому виддеда выпадаты.

(Александровскій у.)

Отъ зубовъ.

а) За моремъ дубъ, въ мори каминъ, въ земли мертвець; якъ тымъ тр‧мъ царькамъ вмисти несходыться, такъ шобъ у сёго раба божія (имр.) по смерть зубамъ неболиты.

(Выписка изъ старой записки).

б) За Ордань-рикою стойить билая береза, на мори-окіяни лежыть билый камень, зъ березою никогда несходыться; такъ шобъ у сёго раба божія (имр.) вично зубамъ неболиты. (Проговори трижды, сплюнь три раза, разотри ногою; за каждымъ плевкомъ—класть два поклона.)

(Оттуда же).

Если кто позываетъ.

Мисяцю Владымырю, ты на неби, ведмидь па земли, а дубъ у лиси—чотыри браты; якъ будете сходытысь докупы гуляты, тоди мене будуть люде позываты.

(Купянскій у.).

Молитва пасѣчника утренняя.

а) Хто въ свити яснишый, хто въ мори сыльнишый, той нашу бджолу уречe. Я своему Господу-Богу молюся, на вси чотыри стороны клонюся, шобъ чужая бджола нашойи маткы незаймала. А ты, матка-осіянка, рано вставай, на вси цвиты розсылай, шобъ було тоби и хазяйинови.

(Алсандровскій у.).

б) Господы мылостывый, святая Субота (або якый тамъ день)! хто вызщый есть неба, хто кращый, яснишый есть сонця, той мою бджолу у день и въ ночи до пивночи уречe. Чоловикъ буде йиты—ёму слёзы потечуть, а мою бджолу вси урокы, прыстриты мынуть.

(Васыльковка Павлоградск. у.).

Если кто идетъ мимо пасики.

Чоловикъ (або жинка) иде со зломъ, а Богъ зъ добромъ. Зло опаде, а все добро на мою пасику упаде.

Якъ на бджолу урокы нападуть.

На Осіянській гори, тамъ лежало сто каменей, та пидъ тымы каминямы стояло сто дубей; ни дубей нихто score неможе ни всикты, ни врубаты, ни вглодаты,—такъ неможно маткы осіянськойи, персіянськойи выдать и врикать. (Ци урокы нападають на бджолу, якъ жинка зъ мисячнымъ пройде по пасици, або поузъ пасику.)

(Богатая Новомоск. у.)

Видъ урокивъ.

Господы поможы мени прыступыты; не я прыступаю, Пречыстая Маты Хрыстова изъ помощью, я зъ рукамы и зъ божымы словамы, святымы молытвамы. Святый Мыколаю, божый угоднику, скорый помошныку, стань мени на помощи нарожден., молытвен. и хрещен. рабу божому (имр.) выговорыты, отозваты, вышептаты, отослаты нарожден., молытвен. и хрещен. рабу божому (имр.) прыстриты-прыстритыща, урокы-урочыща: чоловичи, жиночи, парубочи, дивочи, хлопьячи, дивчачи, мисячни, сонешни, шляховіи, витряніи, водяніи, прозирніи, подумани, погадани, прымовлени, прыговорени, сказани, спытани, извидани. Покы вы въ голови стоялы, шумъ робылы, червону кровъ пылы, косты ломылы, жылы сушылы, серце нудылы, печинку выплылы; покы вы кололы, покы вы поролы, колючками бралы, у плечахъ стоялы, пидъ груды пидпералы, стыскамы стыскалы, нарусы пускалы, жывоты таскалы; покы (поты) я васъ незнавъ, невышептувавъ, невыклыкавъ, невызывавъ; а теперъ я васъ знаю, вышептую, выклыкаю, вызываю, Господа небесного на помичь прызываю. Поможы мени Богъ небесный, поможы мени Маты Хрыстова выговорыты, отозваты, вышептаты, отослаты нарожден., молытвен. и хрещен. рабу божому (имр.) изъ ѐго шумнойи головы, одъ румьяного лыця, одъ щырого сердця, скорыхъ глазей, изъ вьязей, изъ плечей, изъ грудей, изъ реберъ, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ жыботивъ, изъ ялытивъ *), зъ понятыхъ бокивъ, одъ костей, одъ мощей, одъ жылъ, одъ пажылъ, одъ семыдесятъ семы суставъ, одъ опуху, одъ чорнойи мазкы, одъ болисты, одъ тоскы. Господь Исусъ Хрыстосъ помагае, помичь свою посылае нарожден., молытвен. и хрещеному рабу божому (имр.) Аминь.

(Сл. Большой Токмакъ Бердянскаго у.)

Видъ червей.

У недилю рано ишлы люде до церквы, а зъ церквы до дому; выпадайте червы до долу. (Заговоръ этотъ нужно проговорить непереводя духу

*) Пол. Чеш. Бр. и пр. *jelita*, внутренности, животъ.

„трычи девьять" разъ. Чтобы выполнить это, заговоръ прочитывается разъ, а затѣмъ говорять скоро: „разъ два, три, чотыри, пьять, шисть, симъ, висимъ. девьять и вньять девьять, и вньять девьять" послѣ чего сплёвываютъ. Шептать отъ червей почему-то считается грѣхомъ.)

(С. Мануйловка Новомоскаго у.)

Когда дурной сонъ приснится.

Господы Исусе Хрысте Сыне Божый, спасы и помылуй насъ. Святый Ёсыпе, переверны цей худый сонъ на хорошый.

(Сл. Алексѣевка Александровск. у.)

Иголку протягивать сквозь щеку.

Тянуть иголку съ ниткой можно только черезъ лѣвую щоку, причомъ со внутренней ея стороны кладется два пальца лѣвой руки, а потомъ большаго пальца правой надавливается ушко иголки поставленной между двумя первыми пальцами; при этомъ говорять:

а) Выдивъ я небо, выдивъ я землю, выдивъ я воду чысту, выдивъ я воду быстру; тягну я голку, тягну змію черезъ ливую щоку. Хука-хука, сука-сука.

б) Тягну я голку кризь ливую щоку, шобъ тило занимило, неболило. Ишло тры пролыкы черезъ тры рикы, рожу рвалы, рожу ламалы, рабу божому (имр.) кровъ замовлялы.

(Ново-Григорьевка Александровск. у.)

Заговорамъ можно учить только „перву и послидню дытыну", отъ остальныхъ же заговоры недѣйствительны.

Выписка изъ старинной рукописи.

а) Аще кого человѣка или скота укуситъ змѣя, или другая гадина, то зжевать ляного сѣмя и привязать къ тому мѣсту, то исцѣлѣетъ.

б) Аще у кого зубы болятъ, то жуй дубовые листья, и тоже дубовые листья топить въ водѣ и мыть тѣло, и то весьма человѣку здраво бываетъ.

в) Аще у кого во ртѣ бываетъ цынга, то возьми чесноку и сваря, съ пивомъ, и три зубы и десны; отъ того исцѣлѣетъ.

г) Аще кто нутряности нездоровъ, то топятъ въ пивѣ дивисилъ корень и пить на тощее сердце.

д) Аще у женщинъ младенецъ въ утробѣ умре, то бѣлую и черную траву чемерицу класть на тайное мѣсто той женщины чемерицу, то младенця умершаго выгонитъ.

Якъ стари люде казалы. (Примѣты, повѣрья, обычаи и т. п.).

1. Хто въ якому году неговивъ, тому того году навстоячкы паску ийсты.

2. Якъ сыто замучыться, то нетреба його оббывать, бо до його прыпьяти лыхорадкы валомъ: бува, валыну перебьешъ тай одпустышъ ихъ.

3. Якъ кыдають кровъ, такъ дывысь: якъ далеко пада та дуже бижыть, то той чоловикъ ще довго жытыме; а якъ помалу та тутъ и пада, скоро вмре.

• 4. Нешый сорочокъ зъ того полотна, шо, бува, выхоръ зхвате: буде тило крутыть.

5. Якъ круте выхоръ, кынь у середыну ножа: на йому кровъ буде.

6. Якъ у скотыны почынается бильмо, продинь йий увъ уха червону шовковыну.

7. Писля кишкы якъ напьешся, буде нéжыть.

8. Якъ свыня перве, або жинка побье чоловика, то тому на той свитъ невставать.

• 9. Пивень увъ одного хазяйина билшъ семы годъ пежытеме: або убье хто, або змандрує.

• 10. Молытва йде до Божого Престолу у золотый ковчегъ, тамъ перепалюеться, а до Бога йде сама чыста хвала.

11. Сонцемъ заправля архангелъ Урiилъ.

12. Колы у кравця, чы у швачкы за шытвомъ нытка вьеться, то той, чые шытво, того року ше невмре.

13. Негодыться бумагою зтераты зъ столу, бо буде зъ кымсь сварка.

14. У чоловика есть таки жылы, шо якъ добрый годъ, то воны замерають, а якъ плохый, то ожывають; тымъ-то въ голодный годъ чоловикъ и йисты билшь требуе.

15. Кобылу неможна случаты на вуздечци, бо у нейи зализни вудыла.

16. Жукъ (кузька)—це Божа кара, шобъ въ недилю невiялы, бо то не жукъ, а та полова въ недилю одлита; того винъ и зветься половенькый жучокъ.

17. Колы у кого буде пропасныця на Головосика (29 Авг.), то непокыне вже цилый годъ.

18 На Хреста (8 Сент.) уся птыця и гадъ убыраються въ вырiй, а звиръ, якому треба, засыпа.

• 19. Якъ важка баба де высцыться та у те мисто уступыты, то чырякы нападуть.

20. Колы де найдуться двоешкы, або троешкы, якъ хлопчыкы, то батькови, а якъ дивчатка, то матери недовго писля того жывотиты.

21. *Небесный рай.* Тамъ передъ кодною душею буде столыкъ, а на столыку стоятыме передъ душею усе, шо вона на цимъ свити заробе: усе те, шо кому дасть, або Богу жертву презнесе. Тамъ ридныхъ дитей вже непобачышъ, а тилко хрещеныкивъ.

22. Якъ шмалыты ракову шкаралущу, то гадюкы позлазяться до вогню.

23. На мишку грихъ спаты, бо погане снытыметься.

24. Выставляючы по весни бджолы, переносять ихъ черезъ гостру косу, щобъ бджолы булы зли и недалыся чужій бджоли; воны нетилко не дадуться, а ше и чужу забьють.

25. Пидъ коровою, якъ дойишь, негодыться балакаты; негодыться и тій жинкы, шо дое, пытаты шо небудь.

26. Колы хочешъ голубивъ плодыты, украдь у церкви виныка, хочъ тамъ трошкы, тай закынь на горище.

27. Колы вдова побабувала, то йий вже неможна ийты замижъ.

28. Колы кого мырувалы, тому уже неможна такъ жыты, якъ чоловикъ зъ жинкою.

29. Курка вся благословенна йисты, тилко ногы неблагословенни, бо вона гребе усяку нечысть; а у гускы та качкы и ногы благословенни.

30. Родилли до 40 день неможна ни на базарь, ни на грядкы ходыть, ни чоловикови дорогы переходыты, а тилко шо поратысь у хати.

31. Якъ собака порве, то треба набраты зъ нейи шерсты, шмалыты йиий та тымъ попеломъ раны и затоптуваты. Собака якъ порве чоловика, то скоро и сама пропаде.

32. Собаку або кишку нейде годуваты солонымъ, бо воши зайидять.

33. Писля первойи Пречистойи (15 Авг.) одкрываються родныкы и вода начына прыбуваты якъ у Днипри, такъ и у колодязяхъ.

34. Тило не писля всякого комара пухне, а тилко писля того, шо гадыну ссавъ.

35. Якъ дытыну годуваты чотыри посты грудьмы, то изъ єго выйде лыхе на очи.

36. Якъ гримъ гремыть, то грихъ спаты.

37. Собака незробе урону, шобъ то переполохъ вылываты. Вона хочъ и зляка, такъ потимъ сама усе и выгавка.

38. Травою одь Троецькыхъ святъ бабы змывають голову, якъ болыть; тежъ и дитей купають.

39. Якъ сонце миныться (затмѣніе), неможно на єго дывытысь: очи болитымуть.

40. Верміяна (армянина) якъ выхрищуваты, то треба черезъ симъ виръ переводыть.

41. На земли 77 виръ и 77 языкивъ

42. Скажени собакы бигають на молодыку.

43. До кутти на Святый вечиръ грихъ уносыты въ хату сало або шо таке.

44. Огиркы треба солыты у той день, шо й Риздво було.

45. *Мисяць-чернець.* Якъ прыйде мисяць-чернець, то буде и свитови конець. Кто говоритъ, что „мисяць-чернець" календарный мисяць въ 30 дней, но такой у котораго первое и последнее числа упадутъ въ постъ; другіе же говорятъ, что это „небесный", лунный, когда первая и последняя четверти упадутъ въ постѣ.

Якъ буде мисяць-чернець, то буде на тотъ годъ урожай на ярыну.

46. Якъ будешъ цвили недойидкы йисты, будешъ добре плаваты.

47. Вовкы почынають збыватысь у тичкы на Ганны зачатія (23 Сент.) а перестають бигаты на Орданьске водосвятіе.

48. *Троецьке клычання*, якъ зъ осычыны (осычына-серебристый тополь) то зъ нейи ципокъ якъ зробышъ, йды зъ йимъ де хочъ, нiякойи видьмы небійсь. А друге, якъ корова отелыться, озьмы зчистокъ, закопай и осычыною зъ клычаныны прыстромы: вже видьма коровы неспорте. Ще, якъ переполохъ вылывають, воно йде. Отто выльє баба чы воскомъ, чы смолою переполохъ, поставе того, кому вылывала, до одвирка тай проверне сверделчыкомъ якъ разъ ёму поверхъ головы у 'двиркови дирку, положе туды у дирку щось, пошепче тай забье клычаныною.

49. *Земляный духъ* росте зъ норокъ; ёго брать та гойиты вавкы, або якъ колы губы репаються. (Это паутина, которой земляные пауки выстилаютъ свои норки).

50 Пидъ Новый годъ охотныкы, якъ пидуть на засиды, замичають, колы удачни булы засиды, то буде удача цилый годъ.

51. Гаданье о дождѣ подъ новый годъ. Берутъ луковицу, рѣжутъ ее пополамъ и снимаютъ пленки чашечками, которыхъ должно быть по числу мѣсяцевъ 12. Въ каждую чашечку насыпаютъ немного соли и ставятъ на ночь на окно, называя каждую чашечку соотвѣтсвеннымъ мѣсяцемъ. Въ которой чешечкѣ окажется вода, тотъ мѣсяцъ и будетъ дождливъ

52. Якъ колють къ Риздву кабана, замичають косу (селезенку); якъ къ заду товща, ще зима буде товста, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша.

53 Сишненко (Февраль) казавъ: „якъ бы мени батьковы лита, то я бъ быкови третякови ригъ ссадывъ, а дивци семылитци коромыселъ до плечей прыморозывъ".

54. Зимою, якъ витерь свыстыть, то буде одлыга.

55. На Явдокіи (1 Марта) замичай: якъ буде сонячно, добре на пшеныцю буде.

56. Жукы звечера гудуть, буде витеръ.

57. Садокъ зацвивъ—пшеныцю кыдай сіять.

58. Якъ кгава до Юрья у жыти сховаеться, буде добре жыто.

59. Зозуля закувала—пора лёнъ сіять.

60. Якъ на Явдокіи та на Олексу тепло та ясно—къ урожаю.

61. Якъ на Стритення зъ стрихъ капа, не велыка буде зима.

62. Кгавы сидають купамы—буде вихола.

63. Сусидка крычить—буде вихола.

64. Якъ у Спасивку будуть велыки витры, то зима буде зъ вихоламы та лютымы морозамы.

65. Нема у ранци росы, то буде дощъ.

66. Въ усп свербыть—буде дожчъ.

67. До Ивана (24 Іюня) зъ дерева пада усяке яблуко, а писля Ивана тилко червоточына та слабе; тымъ садкивъ ранишъ Ивана иненаймають.

68. *Празныкы.* Перный весняный—Явдокіи (1 Марта). Перный литній—Душного Марка. Перный осинній Илли (20 Іюля). Перный зимній—Мыколая (6 Дек.). *Громови празныкы:* Прокипья (8 Іюля), перва Пречыста (15 Авг.), Илли (20 Іюля), Хлиба-Борыса (24 І), Палыконы (27 Іюля), Маковія и Спаса (6 Авг.). Чабаны празднують Юрья, ковали—Кузьму-Демьяна, майстрови—Семена.

Писля Семена почынають сыдиты зъ вечера и ставаты удосвита; тоди жъ кыдають и полуднуваты.

69. Якъ гадына укусе, то треба йийи розризаты та тіею зъ нейи середыною и мазаты укусене мисто.

70. Якъ хочешъ выбраты добре цуценя, яке билшъ занесе, те и буде найлучче; або понесы третёго дня на воду: яке довшъ буде борсатысь те и зоставъ.

71. Юга (сухой туманъ?)—це Петро вивци жене.

72. Якъ выбераешъ кожуха, надинь ёго та озьмы полы, якъ сягнуть незгынаючы рукъ до пидборидця, то саме по тоби.

73. Якъ болять зубы, то найды невыложеного жеребця-нутряка здохлого, одирвы пидкеву, зъ ухналивъ скуй перстень тай носи; николы зубы неболитымуть.

74. Парубкови неможна буты на хрыстынахъ, хочь якъ бы тамъ, а то бабы очкура перервуть.

(Екатериносл. губ.).

75. Отъ *плисневкы* мажутъ во рту чернилами, заставляютъ лизать „коминъ“, поятъ изъ одного корыта съ свиньями и вытираютъ во рту женскою косою.

76. *Французская болѣзнь.* Больного „сажаютъ на декохтъ“. Курсъ лѣченія продолжается 12 дней. Каждый день утромъ баба-лѣкарка накали-

ваетъ до красна кирпичь и кладетъ его въ посудину съ водою. Больной раздѣвается до гола и, плотно накрывшись свитой, становится надъ этимъ паромъ и стоитъ пока кирпичь не остынетъ. Затѣмъ онъ лѣзетъ на теплую печь, куда ему подаютъ рюмку, двѣ а то и чайный стаканъ—(стилко хочешъ: воно не вредыть) водки, настоянной на аптечномъ декохтѣ. Послѣ выпивки больному даютъ крупичатый совершенно прѣсный коржъ, котораго онъ можетъ ѣсть сколько хочетъ. Кромѣ этого коржа и лѣкарственной водки больному ничего недаютъ въ продолженіи всѣхъ 12 дней лѣченія, не даютъ даже воды. Рѣдко кто выдерживаетъ полный курсъ такого лѣченія; обыкновенно больной невытерпитъ, напьется воды и все лѣченіе считается недѣйствительнымъ.

(Новомосков. у.).

77. Отъ *зубной боли* а) Берутъ въ ротъ сѣменъ блекоты и, подержавъ немного, сплевываютъ на раскаленный камень, на которомъ должны оказаться червяки, вышедшіе изъ больного зуба.

б) Зажигаютъ блекоту и больной, плотно закрывъ голову и зажженную блекоту, глотаетъ ея дымъ, затѣмъ сплевываетъ на воду, гдѣ можно замѣтить послѣ этого тѣхъ же червяковъ.

в) Подкуриваютъ мертвыми пчелами.

78. Когда пухнутъ и гноятся глаза, заливаютъ мочою.

79. *Пиднебення пидиймати.* Когда у кого опухнутъ миндалевидныя железки—говорятъ „пиднебення опало". Чтобы „пиднять" его, баба пальцемъ напираетъ на язычекъ и железы, прицмокивая и агукая. Подвязываютъ нижнюю челюсть платкомъ и сильно тянутъ его вверхъ. Зажимаютъ носъ руками, сильно втягиваютъ въ себя духъ, а то просто больной давитъ опухшія железы объ уголъ стола или лавы.

(Новомосков. у.).

80. Отъ *золотухи* купаютъ дѣтей въ листьяхъ сладкой яблони.

81. *Опухоль мошонки.* Нужно класть припарку изъ свѣжаго помета изъ подъ жеребца.

82. Отъ *глистовъ* посыпаютъ ладонь солью и слизываютъ

83. Отъ *насморка* нюхаютъ чобитъ, или присмаленый кошачій хвостъ.

84. Отъ *лихорадки* подкуриваются мертвыми пчелами.

(Новомосковскій у. Екатерин. губ.)

85. Чтобы узнать вредная роса или нѣтъ для скота, засучиваютъ рукавъ по локоть и рукой проводятъ по росѣ; если роса вредна, то руку будетъ щипать и как - бы жечь.

86. Рыба за три дня до новолунія и первые три дня его стоитъ въ илу, зарывшись головою внизъ, такъ что только одни хвосты видно. На третьей четверти тоже зарывается, но только головою вверхъ.

87. Щука каждый мѣсяцъ мѣняетъ зубы.

88. Пидъ Хрещення бува така мынута, шо вся вода у выно претворяеться. Одна дивка разъ улучыла на таку мынуту тай прынесла два видра выпа.

89. На новый годъ, когда посыпають, негодится чужихъ женщинъ пускать въ хату.

90. На крестины идутъ непремѣнно съ житнымъ хлѣбомъ; на отходѣ куму дается хлѣбъ, а бабѣ—два.

91. Коропа трутся на 19 недѣлѣ по Рождествѣ.

92. *Похоронный обрядъ* въ с. Мануйловкѣ Новомоск у. Умирающему непозволяютъ лежать на „подушкахъ,“ такъ какъ исходъ души на нихъ продолжительнѣе, потому что на „подушкахъ,“ онъ имѣлъ „грихъ,“ а если не онъ, то кто либо изъ семейства. Его кладутъ на солому, чаще всего разостланную „доли“ и застланную рядномъ. На этой же соломѣ его обмываютъ, при чемъ, раздѣвая, рубахи неснимаютъ а разрываютъ отъ пазухи до подола. Надѣваемая на мертваго сорочка у мужчины должна быть безъ „пидопличкы,“ т. е. безъ грудной подкладки, а у женщины „додильна,“ т. е. цѣльная безъ „пидтички.“ Женатому или вдовцу рубаха выпускается поверхъ штановъ, а парубку заправляется въ штаны. Въ обоихъ случаяхъ мертвый подпоясывается, но отнюдь не „червонымъ.“ Вообще красный цвѣтъ въ гробъ класть „негодится,“ и исключеніе составляютъ „хустка и квитка.“ Первая кладется парубку у бока или затыкается за поясъ, а вторая „дивчини“ или пришивается къ груди, или кладется у праваго виска; при этомъ дѣвушкѣ распускаютъ косу. На ноги надѣваются чулки или же ихъ обматываютъ чистыми тряпками. На женщину надѣвается „спидныця и кирсетъ.“ Что либо съ рукавами, кромѣ рубахи, надѣвать въ гробъ „негодытся.“ Подъ голову мертвому кладется мѣлкая, непремѣнно мѣдная монета, что бы онъ могъ на томъ свѣтѣ расплатиться съ какимъ либо нечаянно забытымъ на землѣ долгомъ. Подушка въ головы приготовляется изъ того же куска кисеи, которая служитъ и саваномъ, или „покривцемъ“; набивается она стружками отъ гроба. Послѣ погребенія слѣдующую ночь домашніе неспятъ, „души доглядають.“ На столѣ цѣлую ночь горитъ „канунъ,“ представляемый булкою съ воткнутой въ нее восковой свѣчей и кушиномъ распущеннаго въ водѣ меду. На утро булка кануновая крошится въ медъ и ее ѣдять, какъ поминальную кутью.

Сны и ихъ значеніе.

Солнце.—Проты мору.

Блыскавка, дожчъ.—Недобре, клопоты.

Снигъ.—Неожиданное извѣстіе. Якъ почуешъ, то за плечыма морозъ буде драты.

Гримъ.—Звистка.

Хмары.—Здоровья.

Грядь.—Хлибъ буде хорошый.

Рична.—Дорога, бресты кудысь.

Вода.—То шось добре.—Нездоровье. *Купатысь.*—Хорошо.

Буря.—Спорка, сварка.

Болото.—Родыны. Сплетни.

Ячминь.—Удача въ хазяйстви.

Просо.—Прозьба

Гречка.—Недай боже! це чорна болисть

Жыто спиле—Буде де небудь добре тоби жыты.

Грушы, кысльщи, сливы, теренъ, яблука, ягоды, пшеныця.—Недобре: слёзы.

Кабачкы.—Якъ займешъ кого, гляды шобъ недавъ на кабачкы.

Гарбузъ.—Сватовство ко вдовѣ.

Огиркы.—Погано, хтось буде тебе клопотать

Дыня.—Нездоровья на трунокъ.

Кавунъ.—Недай Богъ: проты крадижкы.

Перець стрюкуватый.—Буде горко, незахочешъ и йисты, печаль.

Квасоля.—Клопоты про тисто.

Чачавыця.—То то буде молодыця.

Горохъ.—Слёзы видъ грусты.

Цыбуля.—Негарно, хтось нышкомъ посердыться, та такъ и мынеться

Буряки.—Клопитъ одъ мужыкивъ.

Капуста.—Клопитъ одъ жинокъ.

Кишка—Буде коло тебе дурна якась жинка.

Цапъ.—Погано, це чорты.

Лисъ, отара, куре, трави—Люде.

Вивця.—Дума про тебе дивчина.

Вилъ.—Буде воля куды хочь пйты.

Бугай чорный.—Це той, шо у води.

Корова.—Шось буде за тобою дуже плакаты.

Рыба.—Дожчъ, негода.

Щука.—Це твоя пара тоби буде Лыхорадка.

Мнясо, сало—Це нашъ грихъ якыйсь.

Кулишъ.—Будешъ здоровъ усимъ.

Каша.—Маленьки дитки.

Млынци.—Ударышъ кого небудь, або тебе, по щоци.

Перепичка—Паше горе якесь буде.

Хлибъ печеный—Недобре, печаль.

Картопля.—Клопоты.

Крашанка.—Злыдни.

Сіль.—Въ хозяйстви буде шось добре.

Паска.—Нещастя. Треба понедилкуваты, спостыты три понедилка передъ Святою, передъ Риздвомъ и передъ Св. недилею (Св. Тр. празд.).

Дивчина хороша.—Треба пьятныцю постыть.—Пропасныця.

Иконы.—Анголы; Богу треба билшь молытысь.

Комашкы.—Це родычи.

Голубы.—Взрослые дѣти.

Собакы.—Люде балакатымуть про тебе шось лыхе

Вошы.—То то гроши.

Верхы ïхаты—буты молодцемъ.

Жинка.—Недуга, мара.

Червоне (цвѣтъ).—Недобре.

Пожаръ, огонь.—Передъ гришмы.

Бджолы, рій, чернець, попъ, палянытя, дымъ.—Проты мерцвого.

Гадюка.—Брехня выйде, сварка.

Дытына.—Сварка, бійка.

Зубъ выпаде.—Мертвякъ зъ родыны.

Мертвякъ.—Дожчь, а зъ родыны—треба обпомынаты.

Кони били та сыти.—Лыхорадка, гарячка.

Орелъ.—Будешь зъ паномъ балакаты, або побачышь.

Ораты.—Шось буде добре та ненадовго.

Ракы.—Це погано. Срамъ, хто небудь острамыть.

Горы.—То горе, погано.

Волосся розчисуваты.—Порядкуваты, ладъ даваты, добре.

Хворый.—Сыра погода.

Церква.—Чужа сторона.

Судъ.—Клопоты.

Чоботы нови.—Новость.

(Александровскій у. Екатер. губ.

Прыказкы, прысливья и таке инше.

1. На чужи галыци невыкыдай вси палыци, зоставляй ще й на свои

Зробывъ, якъ у рукавыцяхъ (аляповато).

Цыть, кони блызько! (острятъ, когда кто громко хохочетъ: лошади, дескать, услышать, ржать будуть).

Ни прощай, ни здоровъ,—все равно.

Довбай тамъ зпидъ нигтя,—выискивай, припоминай (пѣсню, сказку)

Мышку зирваты,—побить.

Не моею губою,—какъ бы извиненіе, что сказана непристойность или чертовщина.

Въ тры горли,—предовольно, очень много.

Ажъ на неби чуты, якъ мухы кашляють,—хвастовство.

10. Побигъ, якъ ногу зломывъ,—скоро.

Нема и кгнотти. Нема ни дрыба. Нема и гла,—нѣтъ ничего.

Курыть, якъ чортъ у болоти,—пьянить.

Огнённый сусида,—закадычный пріятель.

И нидъ судъ Божый (недамъ, нехочу и т. п.)—ни за что.

Холодно, одягнився въ одно, а хоч у двое та обыдва худое, то усе одно.

Щобъ куцыи (кгулый), щобъ тоби хвистъ (рігъ) одпавъ.

Тягны, покы Богъ душу вытягне,—пьяница.

На симъ свити пьяныця, а на тимъ чы трапытьця.

Казала Настя, якъ удастьця,—посмотримъ еще.

20. Рябцемъ иду!—Я самъ той рябець що людей дере (встрѣча двухъ разбойниковъ).

До обида ложка, а по обиди—хочь пидъ стилъ.

Найде свадьба сорочку, (нужда заставитъ).

Робыла-робыла тай лягла, якъ кобыла.

Хай журытьця кобыла, що довгая грыва, (а не мы).

Хай винъ пидъ плавъ пиде (проклятіе: *плавъ*, грясина).

Хочъ бы винъ мене тутъ набывся, то я бъ непизнавъ его.

Якъ позычаты, то свого батька драты, а якъ оддаваты, то и панного деруть.

Нежалуй батька въ наймахъ: нанявсь, хай пропада.

Хай ёму дробына снытьця, (злое пожеланіе умершему: *дробына*, всякая „нечисть,“ какъ змѣи, жабы и т. п.)

30. Переступлю—незайму, а краще вкраду.

Сякый-такый та Божый (льстивый)

Якъ панську дытыну (положылы, одягли и т. п.)—осторожно, хорошо.

Ляпа, якъ руськый лаптемъ (неловкость).

Ходимо въ комыши жывыты души.

Ни пару, ни жару, ни духу, ни хуху (нѣтъ толку).

Нема ни козла, ни посла.

Право!—Може брешешъ браво?

Будь воно паномъ. (данное слово).

Узявъ Богъ коровку, на тоби, чорте, и веревку.

40. Шо чоловикъ пьяный, що скажена собака.

Абы горилка була, мы и сухари поимо.

Якъ бы не охъ, давно бъ здохъ, а то тилко цымъ и оборонився.

Шелестыть, Богъ простыть (?).

Не за вики (недавно, не за долгое время).

Ни кгу, ни ме (ни того, ни другого неговорючего).

За невынного Бога (побыто, взято и т. п.), за ничто.

Ой Полтаво-Полтавочко, яка маты така й дочка.

Добре люблять: кулакамы голублять. „Якъ мене, мамо, хлопци люблять!“ А якъ? „Въ спыну та ще кулакамы!“

Москаль салдата посвятавъ. (Москали Николаевскіе служаки, а салдаты — это современные солдаты).

50. Ни въ головы некладе, ни ухомъ неведеться.

Якъ дома пообидай, то и у людей дають.

Злыдни убралысь на тры дни та чортъ ихъ и выкынка.

Якъ молода була, по сорокъ вареныкивъ ила, а теперь и семыдесять мало.

Поможысь, непоможысь, а въ калыточку уложысь (сказала знахурка).

Я знаю ничого.

Зробывъ дядя на себе глядя („нестатурне що“).

Трусыться, якъ на нови (дрожитъ сильно).

Пошыв на вати тай сыды въ хати (плоха ватная одежа).

Чый корень, того и плидъ.

60. Така плаксінка, не чого, ничого, усе плаче.

Дарма праця, або заносы наши (смѣхъ надъ собственной неудачей).

На добрый камінь що не скынь, то усе змеле.

Кузьму казавъ чортъ озьму.

Ждавъ Петра якъ Бога, а винъ тоби въ середу на-на!

Хай воно вамъ передъ душечкою стане (на томъ свѣтѣ) — благодарность.

Така доля, якъ своя воля.

Молодець проты овець, а проты молодця и самъ якъ вивця.

Повнемо, не кинь, — тощій.

Бытымуть небытымуть, а лини невыбьють.

70. Чепкый, якъ рябець.

Хочъ зъ колына вылупы, — гдѣ хочешь бери.

Чужого своимъ неназовешь.

Якъ скажешь та розмажешь, то и розбере.

„Розжувавъ?“ — Розжувавъ! „Теперь ковтай“ (понялъ и т. д.).

Зимня зичь — матка (глинка).

Святи отци карбованци.

Паны, на семеро одни штаны.

Казавъ руськый: „пойдемъ на дуранкую сторону пироговъ ѣсть.“ Казавъ руськый: „прости меня, Господи, что я хохла братомъ назвалъ!“

Мы за те бьемось, за що заведемось.

80. Хочъ за-здалегоды и свичку становы. (находится при смерти).

Про мене, сынку, беры хочъ свынку, абы на мене нерохкала.

Ты у мене, сынку, хочъ дурный, такъ велыкый: бери жъ и ты хочъ дурну та велыку: хочъ поганого борщу наваре, такъ до биса.

Одно каже: „иды за мене, спасыби тоби,“ а друге: „озьмы мене, спасыби тоби“; таке-то наше мужыцьке жениння.

Весилля, то лыха годына.

Гуртомъ и батька добре быты.

Мали диты—малый клопить, а побилшають то й погиршають.

Диты—Божа роса.

Будемъ жыть, якъ наложыть: жывы у яму неполиземъ.

Жывешъ-жывешъ и смаку нечуешъ, (нѣтъ тебѣ отъ жизни никакого удовольствія).

90. Ани роду, ани плоду, ани завьязкы, ни-защо и зачепытыся (одиночество).

Якъ жинка непуска въ шынокъ, щобъ малось прямо йты, то идешъ черезъ тыны та огороды, по за вуглами.

Бида, у кого жинка блщда, а у кого така якъ калына, и того побыла лыхая годына.

Хочъ на гроши нерозжывся, такъ увъ одежу вбывся.

Пропало, якъ на батози, (столько же взыску, какъ съ кнута за ударъ).

Треба, якъ сыроти трясця.

Треба, якъ архыреєви хвоста.

За пьятакъ старця неповедешъ, (нестоитъ изъ-за бездѣлицы кланяться).

Дощъ, ажъ пыщыть, (сильный).

Дощъ, якъ кризъ сыто, (мѣлкій).

100. Знову сытець на килочку высыть, а прыстаріється, то й пидъ лавою валяеться.

Дурному (пьяному) горы немае.

Розбе́сывсь, якъ собака (польс. rozbestwił się).

Наче чортяка на вылахъ штрыка, (такъ хорошо танцуетъ).

Знаешъ ты зъ носа та во ротъ.

Якъ бы хвистъ, то и ребра бъ оббывъ, (хвастовство).

Нетуды хвостомъ (нетакъ).

Це—свята маты водыця, (пустяки).

Борщъ—ажъ жмуры (хвыли) встають, (плохой).

Те въ тынъ, а те въ ворота.

110. Блыны пече—дровъ (незаготовитъ нужнаго раньше)

Господы помагай зъ ночвамы на Дунай.

Смишкы зъ дурнойи кишкы, (безпричинный смѣхъ).

А шобъ винъ зъ свойимъ званнямъ выйшовъ.

Выробу нема, (невыходить изъ работы).

Голый, якъ мышъ.

Гетьте хлопци зъ шляху, чортъ несе сваху.

Що робыты, те робыты, абы не до церквы йты.

Куды нхаите, то нхайте, абы не до церквы.

Якого єму нухлого чорта треба?

120. Стилко не йижъ, то незабагатіешъ, а запузатіешъ.

Научылась ворожыты, якъ нячого стало у ротъ уложыты.

Непрошаный гисть хай хлибъ иисть.

Ненапрядешъ пидъ дымкомъ, ненапрядешъ пидъ тынкомъ. (если ненапрядешъ зимою въ хатѣ, то лѣтомъ на дворѣ и подавно).

Благословы тату, маты вже йисть (говорятъ когда младшій начинаетъ за столомъ ѣсть раньше старшаго).

Сій просо ридко, де дитей чередка; сій просо густо, де дитей пусто, (Рѣдкое просо лучше родитъ).

Було мени, ненько моя, и бокомъ и ракомъ, було мени всяко, (говорила роженица).

Зъ легенькымъ днемъ, зъ понедилочкомъ!—Здѣсь вопреки общепринятому повѣрью, понедѣльникъ считается легкимъ днемъ, такъ какъ въ понедѣльникъ „Богъ свитъ зачынавъ."

Колы наклюнулось, такъ вылупытьця, (началась такъ и кончиться).

Въ болоти не безъ чорта, а въ слободи не безъ жыда.

130. Будьте здорови, господа, зверху до спода́.

Якъ зайду зъ кинця, то немыну и двирця.

Куття—дурень безъ пуття. (?)

Дурный пипъ, дурна єго и молытва, (дрянь дрянью и будетъ).

Вуха объйисты, (надоѣсть просьбою).

Тягаетьця, якъ кобыляча голова.

Салдацька честь на волосыни.

Щобъ єго киньськый грець узявъ, (побывъ).

А нуте хвостатьця, щобъ неостатьця.

Якъ визъ ламаетьця, чумакъ ума набераетьця, а якъ вилъ прыстае, то й ума нестае.

140. Годи, майстре, гемблемъ гемблюваты: прыйде батько, буде сокырою направляты (плохой мастеръ).

Небуду дывытьця, нехай козырытьця; „якъ пидъ тымъ козырькомъ сыдыть чортъ зъ молоткомъ, винъ иде и куе, мени козыри дае."

Рыбу удымъ, а йисты що будемъ?

А ну тієйи, що хвистъ у нейи, (начинать пѣсни, сказки).

Писни недоспивуй, а то очи закысатымуть.

Деневшный цыбули.

Гне, якъ турень за батька. (дорого проситъ).

Угладывъ, якъ Богъ черепаху.

Сіемо и оремо, а зъ базарю хлибъ йимо.

Тоби пшыкъ, а мени грошей шаплыкъ, (при конц҃ѣ сказки)

150. До шуры (побывъ, перевив   т. п.)—безъ остатку.

Поможы, Боже! Казакъ, шо поможе.

Покосылы, погребылы, а поконьты ни, (неокончили дѣла).

Стій, ты ще непіймавъ Бога за бороду.

Сорока—сороци, ворона—вороии, гракъ—гракови, дуракъ—дуракови. (сплетни).

Я и самъ не зъ тыхъ грошей, (я и самъ непрочь).

Чортъ комусь гроши везе, (острять надъ двухколесной „бидою").

Баче вона свого вуха тыхъ грошей,—невидитъ какъ своихъ ушей.

Балакать ни взицо, (пустяки городить).

Морозъ, якъ шелестыть (сильный).

160. Купывъ за тры бгляды, (укралъ).

Брешы, брешы, гораздъ заверпы, пидъ конецъ правду скажы тай забожысь.

На чужый коровай очей непорывай, а раненько вставай та свій учыняй.

Незаймай чужого тай небійсь никого.

Бый сто чаркою въ зубы, (подноси).

Все одно: умры ты сёгодня, а я завтра.

Сино—якъ перецъ,—(сухое, хорошее.)

Стижокъ—якъ ячко.

До Юрья бьють дурня, а писля Юрья и розумного, (за потраву).

Прыйшовъ Уласъ (11 Февраля), зъ печи злазь, (пора думать о лѣтнихъ работахъ.

170. Шобъ тебе Артемъ кыйкомъ поблагословывъ.

Налупывсь, якъ Рябко дерты.

Прыйшла Покрова, сыды чумакъ дома.

—Здоровы, ребьята!—Полтавськи, вашеблагородіе!—Дуракы!—Нъъ одынъ, вашеблагородіе!

Управывсь, якъ зъ синомъ въ годыну, (хорошо).

Въ гарному ненаходышся, а солодкого непанысысь.

Грихъ душу загубыты, а вставыты не грихъ, (о незаконно-рожденныхъ),

Куряча вошa.—Собача пара.—Сатана ппняка, (ругательства).

Дождыыся до билого лебедя, (нѣтъ ничего).

Говорять: „хвыпари горять," а подывышся—масло горыть.

180. Змерзъ, шо й посвыслу.

Опухъ, якъ бабакъ.

Пьяный, якъ дымъ, якъ грязь, якъ земля.

Галушку у пушку, а на панивку юшку.

Уси пшенадцять, (управился, нѣтъ ничего).

Побилинъ, якъ вильхова довбня (покраснѣлъ).

А ну, сынкы, за люлькы, хай паска постое, а порося чортъ неозьме, бо воно свячене.

Куры, дядьку, и накладай, дядьку: повне решето тютюну и покрышка жару.

Ни се Боже, ни те Боже,—погода плохая.

Бигъ дасть до нечыва,—нѣтъ пока.

190. Треба хочъ душу закыслыты,—натощакъ передъ выпивкой, закусывая.

Немынетьця, якъ баби жныва.

На транку!—найдешь и т. п. гдѣ встрѣтишь.

Взяты холодокъ. „Просо (на ныви) взяло холодокъ,"—поднялось на столько, что въ состоянiи дать на нивѣ сплошную тѣнь и задержать влагу.

А що, Ганко, за пьятакъ?—Эге, пане, буде й такъ.

Чортъ вовкомъ оравъ, то той зъ ёго и хлибъ йивъ,—упрямство.

На Хрещення кистку зъ кинськойи головы знайды, запуздай, и та на Ордань побижыть.—На Крещенье въ Екатеринославщинѣ бывають крестьянскiя скачки.

Вбравсь, якъ вухамы ляпнувъ,—невыгодно условился.

Чортивъ пане сукъ,—каламбуръ.

Богъ свою бороду попустывъ,—снѣгъ идетъ.

200. Свичка блына, наче очи выйма.

Волы спорятьця,—напарные, несогласно идутъ въ парѣ.

Такын, якъ зъ жыда чумакъ.

Нема до шныри.—Нема и за зубы.

Недай курци проса, хай здохне.

Скласты у собачыи хресть,—исковеркать, смять въ борьбѣ.

Нимецьке око,—вѣрный глазомѣръ.

Мабуть пивни звечера неспивалы,—случилось что либо необычайное.

Дрыжакы йисты,—зябнуть, дрожать.

Куды не вткны клынъ, то буде добре,—куда некинь, все клинъ.

210. Хто умеръ, той буде каятысь:—упустилъ нѣчто хорошее.

Горилочка—якъ дивочка,—требуетъ осторожнаго съ собою обращенiя.

Вашъ якъ бы грамотный, то й того бъ що въ болоти прiйшовъ.

Правъ, якъ дуга.

Господы поблагословы побила Совы та до Горшнёго въ двиръ.

Кыдай печене и варене,—поспѣшай.

Що хочешь кажы, а нисты ничого.

Сякн-таки шуткы, тая сыды суткы.

Господь зъ тобою, Маты *Боса*

Рано-то рано, та вставаты погано.

220. Найндку, якъ зъ хрону.

Що котови, що попови, —хороппее житье

Старыя долгъ, якъ нáхидка.

Бояре и медъ попьють,—опоздаешь.

Зима закыдна,—многоснѣжная.

Знають, якъ облупленого.

Оддме, якъ богатого за жывитъ.

Прощай, кума!—Иду, кума.—Сыды, кума! Сыдю, кума.

Пийты по пидрахъ.—по пышнорками.

Даты гену,—побить сильно.

230 На брязку. —вотъ-вотъ, сейчасъ.

Хлѣбъ та силь!—Ямо та свiи, а ты у порога постiн.

Щобъ тоби, дядьку, сучка здохла.—какъ бы неблагопрiятное пожеланiе.

Роды Боже на всякого долю, а якъ пiймаю, то зниму и з лю, при посвѣтѣ баштана.

Сопляка убыты,—струсить.

Бодай ручкы на карлючкы.

Чортъ го бачывъ попа у боярахъ —невиданное дило

А щобъ ты свыснувъ та пишовъ туды, де мого дида лопа свыстыть,—пропалъ

Здоровъ, дядьку, износы. а намъ дай ковбасы.

Самъ сыдыть якъ ворона, пидъ нымъ кинь якъ корова.

240. На пьять холопъ.—широкiй.

Жыто —якъ свынець,—хорошее, тяжеловѣсное.

У чужiй кошари вивци неплодыты

Знае. якъ цыганъ въ вивцяхъ: яка била, та и сыта.

Борщъ пивъ, кашы небачывъ, чы обидавъ, чы необидавъ, чортъ мене бачывъ.

Спасыби Богу та мени, а хазяинови ни.

Выглядалы съ ворота, а винъ вылизъ зъ болота,— неожиданность.

Такъ жыэть зжыла, якъ у ступи стовкла.

Набалакала, наговорыла, дайте жолобчастого Данила.

Сатана куряча! Халяра бендерська! —ругательства.

250. Варыты яглы.—ничего. Яглы=яглица (Aegopodium Podagraria).

Яглы! —Подумалы тая такъ лягли.

Якъ собаци писля обметыць,—тяжело,

У богатого и теля зъ телямъ, а въ убогого одна коровка та и та ялова.

Якъ на стену, то тилко оретьця, а якъ у хати, то тилко прядетьця.

Отце тоби, чайко, и плата, (за те) що у тебе головка чубата.

Жалю по Касьяну.

Правый, якъ правда.

Батько нашкодывъ, а диты въ одвити.

Зийты то зийшло, та якъ бы зъ нывы непишло,—боязнь мороза послѣ посѣва.

260. Выросло пры кинци, якъ пыка у вивци, дебъ слидъ перерватьця, тамъ и рукамы необіймешъ,—неудача

Наши хлопци неспорятьця: хочъ въ здоровому горщыку навары, то ноиидять, хочъ у маненькому, то наиидятьця.

Старци наличчамъ миняютьця та и то могорычъ пьють.

Такый слабый, що нездужа вже и пропасты.

Дай Боже знатысь, щобъ у вичи невыдатысь.

Покы Бога змалюе, то чорта зъйисть,—малярь.

Закыне удку у дядькову будку тай выуде, колы не спрякъ, такъ юшку.

На те кишка мышей вчыть, щобъ самій голову необилы.

Винъ собачка добрый: якъ будете годувать, то неночуете, якъ и гавкатыме.

Хай воно тоби на свичку иде,—пусть пропадаеть.

270. Охъ маслына угурна, чому ты одна? якъ бы тебе симъ недиль, а посту одна! *угурный*—нехорошій, недобрый.

Посіявшы, добре Бога прохаты.

Снытьця, а хлибъ снытьця.

У тань статы,—перевестись; „у тань стало" пропало.

Воды!—Не-воды, бо хвистъ одирвенъ.

Трычи дывно!—удивительно.

Не дурна коза, що въ лисъ пишла, та не дурный и вовкъ, що козу зиивъ.

Однымъ лыцемъ,—сплошь. „Однымъ лыцемъ вода."

Теля ще у гузни, а винъ вже и зъ довбнею.

Була бъ въ собакы хата,—хвастуну говорять.

280. Що робыты, те робыты, абы не сыдячого Татары взялы.

Узявъ якъ дома,—неполучилъ, недобылъ.

И трёма кіпадамы неозмешъ,—никакъ невозмешь.

Стояты на пори,—въ одной порѣ, мѣрѣ.

И горы покотывъ бы,—и горя мало.

На тоби, чорте, грушъ, та тилко мене неворушъ.

Куды ёму гришному кисиль йисты! винъ и кваши неукусе.

Винъ якъ ризныцькій собака: тутъ ударють, до другого побижыть.

Не одынъ бигъ та спиткнувся,—неодынъ вытался.

Нагнаты на слызьке,—напугать.

290. Муль муля инсть,—одынъ другому вредить.

Незна ни сюды Господы, ни видтиль,—дурне.

Стилко не пижь, то спиватъ небудешъ.

Якъ у небесного Бога невыпросышъ, то у земного и подавно,—говорятъ мертвяго невоскресишь.“

Хочъ бычемъ, та есть по чомъ,—о великорословъ дурнѣ.

Люде не свыни (не собакы): що не дай, то поиидять.

Нема, ничымъ и ока запорошыты.

Якъ плавъ плыве,—много.

Свитове дило,—общепринятое, незазорное.

За ракы нема дякы.

300. Зхотивъ въ чорта (козла) молока, якъ винъ непасетьця.

Хоче добуты реминьця тамъ, де собакы и лыка поризлы.

Въ суботу и ведмидь умываетьця.

Зыйшлось якъ плавъ. *Плавъ*—соръ плывущій въ половодь по Днѣпру.

Недайте выделка на дынячи кабачкы.

Прыходывъ Панченко та ивъ выделкамы картоплю зъ лушпынямъ.

Напасть не по дереви ходе, все по людяхъ.

Зерно—якъ орихъ. Зерно, хочъ на голку нызкы.

Налякавъ михъ, що и торбы страшно.

Май холодный, небудешъ голодный.

310. Досаду прычепы заду.

На гры корхы одъ верблюда лучшый.

Выглядалы у дымарь, а винъ лизе у двери.

Узявсь, якъ чортъ за грешну душу.

Иды ты якъ Божій Матери въ очеретъ.

Тры!—А де у тебе болыть?—игра словъ.

Гладкый, якъ смыкъ.

Цыть пырогамъ и нидъ торговый базаръ грошъ цина,—плохіе

Треба свичкы та воды, бо вже очы нетуды,—умирающій.

Осъ вамъ, дядьку, шапка и рукавыця, гуляйте у насъ ще.

320. Позычка до дитського зросту

Не втикъ, не піймавъ—ни убыли, ни прыбыли.

Треба свойи биды годыты

Не въ рідного батька вередуваты

За „мадамъ!“ у морду дамъ.

Оглядилысь, якъ найилысь.

Тамъ бы вилъ и коржи понивъ,—умеръ.

Цін честы я и у цыгана запобижу.

А бодай то Крымкы взялы!

На пьятахъ крутытысь,—поспѣвать, быть проворнымъ.

330. Йидемо то бокомъ, то скокомъ, то рачкы.

Якъ за тоску вылывъ,—сдѣлать аккуратно.

Поздоровь, Боже, громаду, а Богъ абы-колы буде.

Бодай ты зъ душею розлылыся!

Варыты у гырявому горщыку,—крайняя бѣдность. *Гырявый* горщыкъ—безъ вѣнецъ, щербатый.

Якъ попереду танцюваты,—легко.

Це вже по городському: и яму наймай копаты.

Гуляй паны! тры дни свята.

Шкода грабижия,—напасть, бѣда.

Односумы, що чортъ ихъ розсуне.—*односумы*—пріятели.

340. Якъ литъ дійде та зъ ума незійде,—будетъ толкъ, иронически.

Удраты шпака,—вздремнуть.

Пиcь видъ себе попустыты,—смѣяться, устыдиться.

Якъ на вылахъ ходе,—гордый.

Хай зубы ясныть!—говориться про коня у пустыхъ ясляхъ.

Дай, дай, батенько, а батенько и недывыться,—необращаетъ вниманія на просьбу.

Не судьба, а щыра правда.

Непоможеться кризь сорочку.

Высадь глазъ, гату, на свое око! на те Богъ шнуръ давъ,—о глазомѣрѣ.

Агу! Схованся ты въ гл..но, а я въ траву.

350. Тыхо, та ср..ы лыхо.—на морозѣ.

Казку черезъ перелазку, та на перетыку та нас..у тоби у пыку.

Тоби счастя, а на гнилии сметана.

Господы, благословы порося и паску, и Шылову Параску, а ты, матусю, пидиймай повыще запаску.

Въ ръжокъ ср..ы,—трусить.

Нехай ср..а колеся тай ще росте,—прибыль ненужнаго.

Перерсраты беседу,—испортить расположеніе духа компаніи.

Пыка, що и за тры дни необтес.

Недуже гостро бзды.

Майстеръ чужымъ свыныямъ поросята робыть.

360. Ламаеться, якъ верана палычка.

„С..ы с...а сама, въ мене мочи нема,“ казавъ пьяный.

Такъ хочеться, якъ мертвому ср..ы.

Незамочывши срачкы, невбьешь качкы.

Рыбалка обмокне, обкысне и те одкысне.

Г...о бджолы, г...о й медъ.

Неберы голою рукою, а напередъ обс..ы та тоди и беры,—о гордомъ.

Квасылы бурякы, квасылы, а це почалы вже и дёготь сыпать,—распутная женщина.

То ще просыть, а то своя лежыть.

Оддай жену дядн, а самъ иды къ б....

370 За неуминня деруть зъ с..ы реминня.

Такый, якъ зъ г...а куля.

Куды ср. о. туды и брело,—неразумное.

Курка кудкудака: „кудкудакъ, знесу яйце якъ кулакъ."

Пивень тырка по земли коло куркы крыломъ та: „осъ покы наше!" а якъ хто сполоха, то винъ пидскоче та тика: „я жъ и казавъ, що те буде!"

Гусакъ коло гусыни: „таляра, таляра," а гуска ёму: „де ты тутъ?"

Гусакъ якъ найде спишъ та зклыка гусей, каже: „ходимъ по колосочку," а тамъ уже якъ йисть, то швыдко каже: „поколосочку, поколосочку!"

Качка каже: „пьятака, пьятака," а селезень: „шага, шага!"

Клава зимою: „рубъ котяхъ!" И тому рада.

Ластивка: „всимъ по симъ, а мени висимъ!" А по весни, якъ прылетыть, каже: „булы скырты, полускырты, а теперъ немае".

380. *Прятычка* (glareola): „беры пидъ хвистъ, беры пидъ хвистъ!"

Чайка: „погыбъ выводъ, погыбъ, погыбъ!"

Соловей: „Пименъ, Пименъ тащыть, тащыть горрохъ въ шынокъ, въ шынокъ."

Выйихавъ чоловикъ перелигъ ораты, а *перепелъ* выбыва: „отъ пенекъ, отъ пенёкъ;" а *деркачъ* и соби: „здержъ, здержъ" 2. Чоловикъ такъ не остеригсь, зачепывсь за пенёкъ, звернувъ лемишъ, а *жайворонка* летыть зъ горы та: „*плугъ поломавъ!*" А *прыпутень* ходе надъ шляхомъ та: „зъ такымы орать, тилко весну терять! зъ такымы орать, тилко весну терять!"

Казала вивця цапови: „скоро, цапе, морозъ буде."—Та вже и е-е-е. Цапъ мекекека. Цапъ бойитьця морозу.

Казавъ руськый: эхъ, хохлики, поднебесныи орлики, вы насъ хлѣбомъ кормите, а мы на васъ с...ь ѣздимъ.

Казавъ лытвынъ: ради, Боже, зъ мѣшка, полъ мѣшка! 2. Тирути, бажокъ, помелился: ради зъ мѣшка два мѣшка!"

„Куркумо-муркумо! чы ты розбыраешь, жинко, що я говорю? Подай онучи и постолы та рябi штаны, то я у йихъ укохкаюсь та пиду до церквы." А жинка вышла на вулыцю та и хвалытьця бабамъ: „Отъ мени горе! Чоловикъ мій воювавъ-воювавъ та такъ почеркесывся, що нерозберу вже, що и балака."—Смѣются съ селянъ изъ глухихъ деревень.

„Панча, панча, зморозыла паныча!“—Кый чортъ до его и торкався. Це пидводчыкъ визъ паныча та упала ожеледыця, випъ его и накрывъ повстью, а вона намокла та змерзлась: такъ лубомъ надъ панычемъ и стояла, покы той и одубивъ. Такъ це йий пидводчыкъ каже, а вона одрика.

Казала дивка: „нехочу, мамо, за того, що чоботамы тилко лянь, лянь та „здоровъ!“ а якъ бы за того, що цоко-цоко, „здраступте!“—Предпочтеніе горожанина.

390. Казавъ батько сынамъ передъ обидомъ: „Эй, диткы, непоныжайте моря!“ Шобъ-то воду передъ обидомъ пылы, бо тоди меньшъ хлиба зйидять.

Казавъ харпакъ: „у багача повна пичъ дровъ та уси и горять, а у мене одно полино та и те нехоче гориты.“ Де жъ такы, шобъ одно полино горило!

Казало хлопья: „якъ куныли нашп горилкы, то и батько э, и маты э, и я э, а якъ куныли рыбы и батько тху, и маты тху, и я тху.“—Пили водку крякали, Ѣли рыбу—кости сплевывали.

„Ты жъ було сыръ-сметану йисы, а мени сыроваткы дасы, то я йимъ-йимъ та ще и напьюся!“ плаче зять по тещи.

Пюхари. „Кубе (куме), волы въ ячпели (ячмени)!“—А хыба ты, кубе, тюхарь (пюхарь), що невымовышъ вже ячпиль? Що мы, кубе, за тюхари! Отъ наши батькы булы тюхари, що невымовыть дебо (небо), а тилко: о-о-о!

Бакаре (Макаре), я тоби чоботы на пидбеткахъ (пидметкахъ) поставлю.

„Святый телепень, небый мене оттеперъ: и зросла небула, и умру непиду!“ Казала баба, почувшы дзвона та злякавшысь.

„Господы простьі, якъ пишла я на страсты, та купыла за копійчку свичечку, понюхала—вона пахне медкомъ, сила я пидъ тынкомъ та и зъйила.“

„Про те хазяйинъ зна, що кобыли робе.“ Прыйихавъ сватъ до свата та все, чымъ хазяйинъ не похвалытьця, що не скаже, все нетакъ. Отъ запряга хазяинъ кобылу, та задомъ на передъ и заводе. Той сватъ знову: „не такъ!“ Давай его тоди той манижиты та отто и каже: ...

Мій верхъ, мое и заткално.

400. Незакудыкуй!—Неспрашивай куда идешь или Ѣдешь: такъ какъ спрашивать, куда—„негодыться,“ а нужно говорить—„де.“

Загадкы.

1. Прыйшла кума до кумы: „дай, кумо, тенти, прыйихавъ Терентій.“ *Сковорода.*

Прыйшла кума до кумы: „дай, кумо, сюды и высюды.“—*Чапля*

Чашечка медку закопана въ лёдку до нового годку.—*Озимый хлибъ.*

Жыво томъ надавытьця, а ногою придавытьця, воно розвявытьця, а поле пробижыть.—*Ткацькый човныкъ.*

На якому звирови така шерсть, якъ на свыни? — *На кабанови.*

Хылы, былы, ходимо до кумы, похытаймо свои жилы. — *Ступа.*

Летивъ горобецъ черезъ Дунаецъ, загнавъ дивку, шурхъ у церкву. — *Ключъ.*

Чорненьке, маленьке, наплачене зъисть. — *Каганецъ.*

Куцый Степанъ по хати скакавъ. — *Випыка.*

10. Давайте спаты лягаты, кудлате-мохнате до купы складаты, голе въ середыну ховаты. — *Заплющать очи.*

Пустю сухе, выйму мокре, а зъ кинця капа. — *Цебро.*

Стоить хлопчыкъ на дубочку та все гонкы та гонкы. — *Сапка.*

Сыне море хытаеться, били заяци купаються. — *Сыто.*

Основа соснова, волосяне натканыя. — *Сыто.*

Въ лиси вырosло, у коня зъ-задъ хвоста продавато, вывезено. — *Сыто.*

Жиноче ремесло по краямъ обросло, а посередыни дырка. — *Круги прядива.*

Крыве горбате злизло на свою матирь. — *Коромысель.*

Шовтунъ-бовтунъ, колы вытромывъ, то й сунь. — *Чоботы*

Два разы родывся, ни разу нехрестывся, всяка тварь ёго гласу слышить. — *Пивень.*

20. Мене мылый полюбывъ, середъ полу положывъ, хочъ грихъ, хочъ два, а хочеться. — *Сонъ.*

Коло вуха завирюха, мижъ ногамы армарокъ. — *Баба плоно тре.*

Прыйшла кума до кумы: „дай, кумо, лопоты, полопаты тай пійты. — *Сыто.*

Мижъ двома дубамы сяде баба крупамы. — *Пылка.*

Товстый Игнатъ, при земли незнатъ. — *Буракъ.*

Чого въ хати билшь е? — *Ступнивъ.*

Два каптучкы все поле зъили. — *Очи.*

Сывый жеребецъ на увесь свитъ иржеть. — *Громъ.*

Одъ Бога меньшъ, а одъ царя старшъ. — *Смерть.*

Жовта курыця пидъ тыномъ кублыться. — *Мисяць пидъ хмарою.*

30. Стойить сыновьяхъ на дванадцяты ногахъ, выглядае сына Северына зъ Краи-города. — *Млынъ.*

Пидъ прыпичкомъ кукусыхъ, а хто знае, некажить. — *Вилоты.*

Лизу-лизу по билому зализу, щобъ лизъ, такъ уломыться. — *Рубель.*

Старчыкъ Макарчыкъ всимъ срачкы наглядa. — *Порогъ.*

Росло, повыросло, зъ штанивъ повылизло, зъ крапочку залупылося, всимъ дивкамъ полюбылося. — *Маковка, орихъ.*

Звечера заярынылось, а къ свитови засандрачылось. — *Дижа зъ тистомъ.*

Прыйшовъ парубокъ до дивкы: „дай, дивко, дирки!“ дивка една и ногу пидняла. — *Ключъ та замокъ.*

Круть-верть пидъ черепочкомъ смерть. — *Каша пидъ покрышкою.*

Крутытьця, вертытьця, берега държытьця.—*Вытушка.*

Хто одного батька, одніи матери та не рідный братъ.—*Самъ собі.*

40. Чотыри чотыренкы. та два хведоренкы тяглы тягулыцю за хвистъ въ вулыцю.—*Возъ.*

Де не пиду та все хочетьця.—*Дыхаты.*

Що въ хати безъ росы?—*Сажа.*

Прыишовъ хтось, узявъ шось. гнатьця за нымъ, незнать за кымъ.—*Дымъ.*

Високе-горбате, на грони багате, йисть и с..е, изъ г...а крупы падають.—*Млынъ.*

Пидіишлы чимци пидъ бабыны сины, джеркочуть-джеркочуть и самы незнають.—*Гусы.*

Кыну сокыру черезъ могылу, нихто неозьме.—*Гадюка.*

Пидъ берестомъ до горы хвостомъ, по силь клыче.—*Опрокъ.*

Мы просымо и ждемо, наткнетьця, ховатьця почнемо.—*Дождь.*

Годъ у годъ дижа викомъ накрываетьця. *Ставокъ замерзъ.*

50. Черезъ море котивъ хвистъ.—*Дужка зъ видра.*

Высыть покрова, дирка готова, де це взявся святыи духъ, въ дирку шурхъ.—*Замокъ зъ ключемъ.*

Симсот. соколятъ на одніи постели сплять.—*Сложи на горищи.*

Ченчыкъ та шляпочка (рацушка).—*Горщыкъ та покрышка.*

Полизу я по билое зализо, хай мене царськи собакы порвуть.—*Вулакъ-пидразаваты.*

Сыдыть пивень на верби, зпустывъ крыла до земли.—*Млынъ.*

Повна церква людей та непандуть дверей.—*Сонашныкъ.*

Лоцечка мокне, мокне, николы нерозмокне.—*Языкъ.*

Слова, записанныя въ Александр. Новомоск. и др. у. Екатериносл. г.

Аврякъ, баранъ, оставленный на плодъ: „бачъ якыи кучерявый баранчыкъ! треба на аврякы кынуты."

Аврюшныкъ, ягненокъ-баранчикъ, годныи на *авряка*, т. е. на плодъ: „лоньши *аврюшныкъ*, хай росте."

Ажъ-ибось, вотъ здѣсь, здѣсь.

Арьянъ, дышло („вийя") въ гарбѣ.

Арыш, окрикъ на овецъ.

Ава, шумящая толпа, сборище: „тамъ коло волосты така ава."

Ахтыдубанськый, (оселедецъ) ахтубинскій, самыи худшій сортъ.

Бабиты, набрякать, какъ у прачекъ руки: „рукы побабилы."

Бавына вата (т. е. бавовна, польск. bawełna).

Бацамéлъ, большая палка, посохъ: употребляется въ юмористическомъ смыслѣ. Произошло, вѣроятно, отъ богомольцевъ, ходящихъ съ посохами.

Бацылля, зелень на картофлѣ и другой огороднинѣ.

Байдакы, селезни, сбившіеся въ стаи тогда, когда матки водятъ выводки.

Бакáй, выбоина на проточной балкѣ, уступъ, тоже, что и *прыпичокъ* въ такомъ-же мѣстѣ.

Балцáнка, оплетенная лозой бутыль, банка.

Барнáкъ, деревяный крючокъ на *кгерлыкгѣ* у чабана.

Башмармáкъ, тоже, что и *тройчакы*: деревяныя грабли, не то вила, съ тремя плоскими зубцами, укрѣпленными на одной планкѣ, и употребляемыя для отдѣленья соломы отъ зерна при молотьбѣ.

Бéзбешъ, безпорядокъ, нар. какъ-попало, вразбродъ: „скотъ ходе безбешъ,“ т. е., безъ пастуха, „череда пишла бездешъ.“

Бздылú, бздунъ, жукъ вонючка (blaps).

Бúбкы, овечій, заячій и т. п. круглый пометъ.

Безубытно, черезчуръ, чрезвычайно.

Безумирный,-но, чрезмѣрный,-но.

Блуква, мѣсто для пастьбы, выгонъ.

Блякаты, болтать, врать, сплетничать, хвастать.

Болóтянка, стрекоза съ тёмно-синими крыльями.

Бóльба, полба.

Брезькый, брезглый, обрюзглый; „брезькый на выду.

Брейцара, желѣзное кольцо, которымъ прикрѣпленъ къ *кгерлыкгу барнакъ*.

Брунька, почка на деревѣ: „дерево уже набруньковуеться“ развивается, покрывается почками.—Лучокъ у шаповала, что полсти бить.

Брызкына, брызга.

Бувáло, жлукто, букъ (въ сказкѣ).

Буркы, вареники съ вышкварками, варенье въ лою.

Бурлó, ругань, ропотъ: „збыты бурло.“ поднять сварливый шумъ.

Бутúты, продолжительно мычать: „бугай бутыть.“

Бутырь, мѣлочь въ хозяйствѣ: горшки, рогачи и т. п.

Бырька, нечистоплотная овца „задрипана, засрана.“

Бытельщикъ, бьющій (ломомъ) человѣкъ; на Днѣпрѣ такъ называютъ кольщиковъ льда.

Бытлúвый, драчунъ.

Бышáкъ, астраханскій сельдь.

Бышкы! окрикъ на телятъ.

Валашáль, кастраторъ.

Валашóкъ, поваленное, срубленное дерево (отъ глаг „*валяты*?“)

Вáльево, много. *Вáлява*, много, множество: „такого валява рыбы.“

Вáлюшень, вальдшнепъ.

Вантáжъ, выгода, польза, доходность (авантажъ): „нема тоби нiякого вантажý.“

Варунокъ, боль живота, вѣтры.

Ватянка, чамарка на ватѣ, мужская и женская.

Вервечка, низка, связка: „вервечка курей“ низка курей.

Верствá, шаръ, или рядъ сноповъ въ стогѣ.

Верцáдло, *версадло*, астролябiя (зерцадло, зерцало; польс. wierciadło (См Linde), *zwierciadło*, zwierzciadło; отъ этой послѣдней формы мр. искаженное *свичадо*, слышанное Л. М. Жемчужниковымъ; см. Кулишъ, З. о. Ю. Р. II, 16).

Вертёгъ, ухабъ, выкрутъ въ пѣскѣ, яма отъ вѣтру.

Вжамáты, разжевать, разобрать (дѣло), понять.

Видвóсы, съ такихъ поръ: „колы пiйшовъ, тай видвосы нема.“

Висьмына, Lycium (растенiе).

Вйтузыть, тузить, вихрить, бить.

Вiй, *вiйёкъ*, жмутъ хворосту при заплетанiи тына.

Вмерáчка, моръ на людей, смерть.

Вовчкы, сережки на вербѣ; зубы у лошади, мѣшающiе ѣдѣ.

Возивщыкъ, человѣкъ возящiй, по не возница, а скорѣе возчикъ тяжестей.

Вóло, нижняя часть шеи у вола, висящая.

Вóлоть, множ. ч. „*волóття*,“ кисти у проса.

Волыкъ, жукъ носорогъ (orycles).

Ворiтныця, столбъ въ тыну, къ которому привязываютъ ворота.

Вóрочокъ, мѣшочекъ, въ которомъ отдавливаютъ сыръ, а также комокъ сыру.

Впрыпусть, вприпускъ, вволю.

Впука, вдавленiе.

Втйчка, шовъ, гдѣ доски сбиты „загвиздкамы.“

Вустёнокъ, въ рыболовной вершѣ меньшiй конусъ, входящiй въ большой.

Вхмызувáты, укрыть хмызомъ, бурьяномъ: „вхмызуваты курiнь, загату.“

Вцыкнýты, прищемить, ущемить: „дверьмы вцыкнувъ.“

Выбутыляты, „*цыбуля выбутыляла*,“ пошла вязаться въ головки.

Выготовыты, наготовить чего-либо для какой работы, подготовить.

Выдыбáты, всходить на гору, по лѣстницѣ.

Вылычáты, просвѣчиваться, какъ тѣло подъ мережкой.

Вымантачыты, выдурить, выпросить.

Вымивка, выговоръ, произношенiе словъ.

Выпарубокъ, подростокъ, „пiв-парубка.“

Вырыскаться, проявиться: „и вырыскалось таке быдло,“ нашолся такой чортъ.

Выскверятысь: „*сонечко выскверялось*“, солнце выглянуло изъ-за тучъ.

Выстрипатысь, обтрепаться: „рукава выстрипалысь.“

Вычварытысь, выздоровѣть, поправиться.

Габелокъ, кожа выдѣланная изъ шеи коня или вола.

Гамузъ, (гáмузъ), обломки, сóръ, остатки: „поломавъ на гамузъ батигъ,“ „перебрався зъ усимъ гамузомъ.“

Ганька, кіёкъ, которымъ гонятъ рыбу.

Гйие, тоже, что и *и*, только считается шикарнѣе.

Гокъ, степной загонъ для скота.

Голйнный,-*но*, усердный, прилежный, „упадлывый“: прилежно.

Голо, безъ исключенія: „голо самъ ырій.“

Головыстый, головастый, напр.: „капуста головыста.“

Голышъ, очеретъ, кошенный зимою.

Гомелувáта сосна, уродливо-кудрява.

Гомилка, голень.

Гонобыты, дѣлать, направлять, стремиться: „де що не зароби, усе у хазяйство гонобыть: я ёму те, а винъ онъ-куды гонобыть.“

Горбóватый, выпуклый, изогнутый.

Горенъты, горчить: „печинка сама безъ картопли горенъить.“

Горлаты, черезчуръ громко пѣть. *Горлай*, человѣкъ съ сильнымъ голосомъ

Гробкы, кладбище.

Грывына, полоска нескошенной травы, служащая межой на сѣнокосѣ.

Гузуваты, мѣшкать.

Гýркало, игрушка: куриная, поросячья или баранья голѣнь съ двумя на ней дырочками, въ которыя продѣта нитка. Закрученная въ одну сторону, она, если потянуть нитку, раскручивается въ обратную, при чемъ гудитъ или „гурчыть.“

Гýсятныця, луговая мурава

Гýтирка, произношеніе, выговоръ: „горькава гутирка.“

Гыготовына, лошадиная шкура: „гыготови чоботы.“

Гырявый, (*горщыкъ*, *глечыкъ*), съ отбитыми вѣнцами, или шейкой.

Гычка, *гычъ*, зелень на картофлѣ и другой огородинѣ, стебли картофельные.

Давлючий, неудобоглотаемый, „глевкый“ хлѣбъ.

День крызь день, день въ день.

Држкый, смѣлый.

Джженчыкъ, муха-журчало, „дрикъ.“

Джермело, небольшіе щипчики у чабановъ, для вытаскиванія червей.

Джурджя, муть, бурда; густая, мутная жидкость.

Дзябъ, тоже, что и зябь, пахоть на зиму.

Дидокъ, соломяное перевесло, обмотанное валомъ и прибиваемое по краямъ дверей отъ холода.

Дижу выробляты, валять хлѣбы.

Литлаки, подростки, дѣти.

Дійшлый, выросшій, созрѣвшій, дошедшій до извѣстной степени совершенства.

Добраты толку, понять, усвоить.

Добряющый, добрый, хорошій.

Додильный,-но, дѣльный, дѣльно.

Долныкъ, мѣра водки, или какой жидкости въ двѣ осьмушки.

Допилъ, полный.

Допомагатысь, добиваться, настаивать.

Досколанный, доскональный, истинный.

Дошкулькый, чувствительный (отъ глаг. „*дошкуляты*.“)

Дробына, жабы, змѣи, черви и т. п. „нечисть“: „хай ему дробына снытьcя,“ нехорошее пожеланіе мертвому.

Драбынастый, худой, что ребра видно: „драбынаста кобыла.“

Дрозкы, колотыя щепки, но не рубленныя, т. назыв. „трискы:“ „побыты на дрозкы“, разбить въ щепы.

Дрызъ, хворостъ: „нема ни дрыза“, нѣтъ ни хворостины.

Дубъ, Днѣпровская лодка, сажени три-четыре длины. Состоитъ она изъ двухъ главныхъ частей: *чердака*, или носа, и задней *кормы*, или *каюты*. Между этими частями немного ниже лежитъ *мистокъ*. Доски, составляющія бока дуба, *борты* или *края* приколочены *тыблямы* (деревянными гвоздями) къ полуободамъ, называемымъ *бонямы*. На краяхъ дуба, на носовой половинѣ укрѣплено 6—8 паръ, по 3—4 съ каждой стороны, *кочетей*, или уключинъ, каждая пара которыхъ состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ, въ четверть длины, колковъ. Въ отдѣльности такой колокъ называется *кочеть*. Лавки, на которыхъ сидятъ гребцы, называются *беседкы*. Гребутъ на дубѣ веслами *грёбкамы*, состоящими изъ *лопати*, *держака* и небольшой на немъ перпендикулярной къ лопати *кобылкы* или ручки. На рулѣ онъ управляется или *стерныться стерномъ* или *правыломъ*, тоже что и *гребка*. Рулевой называется *прыпяницыкъ*. При дубѣ еще полагается *корякъ* или *одлывало*. Якорь при проводѣ плотовъ пускается съ дуба на канатѣ, назыв. *косякъ*. Къ якорю прикрѣпленъ небольшой поплавокъ, наз. *сучка;* привязанъ онъ на *пидсучьи*, или тоненькой *шворкѣ*. Эта *сучка* на поверхности воды, или неглубоко подъ нею, *вырыть*, т. е., кружится толкаемая теченіемъ. Веревка, которой дубъ при-

вязывается, называется *прытычанка.* Дно дуба—*спидка* или *пидошва. Вываэкуется* якорь на дуба особымъ дрючкомъ, *байловкою.* Отчаливанье называется *„одвалъ,“* ночлегъ—*„прывалъ,“* а мѣсто разгрузки или окончательной стоянки плота— *чалка,* гдѣ плоты *учалюють.*

Жабурыння, водоросли, кушуръ; мякоть въ тыквѣ, гдѣ сѣмена.

Жбыръ, наносъ въ рѣкѣ, мѣль.

Жывець, ремешокъ около котораго плетется *батигъ* въ нѣсколько „сталокъ“

Жывычуватый, смолистый: „жывычува́та сосна.“

Жыгадло, тоже, то и *жыгало* у кузнецовъ.

Жыровый, незаконнорожденный.

Забуртыты, засыпать пѣскомъ, снѣгомъ: „викна забуртыло.“

Забыльнякъ, запасный волъ у чумака; лишній человѣкъ.

Зава́жуватый, неповоротливый.

Завалый. тоже.

Завійна, мятель, „вихола;“ спазмы: „завійна вхопыла.“

За́воротень, завернутый бычокъ.

За́вороть, заливъ въ рѣкѣ, ея колѣно.

Заґымéздый, неповоротливый, увалень.

Заговивля́ты, заговлять.

Загрéба, замѣть.

Зажы́вокъ, внутренняя, самая крѣпкая часть кожи, лежащая между наружнымъ слоемъ „лычкомъ“ и внутреннимъ „пиздрею.“

За́зимкы, послѣдніе заморозки.

Заковызнуты, „такый пьяный, що де упавъ, тамъ и *заковызъ.*“

Заломъ, изломъ дороги, ея поворотъ.

Замиркуватый, о мѣлкомъ зернѣ, идущемъ въ большомъ количествѣ на мѣру; о хлѣбѣ—недородный.

Заміюсыты, запроторить куда-либо.

Замодлюва́ты, примѣрить, размѣрить въ пору.

Западо́къ, западня.

Запла́ва, плавающія дрова, очеретъ, щепки и т. п. на Днѣпрѣ въ половодье.

За́поротокъ, порченое яйцо, „бовтунъ.“

Запровтóрыты, запроторить.

Заса́дчычокъ, хлѣбъ, посаженный въ печь послѣднимъ.

За́спиль, подрядъ, кряду.

Затисныты, тѣснить; „за́тисно“—тѣсно.

За́тканнó, затыканье, начало тканья, работы.

Збанокъ, мѣсто въ ткацкомъ верстакѣ, куда ткачъ налегаетъ грудью.

Збурыты, повалить, сбить.

Згарцюваты, вытолочить: „кони баштанъ згарцювалы.“

Зджолкаты, щелкать въ прямомъ и въ переносномъ смыслахъ.

Здобриты, удовольствоваться: „хай однымъ чымъ здобріе,“ пусть однимъ удовольствуется.

Здорово, холодно, свѣжо: „здоровый витеръ,“ холодный, свѣжій.

Зернайстый, многозернистый.

Зиркый, зоркій.

Знабочытысь, покривиться: „чоботы знабочылысь.“

З'окола, снаружи, сбоку.

Зорыты, подсматривать.

Зострахъ, тоже, что и острахъ, испугъ.

Зразокъ, образчикъ.

Зряхатыся, сговориться, согласиться.

З'ужма, сжато, скомканно, сдавлено.

З'ума зийдытысь, сойти съ ума: „з'ума зійшовсь.“

Звьязень, узелокъ съ чѣмъ-либо, связка.

Изматчытысь, обезлюдѣть, опустѣть, какъ пчелы безъ матки; „хата изматчылась,“ опустѣла.

Илтыця, рантъ, ремешокъ изъ бараньей же шкурки, вшиваемый въ швы кожуха.

Ирха, полоска смуха, идущая на опушку кожуха, ватянки.

Иршанкы, смуховые, мѣховые штаны.

Калыло, грязь.

Камса, морская рыбка, величиною въ палецъ, просоленная, для борщу.

Кандзюба, кривизна, крючокъ.

Капелына, собственн. имя, Капитолина

Караный, тоже, что и каратый.

Каркъ, верхняя часть шеи у вола, тоже, что и *преширъ* (польс. kark).

Катлама, прѣсные коржи, жареные въ бараньемъ сальцѣ (чабанское блюдо).

Кацубнуты, замерзать, застывать: „земля закацубла.“

Качатныкъ, помѣщеніе для утокъ.

Кашнычокъ, горшечокъ, въ которомъ варятъ кашу.

Каюванння, деревянные, рубленные замки, напр. въ закромѣ.

Каюваты, рубить въ деревѣ замки для связи.

Квасныкъ, кадка для кваненья

Кгавекга, увеличительное отъ слова *кгава*, ворона.

Кгеруваты, править (возомъ, лошадьми). Запрашивать (о цѣнѣ): „що це винъ кгеруе?“; „дорого кгеруе за вола,“ т. е. дорого проситъ.

Кґросы, котныя овцы.

Кґулый, тоже, что и *шутый,* безрогій: „кгулый вилъ;“ корова и овца будуть называться „*шути.*“

Кебитный, способный, умѣлый.

Келепъ, черепаха (testudo)

Кйлыкъ, отгородка на гарбѣ для топлива у чабановъ.

Кимлачъ, безкрылый вентерь.

Китокъ, тоже, топ и *дидокъ* у дверей (см. выше.)

Кйло, сѣмя пушистое у ковыля (stipa).

Кґунадза, шишка, гугля, отсюда глаг. *накґунадзыты,* набить шишку, а также навертѣть что-либо чалмообразное на голову; сл. „*кґунадза* было сказано при видѣ волхвовъ въ чалмахъ (на картинкѣ).

Клевець, молотокъ клепать косу.

Клейно. Овецъ клеймятъ на ушахъ слѣдующими „клейнамы“: *прытьмо* — ; *скисокъ* ⟍ ; *поротына* | ; *стрилка* V; *кулька* ◯ : *ерлець* > или < ; *вырчыкъ* (вы-щыкъ?) (; *пичка* ; *сорочa лапка* : *пидрызка,* полъ уха отрѣзано. Воловъ тоже мѣтятъ „клейнамы“ на ушахъ и на рогахъ. На крупномъ скотѣ и лошадяхъ богатые кладутъ тавро (цыфры, начальныя буквы, кривули). Птицу клеймятъ только близкіе сосѣди, чтобъ несмѣшивать (*поротына на полотенци* (см. это сл.), кулька): „ты, каэ, свойинэъ нигтя одрубай, а я своимъ пальчыка“ (Прим. Вѣроятнѣе, что *сорочa лапка* есть знакъ ⁄⟍. См. П. Ефименка, Юридическіе знаки, Ж. М. Н. П. 1874 г. Окт. слѣд., *клейно* изъ *клеймо,* скандин. *kleima,* пятно. Matzenauer Cizi slova 205).

Клотыты мутить, колотить (воду).

Ключыны, тоже, что кроквы, только на малой постройкѣ, въ будкѣ, повиткѣ.

Клысачка, полированная палочка, которою сапожникъ лощитъ швы.

Кобылка, вер вочка.

Ковылка, палка, которою дѣти гоняютъ свинку на льду, съ карлючкой.

Коза, тоже, что и дуда, волынка.

Кокаты, стричь, преимущ. овецъ, отсюда производныя съ предлогами: „*обкокаты,* остричь; *накокаты,* настричь; *дококаты,* окончить стрижку.

Коло, въ верстакѣ валъ, на который наматываютъ полотно.

Кондрычытысь, капризничать.

Конозыты, корчить, морщить, въ смыслѣ работы, дѣлать.

Копыстка, игрушечная дѣтская лопаточка.

Корзыты, корзаты, плести, морщить, въ смыслѣ работы.

Коровки, самка жука носорога (oryctes).

Корахъ, кулакъ.

Кострубы, ястреба, а также и кобцы.

Котулятьи, жевать, грызть съ трудомъ, напр. беззубому или нехотя

Кріжытись, скупиться, беречь.

Кровуватый, многокровный.

Крутобына, склонъ, спускъ (въ балкѣ, въ оврагѣ).

Крываножей, хромой.

Кришеныкъ, кусочекъ (сала, мяса) покрошеннаго.

Кукса, сторчово (неправильное) копыто.

Кулеба, густой, на подобіе каши перегареный кулѣшъ.

Кумильга, нар. спотыкаясь, шатаясь.

Кумъ. Кумы, или собственно воспріемники, бываютъ: *прохани*, *стричани* и *одкупни*. *Прохани* – само названіе объясняетъ. *Стричани*—это великорусскіе *встрѣчные*. Если у кого мрутъ дѣти, родитель при новомъ рожденіи выходитъ на улицу и проситъ двухъ первыхъ встрѣчныхъ лицъ къ себѣ въ кумовья. „Стричани кумы“ ставятся выше „проханых“ и пользуются большимъ почетомъ. *Одкупни*. Если ребенокъ долго хвораетъ то это приписывается несчастію одного изъ воспріемниковъ и тутъ то прибѣгаютъ къ одкупнымъ кумовьямъ. Обрядъ при этомъ тотъ же, что и при отправленіи „*до хреста*,“ только кумовья стоятъ въ сѣняхъ, а лѣтомъ подъ окномъ. Баба пупорѣзка простилаетъ кожухъ къ порогу, въ головы кладетъ сокыру, вѣныкъ и черенокъ, затѣмъ на кожухъ ребенка, крестится и передаетъ кумовьямъ ребенка на кожухѣ говоря: „нате вамъ нехрещене й немолитвение, а тилькы нарождение, а намъ прывезитъ хрещене, молитвене й найменоване! Одкупный кумъ беретъ ребенка съ кожуха, передаетъ кумѣ и платитъ бабѣ какую-либо монетку, всегда мѣдную. Черезъ нѣсколько минутъ ребенка вносятъ въ хату и поздравляютъ также, какъ бы они привезли его од хреста: „нате вамъ хрещене, молитвение й найменоване, поздоровляю васъ зъ имрекъ.“ Послѣ чего слѣдуетъ могорычъ, и „одкупни кумы“ вступаютъ во всѣ права настоящихъ воспріемниковъ, а послѣдніе ихъ совершенно теряютъ, теряютъ даже и названіе кумовьевъ. Одкупной кумъ можетъ быть призываемъ только пока ребенка непостригутъ, т. е. пока ему не минулъ годъ. Права воспріемниковъ: на этомъ свѣтѣ— почетъ, особенно же „хрещеному батькови.“ Къ нему послѣ женитьбы „хрещеныкъ“ съ поклономъ отправляется къ первому. Подъ Рождество ему первому приноситъ хрещеныкъ вечерю. На томъ же свѣтѣ хрещеники должны выручать его отъ чертей и подавать пить.

Отношеніе кумовьевъ. Если А приглашаетъ въ кумовья Б, то Б по отношенію къ А будетъ наз. *рідной кумъ*, а А къ Б просто „кумъ.“ Отъ этого то часто въ простоорѣчіи, какъ ласкательное и уважительное, употребляется

выраженіе: „ридненькый кумъ, ридпесенькый“ Кромѣ того ридный кумъ можетъ простого кума ругать, обижать, даже позывать, а простой или пригласившій этими правами непользуется. Одкупной кумъ почитается еще выше „ридного;“ онъ будетъ „риднишый.“

Воспріемники между собою величаютъ другъ друга кумовьями Сожительство между ними считается зазорнымъ, какъ всякое прелюбодѣяніе; но сожительство „зъ ридню кумою или кумомъ“ почитается преступленіемъ и смертнымъ грѣхомъ. Поэтому всѣ пѣсни, гдѣ встрѣчаются фривольныя отношенія кумовьевъ, нужно отнести къ воспріемникамъ между собою, а отнюдь не къ риднымъ кумовьямъ.—Нужно замѣтить что это, сколько я знаю изъ разсказовъ стариковъ и изъ собственныхъ наблюденій, существуетъ не въ одной теоріи, а строго соблюдается на практикѣ.

Новорожденному „до хреста“ недаютъ груди, а поятъ водой съ сахаромъ.

(Екатерин. губ. Александр. у.)

Куныця, кисть у камыша, у проса.

Купцинуваты, торговать чѣмъ-либо, быть купцомъ.

Кушка, ведерко у косарей, гдѣ лежитъ брусъ въ водѣ.

Кырдыкъ, небольшой кущъ овецъ, стадо котныхъ овецъ (Черноморье).

Кырышта, Кир..ло (имя)

Кыслыще, стадо, табунъ, сборище, гнѣздо (рыбъ, насѣкомыхъ).

Китець, особенная круглая загородка изъ камыша въ рѣкѣ для зимняго лова рыбы „пидсакою.“

Кытяхъ, просяная мет..лка.

Кыяхъ, тоже что кытяхъ.

Кыяхувате, просо, кисть котораго собрана вмѣсто, всѣ вѣточки прижаты.

Ладожныкъ, надожникъ, бодяга (spongilla).

Лакузытысь, ластиться, поддѣлываться.

Лапатый, лапчатый; „снигъ лапатый.“

Лаштабей, лѣнтяй; такъ ругаютъ дѣтей.

Лекгарь, лѣнтяй, ледащо, лежебокъ.

Лелесаты, кричать, плакать; скакать, метаться.

Леньскый,-ко, красивый,-во.

Лизка, мѣлкая лоза (salix aurita).

Лиснытысь, выблескивать: „водыця лиснытця“ (пѣсня).

Ловийво, ловля, ловитва.

Луданъ, „жупаны луданы.“

Лупаты, ломать хлѣбъ: „лупай хлибъ, бо ножа нема.“

Луцанъ, луцаняга, мордатый, толстомордый

Лыгонуты, поспѣшно убѣжать

Лынéць, линяющій ракъ.

Лынúты, волноваться такъ, что „одна смуга вороня́, а друга сыза," переливаться о травѣ, о хлѣбѣ: „гречкы лынiють" (лелиты).

Лынóвыще, шкурка змѣи, кожура рака, потерянная при линяніи.

Лынкы́й, мокроватый, „вохкый," скользкій.

Лысовы́нъ, лисъ, лисица-самецъ.

Лы́чыты, нти къ лицу, приличествовать.

Лышкы! окрикъ на телятъ подъ коровой.

Любыдра, простая огородная мята (ср. сербс. любидраг=драгалюб, tropaeolum minus).

Люнтра, узкая длинная лодка.

Макортеть, большая макóтра, котловина (топограф. терминъ).

Маку́луватый, увалень, неповоротливый.

Маму́ла, увалень.

Мантачыты, острить косу мантачкою (лопаточкой).

Марку́дно, тяжело на сердцѣ, тошно.

Марюка, увеличит. отъ мара́.

Маховыкъ, маятникъ.

Мережа, длинная тонкая сѣтка, аршина два ширины, заставляемая въ полую воду по мѣлямъ.

Мерлятына, „псына," запахъ: клочки мяса остающіееся на кожѣ и счищаемые чинбаремъ.

Мóдла, модель, мѣрка, размѣръ.

Модлюваты, примѣрять; отсюда „*замодлюваты*", пригнать, примѣрить.

Молоди, небольшія облачка на небѣ (ср. Олонецк. *замолодѣло*, о солнцѣ, покрытомъ бѣлыми тучками; Орл. Тульс. *замолаживаетъ* пасмурно, заволакив. тучками; Чешск. областн. mladí se тоже, что и mračí se. Šembera Dialektolog. 29.

Мóрохъ, мохъ, плѣсень, цвѣль.

Мныха неповоротливый, медленный.

Мудзу́ля, большой мозоль шишка, наростъ.

Музычка, жукъ скрипунъ (Dorcadion).

Муштáтый. мохнатый; „*муштай*", мохнатая лошадь.

Мыдзáтый, мордатый.

Мыку́лытысь, наминаться, мяться.

Мы́ршавый, захудалый: „мыршаве темя" (Изъ сербс. мршав., худой, m сег.)

Мыслы́вый, благоразумный, способный.

Мы́тусь, въ разныя стороны головами, концами

Мычью, нараспѣвъ (говорить).

Мышайстенькый, малорослый, человѣкъ съ мѣлкими чертами лица.

Мышкуваты, стараться, разстарываться.

Набруньковуватысь, о деревѣ, которое выкидываетъ почки, развивается,

Набрытатысь, нахвататься, набраться: „набрытавсь довгивъ.“

Навдаку, наврядъ.

Навидлигъ, наотмашь.

Навколькы, на колѣняхъ.

Навратытыся, вязнуть, приставать: „навратывсь, якъ собака;“ упрямиться, упираться: „якъ навратывсь, тай навратывсь, неоддае, тай неоддае грошей.“

На вызиръ, для видимости, на взглядъ: „абы бувъ на вызиръ,“ на глазахъ.

Навыглядиты, научиться, привыкнуть, имѣть успѣхъ.

Надёга, Надежда (собст. имя).

Надибокъ, годный въ дѣло кусокъ дерева или желѣза.

Надолобень, „роззява,“ дуракъ.

Надолончиты, положить на рукавицу для крѣпости нашивку.

Нажёкаты, напугать, нагнать страху.

Назывне, пряжа, которую ткачи берутъ на случай недостачи нитокъ.

Накашнычокъ, небольшой рогачикъ, которымъ вынимается „кашничокъ.“

Налёгомъ, нахрапомъ неожиданно.

Нападъ, нападки, приставаніе, требованіе: настойчивость: „и тр ма нападамы неозьмешь.“

Напанаидрыты, найти, разнать, высмотрѣть что-либо.

Напорудыты, научить, наставить.

Напосудыты, настановить, наготовить: „напосудыты невидь.“

Напротудь, напроломъ, „напростець.“

Напрутыты, выгнуть въ косѣ „пятку“ т. е. заднюю ея часть.

Напутаты, наставить, указать.

Нарижнывъ, стропило, упирающееся въ уголъ постройки.

Насинный, о хлѣбѣ, оставляемомъ на сѣмена.

Насмитыты, насорить.

Настерло, припало, загорѣлось, приспичило, задумалось захотѣлось.

Натомисть, вмѣсто.

Натычка, колъ на плетнѣ, настромленный поверхъ вбитаго въ землю.

Небезпременно, непремѣнно.

Небиль, крупный камень дикарь (небитый).

Невстаха, трава thalictrum; дается, какъ производящая имнотенцію.

Недоступъ, волъ, или конь, непокрывающій заднею ногою слѣда передней.

Пéжырь, нескошенная прошлогодняя трава.

Некорóче, нар. не ближе, не раньше, не прежде.

Неныла, высокій, неповоротливый человѣкъ.

Нéпутыть, мѣшать, портить.

Нéхтуваты, пренебрегать, неберечь: „бачь, пьяныця якъ обеду занехтувавъ.“

Нещадымъ, пустыя щи.

Неймынуй, непремѣнно: „це неймынуй до мене.“

Низóря, миздря, клапти мяса, остающіеся на шкурѣ, мездра.

Носáль, жукъ долгоносикъ (curculio).

Нызькоокый, близорукій.

Нúщиты, нищенствовать.

Обенбéрытысь, упасть съ шумомъ, тяжело.

Обиздриты, „покы сонце обиздріе“, пока роса спадеть.

Обихúдчастый, неогороженный: „обихидчасти хаты.“

Облéстный, льстивый.

Облуда, „це не коняка, а облуда,“ наружный видъ, только для видимости.

Обметыци, сорное зерно, сметаемое съ току послѣднимъ.

Ободуваты, выгибаться ободомъ.

Обрубка, опушка кажуха.

Обрядно, врядъ, подрядъ, порядъ.

Обрыдливый, надоѣдливый, монотонный: „обрыдлива робота.“

Объякорытысь, упереться, въ прямомъ и въ переносномъ смыслахъ.

Оворóнынъ, растеніе „соломонова печать.“ Polygonatum multiflorum.

Одвійкы, зерно, и соръ, летящій за вѣтромъ, но непопадающій въ полову.

Одэрúть, пов. накл. мн. ч. отъ глагола „одидраты“, оторвать.

Одноче, однажды.

Одсахнутысь, одкаснутысь, отказаться, отстать: „одсахнувсь жинкы й дытынкы“, бросилъ.

Ожугъ, осмаленный колъ, употребляемый вмѣсто кочерги.

Озерянына, высохшее ложе озера.

Оказія, сѣверное сіяніе.

Окаювáння, замокъ въ деревѣ для связи.

Оковúрный, пріятный на видъ, аккуратный.

Околéса, кругомъ.

Окыдь, продолжительная снѣжная мятель.

Опарь, продушина во льду около очерета, а весной у берега.

Опарюваты, „опарюе лидъ“=растаетъ у береговъ.

Оплава, облава.

Опо́лыстый, „огрядный,“ густой о деревѣ: „ополыста груша.“

Опу́ка, выдающаяся часть, напр. у бочки.

Опу́къ, особый видъ крымской бѣлой соли.

Особше, нар. въ особенности.

Осо́выще, болѣзненная опухоль коровьяго вымени.

Остривъ, мѣлководье, мѣль.

Осу́га, „якъ нальешъ мьясный горщыкъ водою, то на води й выступе осуга.“

Отабу́рытысь, наершиться, сердиться.

Отокува́тысь, стать стоянкой: „валка отокувалась.“

Отхнябытысь, отчахнуться, отстать.

Охану́тыся, спохватиться.

Охы́жа, защита, въ смыслѣ строенія.

Охы́за, мятель, скверная погода.

Оцве́нокъ, кусокъ, обрубокъ дерева, желѣза.

О'чкы, сорная трава пастушья сумка (Capsella bursa pastoris).

Пады́чій, водопадъ.

Паку́тъ, пакетъ, пучекъ, бунтъ.

Палымо́нъ, большая палка, костуръ.

Пантрува́ты, портить (?).

Папай, плямкающій человѣкъ.

Патерюха, несчастіе, неудача, непріятность.

Патлама́, тоже, что и *поло́ма*, великорослыя болотныя травы: осока, оситнягъ и т. п.

Па́рисъ, парусъ.

Пасербы́къ, *пасербыця*, сводные братъ и сестра (относит. другъ друга)— зведе́нята.

Пасе́рдя, древесная сердцевина.

Пастрёма, настромка, принада, напр. въ мышеловкѣ.

Патлачъ, насмѣшливое названіе духовенства.

Паше́нна яма, яма для ссыпки зерна; имѣетъ она форму колокола, узкимъ концемъ вверхъ; внутри она обмазывается глиной и обжигается. Въ Новомосковскомъ уѣздѣ въ недавнее еще время такія ямы служили для ссыпки общественнаго запаснаго хлѣба.

Паштрииуваты, смётывать (у портныхъ).

Пере́калка, проточная балка.

Пере́смуга, поперечная полоса.

Пере́стрыга, овца, стриженая два раза въ лѣто.

Переступъ, волъ, заднею ногою переступающій слѣдъ передней.

Перéтыка, препятствіе, ограда: „на нашыхъ огородахъ нема а ниде ніякоп *перетыкы*, хочъ наскризь прійды.“

Пéрсы, нагрудникъ.

Перцювáты, ругать, дѣлать строгій выговоръ.

Пúвзына, хворостина или соломяная веревка, которыми укрѣпляется соломяная крыша отъ вѣтру.

Пид-завидь, (шить) черезъ верхъ.

Пидлáднуваты, подлаживаться, имѣть лады.

Пидлокгюння, подхвостникъ при сѣдлѣ.

Пидлáсый, бѣлобрюхій: „пидлáсый вилъ.“

Пидлыпчастый, облипчатый, узкій: „штаны пыдлыпчасти.“

Пúдметь, низина, заливное мѣсто около рѣки.

Пиднёмъ, подъёмъ въ сапогѣ.

Пидпóна. Послѣ полой воды на землѣ остается зеленый кушуръ; застрявши въ травѣ, онъ сливается ковромъ и мѣшаетъ косить. Это и есть „пидпóна.“

Пидражаты, искушать, поддразнивать, соблазнять.

Пидтрáвный, о косѣ: хорошо насаженая, по рукѣ.

Пúслыще, ремень, на которомъ висятъ стремена.

Писныха, постница.

Пичкуръ, рыба бычокъ (gobio).

Плавъ, трясина.

Плаксíйка, плачея, плакса.

Плякаты, поить ягнёнка, телёнка съ пальца: „поплякаты,“ пососать у матки молока.

Плыть, плотъ. (плитъ?).

Повелáчка, поведеніе, обычай.

Пого́дка, флюгеръ.

Пого́нка, преслѣдованіе, подозрѣніе: „погонку гнаты,“ нравственно преслѣдовать, подозрѣвать.

Погúнпшлыво, успѣшно: „хоть бы воно йшло погинпшлыво, а то полешъ, полешъ, мовъ и несяпавъ.“

Подúмство, дворище съ постройками.

Пожылéць, пожылычка, постоялецъ, квартирантка.

Полежáнь, бекасъ.

Полíй, вода выступившая поверхъ льда.

Половéнь, половникъ, сарай для половы.

Полотенце, перепонка у гуся, утки (плавательная).

Полявына, поляна.

Поляка, паника: „тоди, якъ скотына пропадала, яка поляка йшла!“

По́лывка, каша съ тёртымъ конопляннымъ сѣменемъ.

Помі́рный,-но, въ пору, въ мѣру, какъ разъ.

Поназануздуваты, запуздать.

Поназдыватысь, разсмотрѣть: „ось поназдыватесь, той знатымете: поживете, то поназдыватесь, що у насъ робытця.“

Поночіты, потемнѣть; „хай ще більшь попочіе.“

Поперидъ, впереди.

Попильныця, пометъ гусеницъ на капустѣ; травяныя вши тамъ-же.

Попова свынка, безкрылый, короткобрюхій, сѣрый кузнечикъ, встрѣчающійся во множествѣ на поляхъ.

По́рплытысь, кублиться, какъ куры въ песку.

Порплыця, желѣзная штаба, на которой вертится верхній жерновъ

Поснядиты, испортиться, говорится о сырѣ: „сыръ поснядивъ,“ протухъ.

По́судъ, деревянная посуда (кадки и т. п.); большая рыболовная снасть.

Потебе́ньки, широкая кожа, закрывающая „пислыще.“

Потязь, длинное озеро, болото, или лужа.

Похрестыны, послѣдній день крестинъ.

Почеревыны, могорычъ на другой день крестинъ; названіе шутливое.

Праширка, пукъ шерсти около мычки у лошади или у вола.

Працюваты, хлопотать, возиться.

Провесна, начало весны (обыкн. „на про́весни.“

Прожéря, прожора.

Промедлятысь, продолжиться: „це дило ще довго промедляется.“

Про́рывъ, прорывъ, напр. нарыва.

Протыстысь, протолпиться, пролѣзть.

Прыбудущый, прибывшій, пріѣхавшій.

Прывертыця, вьюнокъ, растеніе (convolvulus).

Прызвесты у толокъ, прыбраты толку, дать ладъ.

Прыкладокъ, кладь соломы, „штыль уздовшъ, та у гору штыли два.“

Прыкро, нар. „*ощерть,*“ въ уровень (болѣе первообразное значеніе въ „прыкро одрубаты,“ напр. гілку, у самого ствола, Ром. у. Полт. г.).

Прыломытысь, припаровиться, примѣниться, набить руку.

Прымусный, изобрѣтательный, способный, находчивый.

Прынадыстый, низкій: „прынадысти чоботы“ съ низкимъ подъемомъ.

Прысанибожытысь, примѣниться, присѣдиться.

Прыто́ка, удобное для какой-либо специальной цѣли мѣсто.

Прыто́каный, удобный, подходящій, идущій, къ лицу.

Прытычка, тиркуша степная (glareola melanoptera), птица.

Прыятный,-но, приличный,-но: „надить чумарку, до пана йты прыятнишъ.

Прытьмо, нар. ровно (срѣзать). (Ср. сущ. *прытьмо*, клеймо: прямая горизонтальная черта. Отсюда нар. *прытьмомъ*, прямо (въ переносномъ смыслѣ), совсѣмъ, рѣшительно, настойчиво, очень: „хусточка въ єго, та не хлопьяча, а прытьмомъ дивоча.“ Кв.; „така халепа, що прытьмомъ накладно служыты, Котл.; „прыйшла до дому прытьмомъ у вечери, Кв.; то була якъ завсегда, невесѐла, а тутъ уже прытьмомъ хоче до дому иты. Кв.; нападается на Олену, що прытьмомъ пора до дому, ib.; и сумуе, серденько, и нышкомъ поплаче, та прытьмомъ (рѣшительно) ничого робыты“ ib.; Одарка ледве ногы волочыть, прытьмомъ просыть музыку: „та годи-бо, дядьку!“ ib.; якъ росходывсь, прытьмомъ давай музыку, тай давай. ib.; а йисты прытьмомъ хочетця, Котл. По значеніямъ сюда подходить Бр. (Носов.) *притно*: „причини притно“ (плотно), „притно работаемъ“ (проворно), „притно подобенъ очень.

Пужарь. Въ Іюлѣ степь совершенно высыхаетъ, выгораетъ, какъ говорятъ; это и есть „пужарь.“ Слѣдовательно „пишла Немерывна пужаремъ“ или, въ думѣ о бѣгствѣ братьевъ, „пужарь нижкы коле“ не есть, какъ объясняютъ, „пила *паломъ*,“ а именно такою выгорѣвшею отъ солнца степью.

Пужѝна, легковѣсное зерно, идущее, при вѣяніи, за вѣтромъ.

Пукомъ, моментально, „прожогомъ“: „горобци *пукомъ* падають.“

Раго́ль, револьверъ (новѣйшее).

Радиты, дрожать отъ холоду, непопадать зубъ на зубъ.

Рвачкый, порывистый (о вѣтрѣ), некрѣпкій, рвущійся (о ниткѣ).

Ремыкга, морда: „набыты ремыкгу“ (ср. ремыкгать—жевать жвачку, о скотѣ).

Ризачка, кровавый понос.

Ричыще, высохшее ложе рѣки.

Рійнуты, облетѣть, осмотрѣть: „рійнула пчола по бузку, ажъ нема взятку.“

Ро́дыво, роды: „померла зъ родыва.“

Рожанистый, многоплодный.

Розбѣсытысь, взбѣситься, рассвирѣпѣть.

Розгрýпчыты, нарушить цѣлость, начать.

Розрѣжыты, разгараться, разгоревать.

Розшыбытельный, пройдоха, сорванецъ.

Ро́спаркы, непарные (о сапогахъ, рукавицахъ и т. п.).

Ро́спары, непарные (волы).

Росплататысь, распластаться, упасть.

Ростобырючуватый, растрепанный, торчащій въ разныя стороны.

Ро́хкаты, „про мене сынку, хочъ свынку, абы на мене нерохкала.“

Рукѣ́ля, тоже что и „ра́шнык,“ треугольный сакъ для ловли раковъ съ берега.

Рукивье́, кукоятка, напр. у креста, хоругви.

Рябомызый, рябомордый: „рябомыза вивця.“

Ряха, понятіе противоположное неряхѣ.

Рынкгачъ, волъ похожій на бугая: „бугайкуватый.“

Салянка, синица (parus).

Самопыхомъ, самоуправно.

Свыдовый, на́дзелень: „скосыты у свыдъ, свыдове жыто.“

Свыстуха, застарѣлая ковыль; поносъ.

Сердуваты, сердиться.

Скі́пець, ямка, сколько захватитъ лопата.

Складаный, складной (ножъ).

Складнычо́къ, портмоне.

Скнйты, угасать, умирать.

Скоро́здра, скороспѣлка.

Ско́та, логовище, нора.

Скрутень, свитый пучокъ лозы для увязки плота.

Слободный,-но, легкій, нетрудный, легко, нетрудно.

Сморщына, вылощенная палочка у сапожника для заглаживанія морщинъ на сапогѣ.

Сокорыты, глаг. курица „сокорыть“ послѣ сноски яйца.

Со́нухъ, сонъ, растеніе (Pulsatilla).

Сотрудныкъ, утѣшитель.

Спадкы, наслѣдство.

Спидкы, варежки въ кожаныхъ рукавицахъ, „накожняхъ.“

Спотыньга, неожиданно: „це така собака, що *спотыньга* рве.“

Спотыновy, снова, сначала.

Спычакъ, рыба-самецъ во время тренія.

Сталка, конецъ (при плетеніи): „батигъ у чотыри сталкы“, „вижкы въ одно́сталку.“

Статурный, фасонный.

Стая, станъ „полукипкивъ,“ каждый въ 30 сноповъ.

Стебелькуватый, тонкій, стройный: „стебелькувата дивчына.“

Ступарь, водяная мельница для валянія сукна.

Сугро́ба, большая выбоина.

Суплашъ, врядъ (пластами), сплошь.

Сурганытысь, тяжело везти.

Сыла́къ, силачъ.

Сыроватень, лунь (птица).

Таловы́на, проталина.

Тахлюва́ты, тасовать (карты).

Твань, тванюка, невылазная грязь.

Телесува́тысь, соваться куда либо: „пасылу утелесувавсь,“ протолпился.

Телій, воспаленіе у лошадей и скота.

Типчына́, мурава, газонъ.

То́ркы, у ткачей концы пряжи, къ которымъ „прысукуеться“ основа.

То́рокъ, небольшой плотъ изъ 3—5 бревенъ. На *торкы* разбивается большой плотъ и пригоняется къ берегу.

Тривны́й, сытный, аппетитный.

Тры́ппуль, перекладина, къ которой подвѣшивается за ноги тушка.

Турка́тый, (вилъ), у котораго „рога рогачемъ,“ т. е. концы обращены одинъ къ другому.

Туры́ця, сорная травка (echinospermum lupulla).

Тыжнёва, дисентерія.

Удушытысь, запыхаться.

Улукоше́тыты, убить, застрѣлить.

Улы́нуты, влить (однокр.).

Уплавзованный, вылощенный.

Уплавзуваты, выгладить лазаньемъ.

Утлый, слабый: „утлый на морозъ.“

Утраплюватысь, унадиться.

Ухвыцити, застать дома, во время: „колыбъ мени его тилкы ухвыциты,“ (поль.).

Ухабнуты, схватить, стащить, украсть.

Ушеле́пкатысь, попасть во что либо несчастливо.

Ушны́пытысь, вязнуть къ кому, взяться усердно.

Уща́выты, „дощъ ущавывъ,“ приударилъ.

Хабо́ття, мѣлочь, лохмотье.

Хавту́ры, съѣстное на похоронахъ.

Хвандъ, фалдъ, складка въ кожухѣ и т. п. тоже, что „усъ.“

Хва́стыкъ, хвастунъ.

Хлуды́на, тоже, что и лозына.

Хлякіа, грязь, ростепель.

Храбу́стъ, капустное листье.

Хро́кало, болтъ для пуганія рыбы.

Хурда́, захудалая овца; бѣдняки.

Ча́рпаты, черпать.

Чвакъ, повальная скотская болѣзнь, когда у скота трѣскаются и слазятъ копыта.

Чвара́, надоѣдливый человѣкъ.

Червакъ, *чарва́къ*, червь.

Червиты, болѣть.

Черво, красно: „сонце сида черво.“

Черда́, просо разныхъ сортовъ.

Чері́дка, свиное стадо.

Чеснякъ, честный человѣкъ.

Чо́ло, чистое зерно при вѣяніи.

Чорторочыты, пустяки говоритъ.

Чы́чмаря, мѣлкій дождикъ; то, что назыв. моросить.

Шагаматня́, шумъ, суета.

Ша́нька, торба, (для овса лошадямъ, у рыболова и т. п.)

Шарлай, сорная трава (Centaurea margaritacea).

Шебъско, скоро, шибко: „бигты шебъско.“

Шепоты́лныця, перекупка разъѣзжающая около Екатеринослава по окрестностямъ и покупающая, что прійдется.

Шкандыляты, тоже, что и „шкандыбаты,“ хромать.

Шкырында́, корга старая.

Шлихта, клейстеръ, употребляемый ткачами для смазки „основы.“

Шрубъ, шрамъ, рубецъ.

Штанда́рына, дрючокъ (2 или 3), положенный поперекъ воза, чтобы удобнѣе и болѣе набрать сѣна.

Штапуваты, выговаривать, упрекать.

Штыбъ, образецъ, манера.

Штыль, дрючокъ, которымъ носятъ солому, сажня два длины.

Штыхъ, пластъ, толщиною въ лопату.

Шыткы, шитье (работа); шытво́ означаетъ также и качество работы.

Щупа́къ, щука-самецъ.

Якорци, колючки съ растенія tribulus terrestris.

Ялы́нка, длинный шестъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, которымъ „пыхаютця“ съ барокъ на Днѣпрѣ, идя противъ теченія.

Ягнакъ, короткій кожушокъ у чабановъ, надѣваемый прямо на тѣло.

Ярепы́на, Аграфена (соб. имя).

Ярми́съ, сутолка, хлопоты.

Ярчакъ, сборище: „рыба такъ ярчакамы и ходе.“

Оглавленіе.

Стр.

Стр.

Заговоры. Молитвы и т. п.